

6
1963

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

К историко-революционной повести А. Алдана-Семенова «Путешествие в год восемнадцатый».

Искажель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Борис ЛЯПУНОВ. Луна и геологи	3
Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ. Путешествие в год восемнадцатый	8
Л. ПЛАТОВ. Последняя стоянка «Летучего Голландца» . . .	26
Николай КОРОТЕЕВ. Испания в сердце моем	56
Из блокнота «Искателя»	55, 117
Рудольф ДАУМАНН. Волк Анд	118
Ж. РОНИ-старший. Сокровище снегов	139

№ **6** (18)

1963
ТРЕТИЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ПУТИ В НЕЗНАЕМОЕ

Рис. В. НЕМУХИНА

Все новые победы в освоении космоса одерживает советский человек. Искусственные спутники Земли, автоматические межпланетные станции, блистательные рейсы наших героев-космонавтов — таковы исторические этапы большого пути.

И вот новый шаг — запуск советского космического корабля «Полет-1», способного совершать широкие маневры в космосе, меняя плоскость орбиты и высоту.

ЛУНА И ГЕОЛОГИ

Измерения, сделанные астрономами во время лунных затмений, позволили установить резкий перепад температур, существующий на поверхности нашего естественного спутника. На солнце — плюс сто двадцать, в тени — минус шестьдесят градусов. Появилась тень — и жара, при которой вода давно превратилась бы в пар, очень быстро сменяется суровым морозом. То же происходит при смене дня и ночи.

Какая же порода может выдержать такой перепад температур? У какой породы теплопроводность в тысячу раз меньше, чем у самого плохого проводника тепла на Земле?

Ответить было очень трудно. Такой породы на нашей планете не нашлось. И, естественно, появилось предположение: Луна покрыта толстой «шубой» из пыли. Это подтверждала как будто и радиолокационная разведка.

Но сомнения оставались. Ученые снова и снова измеряли температуру лунного шара. От точности этих измерений зависела и «судьба» лунной пыли.

Сравнительно давно было обнаружено, что Луна — природная радиостанция. Так же как Солнце и звезды, она излучает в космос радиосигналы.

Но радиоизлучение и температура поверхности связаны меж-

Будущее стало ближе. Ведь управление космическим кораблем необходимо прежде всего для осуществления полетов к соседним планетам. Настанет время, и на эти планеты отправятся космонавты, ученые, разведчики внеземных недр — космические геологи.

Пути геологии и планетной астрономии сходятся все ближе. Они помогают друг другу, проверяют и дополняют одна другую. Ответы на многие вопросы, которые касаются земного шара, можно найти на других планетах солнечной системы. В то же время новые знания о Земле помогают нам разобраться в жизни далеких пока планет.

Первой базой геологов в космосе будет, вероятно, Луна.

Что нам известно о ней!

ду собой. Луна получает тепло от Солнца, а ночью отдает его. Сигналы Луны-радиостанции надо было сравнить с какими-то другими сигналами и таким образом многое узнать о свойствах лунных пород — об их теплопроводности и плотности.

Радиофизики Горьковского университета решили для такого сравнения построить искусственную «радиолуну», температура которой была точно известна. Разумеется, для этого не понадобилось строить модель в натуральную величину, достаточно было взять диск небольшого диаметра из поглощающего радиоволны материала и поместить его так, чтобы угловые размеры двух лун — искусственной и настоящей — казались бы наблюдателю у радиотелескопа одинаковыми.

Сравнивая излучения обеих лун, советские ученые узнали, как изменяется температура на естественном спутнике Земли. Теперь оставалось по характеру охлаждения и нагрева определить, из чего же в конце концов состоят лунные породы.

В работу включилась кибернетическая машина. Только она и могла вывести из множества данных (различные величины предполагаемой плотности и теплопроводности лунных пород) единственно верный результат. И машина остановила свой выбор на веществе вдвое менее плотном, чем вода.

Результат неожиданный: раньше считалось, что, наоборот, лунное вещество в два раза тяжелее воды. Что же это за порода? Пылью она, во всяком случае, быть не могла!

Проводя различные сравнения, планетологи пришли к выводу: Луна покрыта породой, похожей на гранит. В ней есть кварц, окиси алюминия и кремния, а также окислы железа, магния, калия, натрия, кальция.

Но почему же «лунный гранит» так легок? Потому, ответили ученые, что он пронизан порами наподобие земного туфа или пемзы, а поры эти образовались в то время, когда из недр Луны выходили горячие расплавленные массы, насыщенные газами. (Всем нам известны пенопласт и пенобетон — тоже насыщенный газом и застывший потом обычный, непористый материал.)

Сейчас ученые пробуют подобрать породу, похожую на лунную, и другим путем: ищут модель, образец которой отражал бы свет так же, как Луна.

Радиоизлучение идет только с поверхности, но и из глубин лунного шара. Удалось вычислить температуру и этих глубин. Наш холодный спутник, оказывается, внутри горяч! С углублением в недра Луны на пятьдесят километров температура повышается на тысячу градусов — так говорят расчеты. И если они верны, значит к поверхности Луны поднимается поток тепла не меньший, чем у Земли.

В чем причина? Быть может, в радиоактивных элементах, как и на Земле. Предполагают, что их на Луне даже больше.

Что еще заставляет предполагать наличие у Луны горячей «начинки»?

Изменения на лунной поверхности.

Их наблюдали и раньше. То исчезал какой-нибудь кратер, то появлялись и пропадали какие-то пятна... Думали: уж не иней ли это все-таки выпадает в долгие морозные ночи, чтобы с восходом Солнца исчезнуть?

Выдвигалась даже совершенно серьезно мысль о том, что пятна не что иное, как полчища насекомых, заметные даже с Земли. Но все это были предположения, весьма шаткие. Лишь недавно удалось наблюдать «живую» Луну.

Это произошло в ноябре 1958 года и повторилось почти год спустя. Профессору Н. Козыреву удалось установить, что из кратера Альфонс внезапно вырвалось облако газа. Новые наблюдения — и оказалось, что другой кратер, Аристарх, тоже своего рода газовый вулкан. Молекулы водорода и углерода — вот что он выбросил. Так показала спектрограмма.

Но для того чтобы образовался молекулярный водород, нужна высокая температура!

Правильность всех этих предположений проверят геологи в космических скафандрах. Многие даст науке непосредственное изучение Луны.

Судите сами. Атмосфера и магнитное поле защищают Землю от вторжения заряженных частиц больших энергий. Там, где нет ни того, ни другого, этим космическим снарядам удается разгуляться вволю. Обладая огромной энергией, они крушат ядра встреченных по пути атомов. Но разрушенное ядро — это уже либо другой элемент, либо изотоп. Даже в земной атмосфере космические лучи непрерывно производят различные превращения. На больших высотах, в самых верхних слоях атмосферы, возникают поэтому разновидности углерода, водорода, бериллия, появляется гелий.

Луна ничем не защищена. Пока она странствует в космосе, излучения могут переделать ее поверхность. Вместо одних элементов в ней рождаются другие.

И, возможно, поверхностный слой — «корочка» Луны толщиной в несколько метров — служит своего рода лабораторией ядерных превращений. Там образуются и тритий — тяжелый водород, и гелий, и неон, и аргон, и изотопы кое-каких металлов.

Неизвестно, конечно, сколько их там, принесут ли они какую-нибудь пользу. Но об одном можно сказать с уверенностью. Если геологи-космонавты найдут где-нибудь в расщелинах выходы необлученных пород, они сумеют определить, сколько накопилось в верхних, обстрелянных частицами слоев новорожденных элементов. И сколько на это понадобилось времени. Они смогут тогда сказать, какие из лунных гор моложе, какие старше и как складывался современный рельеф Луны на протяжении миллионолетий. Они узнают тогда, какую роль сыграли в истории нашего спутника лучи, приходящие из космоса.

Так же как и на Земле, образование рельефа Луны руководили внутренние силы. Лунная кора поднималась или опускалась. Вулканы выплескивали лаву. Появлялись трещины, разломы.

Но не было выветривания, не было размыва. Только резкая смена температур, только метеориты и космическая пыль нарушали покой. И следы того, что происходило когда-то очень давно, должно быть, сохранились на лике Луны до сих пор.

Луна — своеобразный музей, запечатлевший ее историю с самых древних времен. Но, кроме разгадок вековых тайн природы, что еще найдут геологи на Луне?

Не будем пока забираться глубоко в лунные недра, поищем полезное где-нибудь поближе — в глубоких пещерах и впадинах, например.

Их очень много. Есть среди них и такие, куда, вероятно, никогда не заглядывают солнечные лучи. А ведь если Луна развивалась так же, как и Земля, если когда-то выделялась из лунных глубин вода, значит она могла и остаться. Не вся, конечно, малое притяжение не удержало влагу, как не удержало оно и атмосферу. Но где-нибудь в пещерах или расщелинах, где царит вечный холод, вода могла задержаться и обратиться в лед.

А это очень важно. Вода и кислород необходимы людям. Ведь они собираются не только посетить Луну, но и прочно на ней обосноваться!

Вода, возможно, находится и в горных породах. Нужно будет только суметь ее оттуда извлечь.

Горячие лунные недра обещают нам и находку радиоактивных гнезд.

Но все это первая разведка. Со временем изучение и освоение Луны будет разворачиваться все шире.

Ракеты доставят все необходимое для постройки лунной станции. Возможно, разместят ее где-нибудь в скале: там, под толщей пород, не страшны ни холод длинной лунной ночи, ни жара столь же длинного лунного дня, ни излучения, ни метеоритная бомбардировка.

Установки искусственного климата будут поддерживать в помещениях станции любую нужную температуру, давление, влажность. Лунные жители получат атмосферу по заказу...

Энергию даст гелиоустановка. Полупроводниковые батареи станут ловить солнечные лучи, аккумуляторы — запасать ток, чтобы снабжать им хозяйство станции ночью. А оно большое и сложное, это хозяйство.

Ток нужен локаторам — поблизости ракетодром, где принимают и отправляют корабли на Землю и с Земли. Он нужен приборам обсерватории, которая размещена под прозрачным бронированным куполом, лабораториям, радиостанции.

И начнут свою систематическую работу геологи (лучше все-таки сказать — селенологи: «селена» — луна).

Они соберут образцы пород, установят, каковы эти породы на самом деле, проверят, в чем были мы правы, когда подбирали нечто похожее на Земле, и в чем ошибались. Решится вопрос и о следах атмосферы (думают, что там они все-таки существуют) и о жизни (не исключена и такая возможность!). Жизнь, надо понимать, примитивная, не идущая ни в какое сравнение с земной, но... Быть может, удастся ее обнаружить.

Лунный спутник заснимет Луну. И эти снимки, уже с близких расстояний, помогут составить подробные карты всей поверхности неведомого мира.

Оба лунных полушария нужно будет посетить селенологам. Но пешком их не обойдешь — и сложно и долго! Инженеры предоставят новую технику в распоряжение космонавтов. Они построят вездеход для путешествий по Луне, который сможет передвигаться по изрытой каменистой поверхности «морей».

Луна еще не достигнута, а проекты лунного транспорта раз-

рабатываются уже сейчас. Предложен, например, интересный проект вездехода, в котором люди стали бы совершать длительные вылазки по лунному бездорожью.

Это огромный шар из прочной двухслойной ткани с теплоизоляцией внутри. Ракета доставит его в сложенном виде с Земли. Снаружи на него надет обод — надувная шина. Она столь широка, что легко преодолевает препятствия на пути: трещину, лунку, порог. Электромоторы заставляют катиться гигантское колесо, увенчанное сверху большим экраном полупроводниковой солнечной батареи.

Шар — своего рода лунная станция, только подвижная. В ней есть все, вплоть до собственной оранжереи-аквариума, где растут питательные водоросли, кстати очищающие воздух.

Но вездеходу могут встретиться не только равнины. Наоборот, чаще всего ему придется взбираться по горным кручам, пробираться через хаотические нагромождения камней, через гряды холмов и расселины.

Вот почему появилась идея вездехода шагающего, который пройдет там, где наверняка застрянут гусеницы.

Такие вездеходы разбредутся по Луне.

Механические руки соберут пробы пород, автоматическая буровая установка добудет образчики из глубин. Тотчас приборы произведут анализ. За работой их, глядя на телеэкран, будет следить оператор.

Со временем более мощные скважины пронизут всю лунную кору. Может быть, чтобы прощупать сейсмическими волнами внутренность лунного шара, устроят искусственный взрыв, как это делают геологи и на Земле.

Будут в конце концов расставлены условные значки на картах; то, что скрывают там недра, откроется покорителям Луны.

Быть может, со временем своя промышленность возникнет на Луне. Химики научатся добывать воду и воздух из лунных пород.

Уже сейчас, до лунных перелетов, инженеры ведут интересные опыты по переработке горных пород. Они нагревают их в солнечной печи, и притом в пустоте, точь-в-точь как будет на Луне. Из породы выделяются вода и кислород.

Такую установку соорудить на лунной станции даже легче, чем на Земле. Яркие лучи Солнца и безвоздушное пространство вокруг — остается только смонтировать зеркало да саму печь.

Если найдут руду, если найдут уран, построят атомную электростанцию и металлургический комбинат. А может быть, обнаружат и подлунные нефтяные озёра. Тогда химические фабрики появятся на заселенном спутнике нашей планеты.

Прямо на месте будут вырабатывать топливо для космических кораблей, всевозможные продукты, в каких нуждаются внеземные поселки.

А если на Земле возникнет нужда в дарах Луны, караваны ракет переправят добытое лунными колонистами через межпланетные бездны...

ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ
ПИСАТЕЛЯ

АНДРЕЙ АЛДАН-СЕМЕНОВ

Путешествие
в год
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Уже десять лет связан я творческой дружбой с журналом «Вокруг света». В нем после долгого перерыва в литературной деятельности появились мои северные повести.

Несмотря на почтенный возраст, я люблю молодых, сильных, смелых героев-открывателей и покорителей нашего Севера. Люблю романтику путешествий и непрерывной упорной борьбы человека с суровой, но и великолепной северной природой.

По-моему, каждый писатель, работающий в приключенческом жанре, должен показывать, как развиваются и закаляются в борьбе с трудностями и препятствиями характеры героев нашего времени, привлекать внимание юного читателя и возбуждать его любовь к несказанной красоте, мощи и богатствам родной земли. Не понимаю, как можно строить приключенческую повесть на голом сюжете со сногшибательными событиями и забывать о человеческих характерах, не показывать душевного роста героев, не рисовать пейзажей. Зачем обеднять жанр! И зачем выдумывать события и происшествия! Жизнь ежечасно преподносит их, всегда неожиданные и часто необыкновенные.

Я давно собираю документы, письма, газетные и журнальные вырезки о благородных и героических поступках обыкновенных советских людей. Эта особая библиотечка на рабочем столе писателя — неиссякаемое хранилище и тем и сюжетов.

А. Лидан - Семин В

СВИДАНИЕ

Оранжевое, легкое утро встает над северным городом, заречными лугами, синими прохладными тенями сосновых борков. Из окна гостиницы видно: по реке ползут белые пароходики, сутулятся рыжие баркасы, спят лодки, уткнувшись в песчаные отмели. Ширь, глубокий простор, свежий ветер, березы, кипящие молодой листвой. Цветут осоки — невесомый пух опускается на крыши домов, на росистый асфальт набережной. И кажется, из-за речной излучины не облака плывут, освещенные восходом, а алые паруса из сказки Александра Грина. И уже не удивляешься, что именно здесь, в старой Вятке, возникли «Алые паруса». Знаменитый романтик Грин — ее уроженец. Он мой земляк, поэт и мечтатель, всю свою

жизнь писавший о море и ни разу не ходивший в его просторы.

Здесь, в маленьком городке бывшей Вятской губернии, провел свое детство мечтатель и романтик другого склада, негигаемый коммунист-ленинец, трибун революции, именем которого назван город, — Сергей Миронович Киров.

Я брожу по сочному от росы асфальту родного города и не узнаю его. Все не то, не то, не то! Не те старые и совершенно новые, застроенные многоэтажными зданиями улицы, бульвары и сады — они раздались вширь и даль, играют фонтанами, переливаются радугой цветников.

Не та и публичная библиотека, основанная ссыльным Герценом. Она захватила почти весь квартал, приподнялась вверх, как и положено хранилищу человеческих знаний.

Бронзовый Герцен встречается неподвижными, но пронизательными глазами мудреца и поэта.

Десять часов утра, но просторный светлый зал почти переполнен. Молодые русоволосые головы, синие и серые глаза, шепчущие губы, шорох листаемых страниц.

На выдаче — чинная очередь, разговоры вполголоса, тени библиотечарш, ломающиеся по книжным полкам. А вот, должно быть, интересный читатель: медная шапка перепутанных волос да белая футболка, вырывающаяся из штанов.

В глазах мальчишки напряженное ожидание. Интересно, что ему предложит пожилая библиотечарша в старомодных буклях. Она появляется с двумя зачитанными толстыми книжками.

— Вот «Магелланово облако». Прочти, интересная книга. А это «Туманность Андромеды», — говорит библиотечарша. — О космонавтах, о путешествиях в космос.

— Это про Гагарина? Про Юрия? — оживает паренек.

— Не совсем. Эта книга о будущих путешествиях к звездам. Я слышала, Юрий Гагарин читал эту книгу.

— Беру! Гагарин зря читать не станет.

Снова иду по знакомому и почти незнакомому городу, а над головой проплывают подъемные краны, мимо проносятся троллейбусы, автомашины, в каждом окне каменных корпусов мерцает по солнцу. Это работают сварщики.

Ищу следы мусорных свалок и монастырских стен: где они, печальные следы моего детства? Может быть, в глубоких заболоченных оврагах, безобразных и вонючих клоаках прежней купеческой Вятки? Они пересекали город в самой центральной и оживленной части его.

Вот и овраги.

По крутому склону спускаюсь вниз и попадаю на стадион. Скаты оврага — трибуны, красивые и строгие; футбольное поле как омут, затянутый зеленой зацветающей ряской; спортивные, очерченные белым дорожки напоминают орбиту космического корабля.

Бородач в порыжелом фартуке подметает мусор между трибунами.

— Давно здесь построен стадион?

— Молодой ишо! Мелюзга строила, — отвечает сторож, пристукнув метлой по скамье.

— Какая мелюзга?

— Школьники наши, интернатцы, пионерия, а вам-то што?

— Да так, любопытно.

— Вяцкие — люди хвацкие, — самодовольно говорит сторож. — Поговорку, чать, слыхивал?

— Приходилось, — уклонился я от зацветающего было разговора, взобрался на обрыв, перешел улицу и увидел второй, когда-то до пустяков знакомый овраг.

Овраг заполнен прохладными голубыми елями, черемухой, бузиной, звездные скопления цветов перемигиваются с его склонов, мерцают со дна, крыжовник, малина, красная и черная смородина разбегаются по разным направлениям. Овраг превращается в молодой ботанический сад — своеобразный филиал старого, находящегося в третьем, соседнем, овраге.

Старый ботанический еще больше разросся и обогатился редкими деревьями и кустарниками. В густых его зарослях совершенно исчез каменный бассейн с очертаниями Черного моря. Когда-то этот бассейн пленял детское воображение своей миниатюрной схожестью с черноморскими берегами.

Присаживаюсь на траву под узорчатыми листьями бузины, любуюсь неподвижной, насквозь просвеченной водою бассейна, и воспоминания отрочества проходят передо мною. Где они, друзья моей юности, веселые мечтатели, романтики путешествий, строители пятилеток?

В бассейн падают лепестки, и вода морщится от их неслышного прикосновения, белая бабочка пролетает над «Черным морем» и никак не может одолеть шестьдесят сантиметров «Босфора». Бабочку перехватывает солнечный луч, тянет, как на буксире; белые крылышки ее розовеют, и вот опять алые паруса встают над бассейном...

Александр Грин мечтал под бледным небом Вятки, может быть у этого каменного бассейна.

Романтика... Романтика...

Порой незаметно для себя мы вкладываем в старые слова новый, не присущий этому понятию ранее смысл. Романтика еще совсем недавно означала сказочность, несбыточную, выдуманную мечту, как «Зурбаган» и «Бегущая по волнам». Но в годы, когда перо Грина создавало образы этих героев, революция выдвинула на первый план других романтиков — романтиков не только мечты, а свершений. Эти романтики, молодые и страстные, чистые и благородные, закладывали в боях основы прекрасного государства — нашей Страны Советов.

И я приехал в город своего детства, чтобы хоть в рбщих чертах воссоздать историю жизни коммуниста, командира Железной дивизии Владимира Азина. Имя Азина связано с Вяткой, как дерево с землей, парус с морем, героизм с революцией. Имя Азина, гремевшее над Уральским хребтом и царицынскими степями, это честное смелое имя, мало известно потомкам. Человек, отдавший свою короткую жизнь революции и народу, человек, заслуги которого не меньше заслуг Чапаева и Щорса, забыт совершенно несправедливо. Почему? Как это могло случиться? Имя Азина долгое время упоминалось только как имя предателя. Теперь его надо восстановить и рассказать о нем широкому кругу читателей. Необходимо было разыскать живых свидетелей деятельности Азина, найти архивные материалы.

У меня была для начала единственная слабая ниточка, за которую я мог ухватиться.

Нет, не вятский губернский архив, не скудные экспонаты местного музея — они мало что прибавляют к облику молодого Азина. Есть в городе многознающий человек, он собирает и хранит все связанное с жизнью и деятельностью примечательных людей своего края: факты и документы, истинные происшествия и легенды, песни и поговорки, устные рассказы и подлинные письма. К счастью нашему, такие люди живут почти в каждом городе, во многих селах. Они собственной страстью приговорили себя к поискам всего примечательного и важного для истории родного края.

Я иду к этому человеку.

Высокий худой старик встречает меня на пороге. Выцветшие голубые глаза, рыжие жесткие усы, пергаментные щеки и молодые крепкие веселые руки. Время почему-то меньше всего разрушает руки.

Василий Георгиевич Пленков встречает гостей так, словно они приносят ему неслыханную радость. Он расцветает морщинками, усами, лохматыми бровями, высоким лбом и проводит меня в маленький кабинет, заставленный шкафами. Книжки, журналы, газеты. Толстые фолианты и тощие папки, в них архивные документы, газетные вырезки, письма, статьи, очерки, стихи, фотографии.

Перелистываю архивные документы: революционная деятельность, детство Сергея Мироновича Кирова. К. Э. Циолковский в Вятке. Учитель Гоголя — К. В. Шапалинский — наш земляк. Василий Андреевич Жуковский в Вятке. Федор Иванович Шляпин и Вятский край. О нашем земляке С. Я. Лянгусове, который по приказу Петра Первого водил караваны с товарами в Китай. О нашем земляке-радисте Н. Р. Роджикове, который по поручению Ленина передал в эфир первые документы Советского правительства. О Л. П. Радине — авторе песни «Смело, товарищи, в ногу». Герцен и Салтыков-Щедрин в вятской ссылке. Детство Степана Халтурина. Новые документы о ссылке Яна Райниса в Вятскую губернию. Крестный отец Максима Горького — издатель Чарушников...

Государственные деятели и поэты, революционеры и художники, изобретатели и ученые, герои революции и герои колхозного строя, певцы и композиторы, люди всемирно известные и люди бесследно исчезнувшие сошлись в этой маленькой комнате, на окраине города.

Поискам и собиранию этих драгоценных материалов посвящена вся жизнь Василия Георгиевича Пленкова. Никто не давал ему такого задания, не помог в поисках, не вырубил средствами, одна только любовь к истории и славе родного края вдохновляла искателя.

— Вас интересует Владимир Мартынович Азин? — Пленков кладет на стол толстую порыжевшую папку. — Я по крупичкам собирал документы о жизни его и революционной деятельности. Здесь кое-что есть, — стучит он костяшками пальцев по папке. — Но думается мне, но кажется мне, начинать надо не с архивных документов. На Вятке живут еще азинцы, его сорат-

ники, бойцы Железной дивизии. Я сам все собираюсь съездить, побеседовать кое с кем, да на седьмом десятке не легко подниматься в дорогу. А вы поезжайте, поезжайте! Я вам и адреса дам и маршрут помогу составить. Владимир-то Азин со своим отрядом по реке спускался до самых до Вятских Полян. Там свою Железную дивизию создал. А пока возьмите документы, почитайте, поразмыслите над ними.

Я возвращаюсь в гостиницу и погружаюсь в чтение. Уже вечер. За окном сгущаются тени, напряженно режут машины, поднимаясь по крутой Ленинской улице, зажигаются красные и зеленые рекламы, топот пешеходов напоминает отдаленный морской прибой.

Июнь...

И тогда шел июнь. И, может быть, висела над городом такая же прозрачная ночь...

Пожелтевшие по краям, пожелтевшие целиком страницы воскрешают перед мысленным взором давнее и близкое сердцу время: легендарное время революции.

Отступает шум улицы, и иные звуки слышатся мне...

Так началось мое путешествие в восемнадцатый год.

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Комната в старинном купеческом особняке. Желтый свет керосиновой лампы освещает лица шестерых людей, сидящих за столом. Седьмой стоит у окна. Восьмой прохаживается из угла в угол. При резких поворотах его сабля цепляется за мебель и тихо позванивает.

Человек с саблей был молод, высок, статен. Синие живые глаза, покрасневшие от бессонных ночей, нетерпеливо поглядывали на товарищей. Воротник черной гимнастерки наглухо закрывал его по-юношески тонкую шею.

У сидящих за столом были тоже утомленные, посеребрившие лица. Самому старшему из них шел тридцатый год. Младшему недавно исполнилось двадцать.

Молодые люди, собравшиеся в комнате старинного особняка, были членами Чрезвычайного военно-революционного комитета. Возглавлял его Иван Попов — юноша с круглым, мягким лицом. Пенсне, черные, зачесанные назад волосы. Складки у губ старили лицо Попова, тревожная озабоченность притаилась в зрачках.

Попов отличался от остальных и своим костюмом — черным длиннополым сюртуком, белой манишкой, на грудь вытекал широкий черный галстук.

Рядом с Поповым сидел губернский военный комиссар Малыгин — широкоскулый, крупногубый, с толстым подбородком, добродушными серыми глазами. От квадратной спины и тяжелых рук его словно пахло лесами, цветущей рожью, дегтем смолокурен.

Около Малыгина сутулился Михаил Попов — самый молодой член комитета, маленький и гибкий, как таволожник. Скрестив на груди руки, подсунув пальцы под локти, он напряженно смотрел на человека с саблей. Были в его мальчишеском взгляде

де и лихость, и озорство, и острое ожидание чего-то большого и важного, которое вот-вот произойдет.

На другом конце стола поместились Капустин и Симонов — беловолосые кареглазые юноши с окаменевшими от решимости лицами.

Седьмой член военно-революционного комитета, Иван Шубин, стоял у окна, заложив за спину руки. Узкие, монгольского разреза глаза, подстриженные и закрученные усы торчали маленькими стрелками. Он только что закончил доклад о текущем моменте, тревожном, требующем принятия крутых и решительных мер.

Весной восемнадцатого года белочехи захватили Иркутск, Омск, Екатеринбург, всю Сибирь до Тихого океана. Английские интервенты заняли Мурманск. Японцы высадились во Владивостоке. Силы контрреволюции стремились соединиться с силами Антанты для решительного разгрома Советов.

По призыву Ленина Москва, Петроград, Нижний Новгород — вся молодая Советская Россия создавала рабочие отряды. Тысячи коммунистов и комсомольцев отправлялись добровольцами на Восточный фронт.

В это грозное время Вятка — вековое гнездо царской ссылки — оказалась форпостом революции. Она же была и местом, в которое со всех сторон страны стекались контрреволюционеры. Здесь под домашним арестом сидели князя Романовы. За стенами Филейского монастыря укрылся епископ Исидор, монархист и друг Распутина. Епископа окружали монахи, лабазники, черносотенцы. В стенах монастыря зрел контрреволюционный заговор: знаменем его являлась фамилия Романовых.

Монархисты и эсеры, анархисты и кулаки, окрыленные успехами интервентов, воистинем белочехов, готовились свергнуть советскую власть в Вятке...

Человек с саблей остановился посредине комнаты, одернул гимнастерку и заговорил, отчетливо и твердо произнося каждое слово:

— Я жду только приказа. Мы готовы разгромить мятежников. Я жду приказа, — повторил он, звякнув саблей.

Становилось понятным: только немедленный и решительный разгром контрреволюции спасет власть Советов в Вятке. И все-таки их было слишком мало — большевистский островок, окруженный водоворотами антисоветских заговоров. Правда, большевики удерживали в своих руках власть, но значительными вооруженными силами не располагали.

Иван Попов снял пенсне, зажал его в пальцах руки, а правой ухватил со стола измятую, грязную листовку и, пристукивая по ней указательным пальцем, сказал мягко, с вятским оканьем, округляя слова:

— Читали, что про нас эсеры языками молотят? — буква «о» словно разорвала фразу, придав ей суровый, упругий смысл. — Они болтают, что мы кровавые диктаторы, и прочую чушь. Но глупо, но дважды глупо думать, что они просто истеричные болтуны. — Попов скомкал листовку и швырнул на стол. — Клевеще на большевиков и обманывая народ,

левые эсеры готовятся к вооруженному выступлению. Листовка эта — открытый вызов нам. Полагаю, наступило время крутых революционных мер, — Попов быстро надел пенсне. — Чрезвычайный военно-революционный комитет должен дать приказ товарищу Азину. — Попов повернулся к человеку с саблей. Теперь лицо его потеряло округлые очертания, щеки напряглись и отвердели, в углах добродушных губ исчезли складки. — Разгромить эсеров — наш революционный долг. Но дело не в одних эсерах. Черносотенцы, царские офицеры, монахи, вятские промышленники подняли головы. Анархисты терроризируют город. Все эти волки пока еще не сошлись в одну стаю. Но обязательно сойдутся. А пока не сошлись, мы обезвредим их поодиночке. — Попов встал, высокий, похожий на учителя в черном своем сюртуке, в белой манишке, словно спрессованной из инея. Голос его зазвенел: — Военно-революционный комитет приказывает командиру Коммунистического отряда товарищу Азину сегодняшней ночью ликвидировать мятеж эсеров и анархистов, поднявших свой черный флаг. — Попов помолчал несколько секунд. — Комитет мобилизует местных коммунистов и комсомольцев. Мы призовем к оружию рабочих...

Члены военно-революционного комитета внимательно слушали председателя. У всех раскраснелись лица, заблестели глаза.

— Не будем терять драгоценного времени, — продолжал председатель. — Члены комитета отправляются в казармы, на фабрики, на заводы — поднимают на борьбу солдат и рабочих. Азин со своим отрядом обезоруживает эсеров и анархистов. Я беру на себя монархистов вместе с князьями Романовыми и епископом Исидором. Вятка останется советской.

Скрипнули отодвигаемые стулья. Члены комитета быстро пожимали друг другу руки и уходили. Они не прощались, не говорили «будь осторожен», «береги себя», они уходили спокойно и просто, с той неодолимой уверенностью молодости, в пору которой считают, что с человеком ничего дурного случиться не может.

В комнате остались Азин и Попов. Азин присел у окна, положил ногу на ногу, оперся рукой на саблю, глянул на городскую площадь.

На булыжной мостовой валялись обрывки бумаги, тополя осторожно несли в светлой ночи свои сквозные вершины. Магазинные витрины намертво задернулись ставнями, обыватели укрывались по домам, какие-то темные тени торопливо мелькали на тротуарах. Огромная площадь походила на грязное болото, берега которого заросли чахлыми церквушками, купеческими лабазами, серыми заплотами.

В левом углу площади громоздилось полукруглое двухэтажное здание — мануфактурный магазин Клабукова. Жирные бордовые буквы кичливо заверяли: «Все — и только у Клабукова. Бархат. Шелка. Полотно. Ткани».

Но двери магазина были замкнуты, а за роскошными, затянутыми черным бархатом витринами притаились пулеметы.

За магазином Клабукова виднелась крыша купеческого дома, над ней черным вороном моталось знамя анархистов. За суконными портьерами дома также скрывались пулеметы.

Азин отвернулся от окна, потрогал короткие усики.

— Эсеры и анархисты, надо полагать, пока ничего не подзревают. Ну что ж! Мы их обезоружим сегодня ночью.

— Царские офицеры собираются в синемаатографах «Одеон» и «Коллизей». Я сперва захвачу их и направлюсь к Филейскому монастырю, — ответил Попов.

Азин надел кожаную тужурку, серую папаху, поправил саблю и вышел из комнаты.

* * *

Азин пришел в казармы. Бойцы Коммунистического отряда замкнули своего командира в кольцо — напряженное ожидание достигло предела.

— Мы выступим в три часа ночи. Наша задача заключается в том...

Бойцы с молчаливым вниманием слушали командира. Выдержанные эстонцы, темпераментные мадьяры, спокойные латыши ненавидели войну и мечтали о мире. И все же они единодушно отозвались на призыв Центрального Комитета партии и добровольцами отправились на Восточный фронт.

Бойцы еще мало знали Владимира Азина, назначенного к ним недавно, но он нравился им своей страстной верой в победу революции, убежденностью коммуниста, биографией, похожей на их биографии.

Двадцатидвухлетний командир был сыном полоцкого крестьянина, в детстве хлебнул нужды, подростком служил счетоводом на текстильной фабрике у рижского промышленника.

В конце шестнадцатого года Азина мобилизовали в действующую армию. Семнадцатый год он встретил на передовых позициях Двинского направления в инженерно-строительном батальоне.

Февральская революция затянула юношу в водоворот бурных митингов и споров. Он метался с митинга на митинг, слушал бесчисленных ораторов, не находя ответа на обжигавшие его вопросы: «Когда закончится война? Скоро ли наступит мир? Получит ли народ землю? Будет ли эта свобода не на словах, а на деле?» Азина бесила фразеология меньшевиков и эсеров, он испытывал недоверие к Временному правительству, презирал анархистов.

Весной семнадцатого года Азин прочитал Апрельские тезисы Ленина. Ленин дал исчерпывающий ответ на все, чем мучился Владимир Азин и тысячи других таких же, как он. Владимир сразу и навсегда осознал: программа большевиков — его программа.

Азину хотелось поговорить, посоветоваться с другими. Он пришел к командиру инженерно-строительного батальона. Но тот, метавшийся между разными партиями и не знавший, к какой из них примкнуть, безнадежно замахал руками.

— В моей голове все перепуталось. Большевики, Керенский, эсеры, бывший царь, анархисты. Ничего не знаю и не понимаю. Хочешь — иди к большевикам, к анархистам, к эсерам. А я побегу в кусты...

Азин с горечью смотрел на нервное лицо командира, на его запавшие глаза, усталые руки, потом сказал решительно: — Я уйду к большевикам...

За несколько дней до Октябрьской революции Азин вступил в партию большевиков. После Октября он сражался с немцами под Двинском и Псковом, был тяжело ранен и направлен в госпиталь. В госпитале он с тревогой следил, как против молодой Советской республики поднимались белые генералы, как интервенты захватывали ее землю.

— Я не могу валяться на больничной койке, когда республика в опасности, — заявил Азин врачам. — Не уговаривайте меня, это напрасно.

Еще не окрепший от раны, он явился в Центральный Комитет партии с заявлением о немедленной отправке его на Восточный фронт. В Центральном Комитете сердечно отнеслись к молодому энергичному и грамотному солдату-коммунисту. Азина назначили командиром отряда, который срочно отправлялся в Вятку на помощь местным большевикам.

* * *

В три часа ночи отряд Азина выступил из казарм.

Июньское небо слабо зеленело над городом, шум берез, переполненных ветром, гасил осторожные шаги бойцов. Единственная пушка катилась по булыжной мостовой. Впереди отряда молча, с решительными лицами шагали Азин и Северин. Отряд в полном безмолвии приближался к Николаевской улице, на которой в Доме общественного собрания засели мятежники.

Около городского театра Азин заметил маленькую бегущую тень. Человек размахивал шапкой, задыхался, но мчался, едва касаясь босыми ногами мостовой.

— Стой! — тихо крикнул Азин. — Что за тип? Откуда и куда?

Человек остановился, вытер шапкой лицо. Курносый, веснушчатый, белобрысый мальчишка, торопясь и проглатывая слова, затараторил:

— Мне нужен командир Азин! Это ты, чо ли, командир Азин? Председатель Попов меня послал. Он велел тебе передать, чо белые с черным флагом сошлись, чо засели в школе на Преображенской улице. У них теперь силенки вместе...

— Вот и хорошо! — усмехнулся Азин. — Хорошо, что эсеры соединились с анархистами. Бить будет сподручнее. А ты кто таков?

— Володька Алексеев.

— Что-то ты больно молод!

— Двенадцать полных. Чо, не веришь?

— Лихой из тебя красноармеец выйдет. Что еще говорил Попов?

— Велел быть при тебе, командир Азин. Приказ какой не на-либо, я мигом исполню.

— Ты ж босой, в одной рубашке — замерзнешь!

— Да ты чо, в июне-то?

— Тогда становись в строй. Замыкающим!

Каменные купеческие особняки и серые домишки обывателей спали, закрывшись расписными ставнями; во дворах, поросших бурьяном, сонно взлаивали сторожевые псы. Голые булыжники мостовой поблескивали росой.

Отряд вышел на Николаевскую улицу. Азин остановил бойцов возле пожара на месте дома купца Клабукова. Этот недостроенный дом вятского миллионера недавно сожгли эсеры, обвинив в поджоге большевиков. За ним, под горкой, перемитивался огоньками Дом общественного собрания. У его дверей темнела баррикада из дров, бревен, булыжника, опрокинутых телег. Черный флаг с черепом и перекрещенными костями плескался над баррикадой.

Азин смотрел на гнездо контрреволюционеров со смутной тревогой: хватит ли у него умения победить врага в этом первом своем бою? Первый бой солдата, ставшего командиром!

— Ты перекроешь выходы со двора и захватишь магазин Клабукова, — приказал Азин Алеше Северихину. — Бери человек пятьдесят и действуй. Тебя-то ведь учить не надо.

Северихин улыбнулся. Бывший офицер царской армии, а теперь коммунист, работник губернского военкомата, он считался заместителем Азина.

Потом Азин повернулся к бойцам и сказал:

— Мы предъявим им ультиматум — или сдача, или сметем к чертовой бабушке!

Артиллеристы развернули пушку, звякнул затвор. Азин положил на лафет руку. Бойцы все еще молча, легким, почти торжественным шагом стали замыкать в полукольцо Дом общественного собрания.

Часовой за баррикадой выстрелил, и длинное здание засверкало огнями. В окнах замелькали тени, из дверей выбегали офицеры и прятались за баррикадой. Короткая сухая очередь разорвала сонный воздух: пулемет, спрятанный на чердаке дома, рассыпал пули по булыжной мостовой.

Орудийное дуло нацелилось на баррикаду. Эсеры и анархисты, скрывшиеся за ней, не стреляли выжидая...

Азин выхватил саблю, поднял над головой и звонким и чужим для себя голосом крикнул:

— Именем революции требую сдать! На размышление три минуты. — Он опустил саблю, вынул из кармана часы, шагнул вперед.

Из-за баррикады раздался сытый бархатный голос:

— Сопли подотри, сукин ты сын!

— Минута!..

— Ты у меня сейчас завертись, — снова послышался сытый голос.

— Две минуты!..

Из-за баррикады вынырнул тонколицый, с хитро закрученными усиками офицер и выстрелил из револьвера. Пуля цвиньнула над Азиным, и он, слегка двинув серой папахой, усмехнулся. Тревога, только что мучившая его, исчезла. Он неожиданно остро почувствовал — враги не уверены в себе. Боязливый шепот и суетня за баррикадой, одинокий выстрел офицера

словно говорили: они в замешательстве, они не знают, что делать. Ясное спокойствие охватило Азина.

В подъезде дома суетились подтянутые фигуры, в окнах мелькали тени, на крыше появился матрос, перекрещенный пулеметными лентами, с гранатой в руке, в бескозырке, сдвинутой на затылок.

— Что ж ты, братишечка, из пушки по своим? — завопил он, поднимая гранату.

Пулемет на чердаке вторично хлестнул короткой очередью. Зазвенели разбитые пулями стекла.

— Огонь!

Снаряд начисто смел чердак, на баррикаду посыпались доски, кирпичи, известка. Первый орудийный выстрел оказался последним. Мятежники выкинули белый флаг, стали выходить из-за баррикады, из подъезда, бросать оружие. На задворках Дома общественного собрания и у магазина Клабукова затрещали револьверные и винтовочные выстрелы — это Северихин ворвался в магазин и разоружал мятежников.

Быстрая и бескровная победа окрылила Азина.

— Одним снарядом успокоили и эсеров и анархистек, — сказал он, не скрывая довольной улыбки. — Даже подрасться как следует не пришлось.

— А ты не жалеи! И в драку напрасно не лезь, — нахмурился Северихин. — Радуйся, что они сдались без боя.

Азин ничего не ответил. Внимание его привлекли пленные: холеные лица, породистые носы, прищуренные глаза, нежные руки. Среди этих самоуверенных подтянутых людей выделялись развинченные, нагловатые фигуры в широких клешах, коротких пиджаках, подпоясанные пулеметными лентами, — анархисты бросали ленты и револьверы на мостовую. В груди оружия чернел флаг с облупившимися буквами.

— В тюрьму! — приказал Азин. — Пусть с ними занимается военно-полевой суд.

Пленных увели. Азин все еще переживал радость первой и быстрой победы, отдавал короткие распоряжения:

— Отряду занять Дом общественного собрания. Трофейное оружие раздать бойцам. Баррикаду немедленно разобрать. К Попову отправить сообщение о разгроме мятежников.

Небо из зеленого стало розовым, с Вятки дул сосновый ветер. Окна наливались утренней зарей, над крышами, в высоком свежем небе резко блестели кресты церквей.

Северихин невольно залюбовался Азином: ему нравились четкие решительные приказы командира, его молодцеватый вид, свежее энергичное лицо. «Молод, умен, симпатичен и, должно быть, смел, — думал Северихин. — Такой командир вызывает к себе любовь бойцов, а лихость всегда притягивает. Умная лихость», — поправил он самого себя. Северихин был старше Азина, считал себя более опытным и знающим жизнь, но не чувствовал в себе азинской неотразимой уверенности. Не обладал Северихин и страстным красноречием Азина.

Северихин был рад, что подавление мятежа обошлось без кровопролития. Он пересчитал не только трофейные винтовки

и гранаты, но даже патроны в пулеметных лентах. Черный флаг анархистов поднял и свернул: «Гож на портянки».

Азин с бойцами проходил по залам Дома общественного собрания, отбрасывая ногой пустые бутылки, звонящие осколки бокалов, бильярдные шары.

— Вымести всю дрянь! Здесь будут наши казармы. Навести чистоту и порядок. Во всем революционный порядок. — Постукивая саблей по ступеням парадной лестницы, он легко выбежал на крыльцо и столкнулся с Володей Алексеевым. Мальчишка испуганно забормотал:

— Командир Азин, белые утекли в городской сад. Вот те крест, чо не вру!

Азин схватил Володю под мышки, приподнял и поставил на ступеньку крыльца. Заглянул в серые живые глазенки.

— И много их в саду?

— Пропатища!

— Бойцы, за мной! Не все бойцы, не все. Хватит полсотни.

В Александровском саду собирались заговорщики, успевшие ускользнуть из Дома общественного собрания и Филейского монастыря. Азинцы окружили огромный сад.

Контрреволюционеры стреляли в азинцев из-за деревьев, из темных углов, метались по аллеям, прыгали с обрывов на берег реки. Забирались на крыши и в чердаки зданий, расположенных на пристани.

Азинцы выбивали мятежников с чердаков, из лабазов и сараев, волокли к воротам сада. Под белым порталом ворот стоял Азин. Лицо его потемнело от ярости, из левой ноги сочилась кровь (ранило во время перестрелки), пальцы правой руки нервно сжимали рукоятку маузера. Он был зол на самого себя за то, что так легкомысленно уверовал в быструю и бескровную победу.

В неожиданной стычке в саду погибло три бойца его отряда, десять человек тяжело ранило. «Это мне наука. Надо бить врага и не останавливаться на полдороге».

После ликвидации мятежников в городском саду он направился в военно-революционный комитет. Азина с нетерпением ожидали Попов, Малыгин, Капустин. Остальные члены комитета еще не вернулись с кожевенных заводов, находящихся далеко за городом.

— Ты ранен? — перепугался Попов. — Немедленно вызвать доктора.

— Никаких докторов! Пуля слегка оцарапала ногу. Ловко ты накрыл контриков в монастыре, — ответил Азин.

— А ты от меня похвалы не жди. Не люблю слушать похвал, не люблю их говорить. — Попов устало откинулся на спинку стула. — А на Восточном фронте, судя по последним телеграммам, наши дела пошатнулись. — Попов постучал пальцем по пачке телеграмм. — Нам необходимо подумать о том, как помочь Восточному фронту.

— Как помочь фронту? — быстро переспросил Азин. — А вот как! Создадим Коммунистический батальон. Основное ядро батальона уже есть — мой отряд. Да к чему лишние слова? Дай-ка мне карандаш и лист бумаги. — Азин вырвал из школьной тетради листок и начал писать размашистым почерком.

Он писал, склонив набок русую голову, поблескивая молодыми глазами. Слова ложились на бумагу свободно и четко; члены комитета чувствовали — то, что пишет сейчас Азин, уже выношено и продумано им.

— Вот рапорт, — подал Азин листок Попову.

«Просьба выдать два пулемета, а также мандат на право реквизиции у состоятельных обывателей лошадей для приведения в полную боевую готовность Коммунистического отряда. При сем присовокупляю, что в означенном отряде предполагается организация артиллерийских, кавалерийских и пулеметных частей...»

— Дельное предложение, — сказал Попов, закончив чтение рапорта. — Такой батальон необходимо создать и направить на пароходах до Вятских Полян. Предлагаю поручить формирование батальона товарищам Азину и Малыгину.

— Благодарю за доверие, — ответил Азин. — И приступаю к созданию батальона.

* * *

Ранним августовским утром базарная площадь Вятки была заполнена народом. Вятичи провожали свой батальон на Восточный фронт. После краткой напутственной речи Попова на митинге выступил Азин. Сняв папаху, положив на грудь руку, он заговорил взволнованно и страстно. Слова его звучали как клятва.

— Врагов у нас много, но нас еще больше. Мы будем драться храбрее наших врагов, так как знаем, за что деремся! — закончил свое выступление Азин.

После митинга Вятский батальон отправился на пристань. Началась погрузка на речные пароходики и баркасы. Трещали трапы под колесами пушек и сапогами красноармейцев, громко ржали лошади, кричали провожающие. Над рекой, покрывая все шумы, ликовала мелодия «Интернационала».

Пароходы взяли на буксир переполненные баркасы и отчалили от пристани. Через полчаса речная флотилия скрылась за поворотом. Вятский батальон начал свой путь на Восточный фронт, и еще никто не знал, что он превратится в легендарную Железную дивизию революции...

БЕЛАЯ ЧЕРЕМУХА

«Герцен» шлепает плицами и взбивает мутную воду. Именно на нем сорок четыре года назад плыл Азин со своим батальоном. Правда, пароход тогда назывался по-другому.

«Герцен» гудит над мысами и отмелями, развертывая перед нами широкую цветную панораму. Солнце, словно раскаленное ядро, застряло в дымчатой мгле. На обрывах зелеными ракетами мерцают сосны. Всю реку пронизывает запах цветущей ежевики.

По Вятке медленно плывут плоты: река, насколько хватает глаз, забита плотами, пучки бревен торчат из воды, мелькают позеленевшие лесины, коряги, ржавые мотки проволоки, якор-

ные цепи. С утра реку будоражили моторки и катера, фыркали лебедки и краны, раздавались протяжные возгласы сортировщиков леса, а теперь вечерняя тишина съела все звуки, кроме неумолчного журчания воды.

Солнце опустилось в луговые травы, лесные тени переливаются в воде, где-то далеко играют сполохи. Там проходит неслышная и невидимая гроза. Сумерки, а светло. Светло от воды, от росных трав, от высокого звездного неба. С берегов наплывают белые зыбкие полосы испарений и стелются и цепляются за палубные перила.

Кажется, плывешь в какие-то бездонные дали, полные неясных загадок, неоткрытой красоты. И я невольно думаю о человеке, отдавшем свою молодую жизнь революции, думаю о Владимире Азине — победителе белых генералов при Казани и Ижевске, Екатеринбурге и Царицыне.

Он проплывал мимо этих берегов, смотрел в такие же звездные ночи, слушал все ту же вечную песню воды. О чем он думал тогда, о чем мечтал, какие пел песни? Может быть, о том размышлял он, что революция в смертельной опасности и что белые Восточного фронта соединятся с интервентами в Архангельске, с денкикинцами на юге. Думал о том, какую помощь принесет его батальон отступающей Второй армии. А что такое его батальон — пятьсот бойцов? Капля в море мятежей и восстаний. Может быть, тревожился он, что слишком молод и неопытен как коммунист и как командир. А когда проходила тревога, он пел «Смело, товарищи, в ногу» и «Вихри враждебные веют над нами» — свои любимые песни.

Поздно ночью мы покинули пароходик на пристани Русский Турек; отсюда рукой подать до районного городка Уржума — родины С. М. Кирова. Село крепко спало. На пароходный гудок отозвались только лохматые псы да эхо в старой тополиной роще. Случайный «газик» прихватил нас, и мы покатали по улице.

Зря только занималась, когда мы подкатили к Уржуму — городку моего раннего детства. Городок возник перед глазами и зазеленел воспоминаниями. Почти сорок лет не был я в нем и вот вернулся. Что-то пело в моей душе, и какая-то светлая печаль захлестывала меня. «Осталось ли то, существует ли это?» — волновался я по дороге. Теперь вижу красное кружевное неподвижное облако старого собора — великолепного творения вятских умельцев. Собор невесомо плывет над улочками, над яблоневыми и черемуховыми садами, голубоватыми луговыми травами. Собор, пленявший мою детскую душу, вновь очаровал ее узорочьем тонкой кирпичной кладки, воздушностью и строгостью своих пропорций. А в городе все те же каменные плиты тротуаров, те же массивные особняки, занятые теперь районными организациями, школами, детскими учреждениями.

Председатель райисполкома оказался словоохотливым человеком. Был он круглоголов, багроволиц, плавлен и неслышен в движениях. Медленно и задумчиво перебирая пуговицы на косоворотке, он говорил:

— Честно признаюсь, о командире Азине у нас смутные воспоминания. А ведь есть в районе старые азинцы, есть. Сохра-

нились в их памяти рассказы и песни о командире Железной дивизии. Мне один старик даже напевал песню про Азина. Председатель наморщил лоб, вспоминая.

— Только две строки вспомнил:

Слова героя никогда
С делами не расходятся...

— А где живет этот старик? — встрепенулся я. — Кто он такой?

— Это Яков Гаврилыч Крыжевских. Бригадир-полевод из колхоза Сосновки. Интереснейший старичище! У него такая биография, нам бы половину ее — козырем бы ходили! Сосновка, знаешь, где? На реке Вятке. Там Азин громил белочехов и оттуда пошел на Казань. В Сосновке до сих пор видны следы азинских окопов. Пстой-ка, сегодня какое число? —

— Второе июня.

— Ты вот что, бери мой «газик» и отправляйся в Сосновку. Завтра, третьего июня, у Якова Гаврилыча особенный день. Поговори с ним по душам, у него в жизни был один пунктик. Спроси об этом пунктике деликатно, много любопытного узнаешь.

Утром третьего июня мы уже были в Сосновке. Стояло бело-розовое утро, пахло цветущей черемухой. Черемуха цвела в палисадниках, огородах, оврагах, на берегах колхозного пруда. Ее тонкий торжественный аромат подавлял все запахи: и прелого навоза, и бензиновой гари, и печного дыма.

Я спросил о Якове Гавриловиче у молоденькой, с подойником в руках доярки. От ее крепкого свежего лица, халата, подойника несло все тем же черемуховым ароматом.

— Где искать Якова-то Гавриловича-то? А где ж он быть должён? — спросила доярка у самой себя. — Он, должно быть, с утра в черемуховой роще, у мельницы. Ступай в рощу, там-ко он...

По земляной дамбе мы вышли к старой, утопающей в пенном черемухнике мельнице. За мельницей по взгорку и дальше по лугам до соснового бора буйствовало все то же половецкое черемухи.

Вошли в рощу и замерли, охваченные запахами прохладного цвета, черемуховой смолы, прошлогодних листьев. Роща казалась и густой, и белой, и в то же время глубокой, прозрачной, и, не знаю, как это сказать, — невесомой, что ли, ускользящей в июньскую даль. Отцветшие лепестки сплошь засеяли теплую землю; медленно, наискосок падали меж стволами.

Пробираясь между деревьями, мы вышли на край широкой круглой поляны; в центре ее рос корявый размашистый вяз, рядом поднимался гранитный обелиск. Перед обелиском на скамейке сидел старик.

Узкоплечий, сутулый, бритоголовый — конечно же, это Яков Гаврилович. Он увидел меня и поднялся.

— Здравствуйте, здравствуйте! Слышал про вас, звонили из райисполкома. Присаживайтесь, — ладони Якова Гавриловича были жесткими и шершавыми, как ореховая скорлупа.

Старость словно не касалась его лица: длинное, с резкими морщинами между бровями, оно было гладким и моложавым. Вот только глаза, какие-то печальные и полинявшие, как голу-

бая эмаль, говорили о возрасте и давно пережитых страданиях.

— Извиняйте, что вас не встретил, — снова сказал Яков Гаврилович. — В другое время со всей душой бы, а нонче не смог. У меня нонче день особенный — третье июня.

Сказав эти довольно странные слова, он поднял глаза на обелиск, увенчанный охапками черемуховых веток. На вершине обелиска краснела пятиконечная звезда, под ней на сером граните строгой колонкой чернели имена восемнадцати человек. А под именами была высечена краткая надпись:

«Вечная слава борцам Революции!»

Яков Гаврилович сложил руки, уронил их между коленями. Я спросил:

— Кому это обелиск?

— Красным партизанам, — ответил Яков Гаврилович. — Колчаковцы на этом месте восемнадцать человек порешили. В девятнадцатом году дело-то было, третьего июня...

Существовала какая-то связь между братской могилой, третьим июня и Яковом Гавриловичем, но какая? Я стал осторожно, наводящими вопросами выяснять эту взаимосвязь...

Третьего июня девятнадцатого года колчаковцы прорвали наш фронт и вышли на Вятку. Передовые части генерала Капеля докатились до Сосновки. Азинцы отчаянно защищали деревню, но вынуждены были отступить. Колчаковцы взяли Сосновку, и началась расправа над мирным населением. Деревенский поп выдал карателям всех местных коммунистов, комбедчиков и партизан. Их было восемнадцать. Восемнадцать истерзанных, избитых, искалеченных пригнали в черемуховую рощу, на эту поляну, заставили рыть общую могилу.

Коммунисты рыли себе могилу, а колчаковцы издевательски пели над ними: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Яков Гаврилович говорил и все ниже опускал голову, вбирая ее в узкие плечи. Голос его стал тусклым и хмурым.

— И в эти минуты азинцы оправились и снова на Сосновку ударили. Да не успели только. Колчаковцы всех расстреляли, могилу ветками и землей кое-как засыпали. Командир-то, Азин-то, сам могилу раскапывал, расстрелянных на руках выносил. Из восемнадцати один только немного дышал. Его в грудь тяжело ранили, без памяти был. В этой могиле и братья мои лежат...

— А выжил он, восемнадцатый?

— А я и буду восемнадцатым-то. Я, можно сказать, на собственную могилу прихожу. Каждое третье июня...

Молчание было долгим и грустным. Над поляной подул ветерок, со всех сторон посыпались бесшумные влажные лепестки. Яков Гаврилович снова заговорил:

— Я тогда молод да силен был, живо оклемался и к Азину добровольцем ушел. Город Екатеринбург, нынешний Свердловск, с ним брал. А потом под Царицыном бились, там меня снова поранили, пришлось домой возвратиться. Много позже узнал: Азин на Маныче попал в руки денкинцев. К себе переманивали, не пошел. Тогда они его расстреляли. Ах, какой командир был, какой человек жил на земле! О нем в дивизии песню сложили. В походе пели, на привалах.

Как хорошо, что Яков Гаврилович вспомнил о песне!

— Слова героя никогда с делами не расходятся?.. Вы про эту? — спросил я.

— Вот-вот, эта самая, — твердая голубая эмаль появилась в глазах старого азинца, морщины между бровями разгладились.

В горячей пене удила,
Метелью кони стелются.
Вот шашка вспыхнула, светла,
Над боевой метелицей.

Вперед, орлы, вперед!
Победы солнце с нами,
Оно всегда встает,
Товарищи, над нами...

То ли показалось мне, то ли почудилось, но сразу покачнулись и рассеялись кружевные ветки черемухи, раздвинулись сосновые дали, заревели гневные взрывы снарядов, замелькали в пороховом дыму боевые лошади, и возник всадник в папахе, с красным бантом на тужурке, с шашкой, приподнятой над головую...

ОТ РЕДАКЦИИ

О том, кто такой был Азин, красноречиво говорит документ времен гражданской войны:

«Начив тов. Азин был и всегда останется честным, стойким, доблестным борцом за власть трудящегося народа, непримиримым врагом всех насильников и эксплуататоров.»

Герой Азин с первого дня Революции боролся в первых рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, он во главе доблестной 28-й дивизии дрался и разбил чехословаков на востоке, Колчака в Сибири и денкикинские банды на нашем фронте. Он награжден за свою храбрость и преданность делу Революции орденом Красного Знамени.

Командарм 10 Павлов

Член РВС Михайлов

За начполштарма Кондратьев».

Этот приказ был написан после того, как денкикинцы в провокационных целях известили, будто Азин, попавший к ним в руки, предал дело революции.

В тридцатые годы, воссоздавая историю гражданской войны, некоторые историки допустили явные извращения и произвольным толкованием исказили облик В. М. Азина. Документальная повесть А. Алдан-Семенова, с отрывком из которой вы познакомились, представляет собой попытку по рассказам живых современников Азина воссоздать светлый образ героя гражданской войны.

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА ЛЕТУЧЕГО "ГОЛЛАНДЦА"

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Но неизменно тихо вокруг.

«Течет ритмичная тишина» — это, кажется, из Киплинга?

Так, впрочем, и должно быть. «Маскировка под мертвого» — ловко придумано! У шефа, надо отдать ему должное, светлая голова. Пусть он придирчив, высокомерен, с подчиненными обращается хуже, чем обращался бы с настоящими батраками. Зато выдумщик, хитер, изворотлив — сущий бес!

Выжидая, человек лежит до половины в воде, будто взвешенный в лунном свете.

Монотонно поскрипывает сосна: «Рип-рип!.. Рип-рип!..»

Вначале план был другой, более громоздкий. Но, к счастью, подвернулась эта гибель во время катания на лодках.

Шеф и его «батраки» наблюдали за катастрофой с сеновала. Лодка перевернулась в тот момент, когда спортсмен, сидевший на руле, положил ее на другой галс. Упавший парус сразу накрыл обоих: и молодого человека и девушку.

О к о н ч а н и е. Начало см. «Искатель» № 5.

Толпа повалила к месту гибели. Шеф длинно въругался.
— Поднимется кутерьма! — пояснил он. — Начнутся поиски, погребальный вой, плач, то да се. Верных пять-шесть дней задержки.

Он оказался прав. Поиски утопленников затянулись. Из города понаехало множество народу: чиновники, полицейские, родственники, праздные ротозей. На берегу вечно толклись люди.

Шеф выходил из себя.

— Ну что за дурни эти утопленники? — говорил он. — Где их угораздило утонуть? Перед самым наблюдательным постом русских, и как раз теперь, когда мы здесь!

«Батрак» постарше соглашался с начальством. Ожидание всегда изматывает нервы.

Второй «батрак» высокомерно молчал, курил и сплевывал в сторону.

Это раздражало его напарника.

Познакомились они уже здесь и с первого взгляда безотчетно возненавидели друг друга.

Безотчетно? Пожалуй, нет. Сумма вознаграждения очень

велика, а шеф пока только присматривается к своим помощникам. Кто из них пойдет на задание, а кто останется в резерве? «Батраки» видят друг в друге конкурента.

Второй «батрак» — немец. Лицо у него узкое, злое, заостренное, как секира. А глаза темные, без блеска, будто насквозь изъедены ржавчиной. Лет ему не более тридцати, но волосы на голове и брови совершенно белые. Ранняя седина, что ли, а может, он альбинос?

Первый «батрак» постарше. На вопрос о национальной принадлежности отвечает уклончиво. Всякое бывало... Иной раз, особенно с похмелья, долго, с усилением припоминает, кто же он сегодня: грек, турок, араб?

Впрочем, где-то на дне памяти сохраняется расплывчатое видение: остров Мальта, трущобы Ла-Валлетты. Там он родился. Но это было очень давно, около сорока лет назад. Пестрым калейдоскопом завертелась жизнь. И сорокалетний возраст почти предельный в его профессии.

Поскорее бы сорвать это вознаграждение! Убраться бы в сторонку, приобрести бар, доживать жизнь на покое. Но задание, наверное, перехватит альбинос. Он моложе.

Злые, как осенние мухи, бродят по хутору «батраки», выполняя для отвода глаз пустячную работу. Того и жди вспыхнет ссора между ними. Шеф предотвращает ее коротким «брек»¹.

На третий день он с биноклем забирается на сеновал. Там есть узкое отверстие под крышей, нечто вроде амбразуры. В нее часами разглядывает противоположный, русский берег. И скалит зубы при этом. Ого! Маленьких детей пугать бы такой улыбкой!

Наутро он сообщает «батракам» свой план.

Альбинос вынул трубку изо рта.

— Придумано хорошо. А кто пойдет?

— Он.

— Почему не я?

Шеф нахмурился.

— Я решаю!

Потом все же соблаговолит объясниться:

— Он уже ходил на связь с этим Цвишеном, бывал на борту его лодки. В Басре, в сорок первом, так, кажется?

— Да.

Альбинос неожиданно захохотал.

— Вы правы, как всегда. Старик лучше меня сыграет роль покойника.

Мальтиец обиделся:

— Я ненамного старше тебя, зубоскал! Впрочем, с твоей унылой неподвижной рожей не надо и маски, чтобы...

— Брек, брек! Вам еще пригодится злость. Конечно, вы сыграете лучше. Ведь это не первая ваша роль, не так ли?

И в этом он тоже прав.

Сейчас мальтиец на русском берегу. Глаза его широко открыты. Уши наполнены вкрадчивыми шумами ночи.

¹ Так разводят на ринге сцепившихся боксеров.

А в закоулках мозга проносятся тени.

Они кривляются, дергаются, словно в танце. Это босой, в подвернутых штанах фотограф на пляже в Констанце. Это сонный портье второразрядной афинской гостиницы. Это дервиш¹ из подземной тюрьмы в Басре.

Особенно ему удался дервиш! Как был продуман характер! Как тщательно отделана каждая деталь!

Этого дервиша заподозрили в том, что он переодетый европеец, и сволокли в тюрьму.

Перешагнув ее порог, он спросил, в какой стороне восток, потому что окон в камере не было, и потребовал коврик для совершения намаза. Тюремщики грубо высмеяли его. Но кто-то ради любопытства швырнул ему грязную циновку.

Узник не удовлетворился этим и попросил кувшин с водой, чтобы совершать ритуальные омовения. В воде ему было отказано.

Тогда он принялся проклинать своих палачей.

Глотка у него была здоровая, и он вопил так, как могут вопить только ослы и дервиши.

Смерть людей, кричал он, предначертана в книге судеб, и он не страшится смерти! Да будет на то воля аллаха, единого, премудрого, вечнующего! Но, препятствуя совершать предписанные кораном обряды, его лишают райского блаженства, которое обещано каждому правоверному! О гнусные палачи, сыны греха, зловонные бешенные псы!

Покричав несколько часов, он умолк. Заглянули в замочную скважину. Узник был занят тем, что отковыривал глину в стене и старательно растирал между ладонями. Его спросили, зачем он делает это. Он ответил, что при обряде «тейемун», предписанном пророком, разрешено вместо воды пользоваться песком, если час намаза настиг путника в пустыне.

Дервиш упрямо боролся за свой рай. Он неукоснительно совершал ритуальные омовения размельченной глиной и громко молился, стоя лицом к востоку. У дверей его камеры толпились любопытные. Сам начальник тюрьмы неоднократно спускался сюда и садился на стул у двери, чтобы послушать, как молится узник: не перепутает ли слова молитвы?

На исходе третьей недели стало ясно, что дервиш настоящий. Перед ним с извинениями распахнули ворота, и он гордо удалился, неся под мышкой подаренную ему циновку и продолжая зычным голосом проклинать своих обидчиков — сынов греха.

Да, сыграно было без запинки!..

В «репертуаре» мальтийца роль упрямого дервиша, пожалуй, наилучшая. Но тогда он был моложе на одиннадцать лет. Ему было примерно столько же, сколько альбиносу сейчас.

Ну что же! Остается сыграть свою последнюю роль — утопленника. И со «сцены!» Куда-нибудь подальше, в глушь.

¹ Дервиш — странствующий монах.

Смешивать коктейли у стойки бара, ни о чем не думать, никого не бояться, стать, наконец, самим собой. Можно же под старость позволить себе роскошь — стать самим собой?

«Утопленник» выпрямился во весь рост, огляделся. Бухта ему нравится. Глубокая, тенистая. Облюбована заранее, во время длительного просмотра местности из узкой амбразуры на сеновале.

Пограничники слышат самодовольный смешок. Это страшнее всего. Лицо «мертвеца» при этом неподвижно, лишено всякого выражения.

Он делает несколько шагов, разводя ветки руками, словно бы еще плывет. Кусты смыкаются за ним, как вода. Теперь его нельзя увидеть с того берега, если бухта просматривается в бинокль. Лишь тогда нечто холодное, твердое упирается ему между лопаток. Рядом раздается тихий, но внятный голос:

— Руки вверх! Не оборачиваться!

Интонации убедительные, их нельзя не понять, даже если не изучал русский язык в специальной школе.

Но мальтиец не трус, и он выходил из еще более опасных переделок.

Он покорно поднимает руки. Одновременно, пригнувшись, как бы ныряет вниз головой. Пули со свистом пролетают над ним.

Лежа на земле, он стреляет несколько раз.

В такой темноте промахнуться невозможно.

Стон боли!

С силой оттолкнувшись ногами, мальтиец хочет откатиться к воде. Но движения скованны, баллоны пригибают, а сверху навалились, приемом самбо выкручивают руку, в которой зажат пистолет. Удар прикладом по голове! Мальтиец теряет сознание.

Старший наряда, стараясь не стонать, дает сигнал на заставу.

Тем временем его товарищ укладывает нарушителя ничком, чтобы удобнее было держать.

— Поаккуратней, Кикин! — просит старший наряда, скрипя зубами от боли. — Не повреди его там! Мордой-то, мордой в землю не очень, задохнется еще!

Прибывает группа пограничников во главе с офицером и осматривает местность. В прибрежных кустах нет ничего. Вода залива как гладкий лунный камень. Противоположный берег темен, тих.

Нарушитель пришел в себя, его конвоируют на заставу. Сзади несут раненого пограничника. Все, тесно сгрудившись, перебираются по валунам, прыгают через ручьи, ныряют в заросли ежевики и шиповника.

Рука у мальтийца, кажется, сломана, голова гудит, как котел, но по привычке он напряженно вслушивается в реплики, которыми обмениваются его конвоиры. Отлично знает русский язык. Однако никак не может понять, почему один из пограничников, обращаясь к нему, повторяет имя «Офелия». Произносит его даже с каким-то ожесточением:

— Ну, давай, давай! Иди уж... Офелия!

Впрочем, у нарушителя немного времени для догадок. Застава размещается неподалеку от бухты. Скрипят ступени. Его обдает теплыми домашними запахами. Сильнее всего запах сапог и масла для протирания оружия. Последний шаг, и он в кабинете начальника заставы.

Мнимый утопленник — с плеча его еще свисают водоросли — угрюмо молчит. Заранее решил не отвечать на вопросы. В кабинет входят русские офицеры, но он опустил голову, делает вид, что не смотрит по сторонам.

На него тоже не смотрят. Общее внимание привлекает маска, брошенная на стол. Она сделана очень искусно «под мертвеца».

— Вот же гады! — удивляется Кикин, придерживая у ворота разорванную гимнастерку. — Что делают, а? Под чужое горе маскируются!

Впрочем, сейчас лицо нарушителя не краснее снятой с него маски. Бледность даже ударяет в какую-то зеленоватость. Челюсть у него очень длинная, нижняя губа выпячена, как у щуки.

Из-под полузакрытых век он следит за тем, что происходит вокруг.

Молодой моряк — почему на заставе моряк? — осматривает баллоны, ласты, долго вертит в руках маску.

— Притворился мертвым! — негромко, со злостью говорит он хмурому приземистому офицеру. — Но это же по черк Цвишена!

Нарушитель не поднимает головы, но по спине его проходит дрожь.

...Когда его доставили в Ленинград, он еще упирался некоторое время — по инерции.

Потом, подобно действию пружины часового механизма, инерция кончилась. Он вздохнул, провел по лицу тяжелой, со вздутыми венами рукой.

— Буду говорить!

И словно бы прорвало его! Стенографистка не успевает записывать, то и дело меняет остро отточенные карандаши.

Зачем ему, в самом деле, упираться, мучить себя? Бара уже не будет, это ясно. Обещанное вознаграждение потеряно. Честь? Долг? Это давно слова-пустышки для него. Родина? Но у него нет, не было родины.

И он устал притворяться. Последняя роль сыграна, больше ему не играть. Можно дать себе волю, расслабить натянутые нервы. Все кончено. И в этом есть какое-то облегчение.

Но чем дольше говорит нарушитель, торопясь, поясняя, уточняя, тем более озабоченным делается лицо полковника, который снимает допрос...

Через несколько часов он является с докладом к генералу.

— Ага! — удовлетворенно говорит генерал. — Вы были правы. Это связано с прошлогодним нарушением.

— Но сам он клянется-божится, что ему ничего не известно об этой первой попытке нарушения.

— Темнит, как вы думаете?

— А зачем ему темнить? Он очень словоохотлив. И ведь это дело прошлое. Он ничего не скрыл от нас насчет будущего, насчет своего напарника, которого пока придерживают в резерве на том берегу. Вы знаете, у меня мелькнула догадка! Не имеем ли мы в данном случае дело с двумя разведками?

— Которые соперничают между собой, не зная друг о друге?

— Да.

— Любопытно.

— Нарушитель пытается уменьшить свою вину. Прошу взглянуть, страница пятая протокола допроса: «Мое задание особого рода. Я не должен был убивать ваших людей или взрывать мосты, электростанции и заводы. Я послан изъять очень важную международную тайну».

— Вот как! Даже международную! Но суть тайны, по его словам, он не знает. Врет?

— Вряд ли. Простой исполнитель. Так сказать, рука, а не голова. «Потом я должен был включить часовой механизм, — сказал он. — До остального не было дела. Ведь я хотел остаться в живых, вернувшись домой. А меня учили, что есть тайны, которые убивают».

— Резонно. Он заботился о своем здоровье. Как, кстати, самочувствие раненого пограничника?

— Умер по дороге в отряд, товарищ генерал. Не успели довести до госпиталя.

Генерал, стараясь скрыть волнение, низко наклоняется над столом и без нужды передвигает тяжелый письменный прибор.

Пауза.

— Продолжайте, — говорит он своим обычным ровным голосом. — Что сказал еще этот мнимый мертвец, столь заботящийся о своем здоровье?

— Он готов, по его словам, сам показать нам вход в эту Винету. К сожалению, у нарушителя при задержании была сломана рука. А там, как он говорит, надо проплыть метров десять под скалой.

— Но он набросал на бумаге план?

— Да. Остров обозначен под условным наименованием «Зменный».

— Ну что ж! Главное — это план. Ведь лейтенант Ластиков — аквалангист?

— Так точно. Но у меня есть вариант решения.

Полковник кратко докладывает свой вариант. Несколько минут генерал в раздумье барабанит пальцами по столу.

— Рискованно, вы не находите? Мы ставим Ластикова под удар.

— Я подумал об этом. Его будут страховать запасные аквалангисты и Рывчун. Зато эффект двойной.

— Сомневаюсь в том, чтобы этот так называемый шеф решился на новую попытку. С противоположного берега видны были вспышки, слышны выстрелы. Логичный вывод: нарушитель схвачен, возможно, признался.

— А мы прибежем к хитрости, товарищ генерал. Представьте себе: до этого «шефа» — не уточняю, каким путем, вероятно окольным, — доходит весть: нарушитель при задержании принял яд. Кстати, капсула с ядом была при нем.

— Так. Продолжайте!

— Тогда к острову вплавь направляется новый нарушитель. Но Ластиков — в засаде. Он наготове и...

ЗАСАДА НА ОСТРОВЕ ЗМЕИНЫЙ

1

«Группа лейтенанта Ластикова» в составе его самого и двух пловцов, отобранных среди матросов части, была переброшена на маяк, находящийся по соседству с одним из островов в заливе.

Александр разъяснил матросам задачу.

— Дело-то, выходит, с туманцем, — глубокомысленно сказал матрос Кузема.

Второй матрос, Бугров, принялся азартно толковать о новейших аквалангистах, которые якобы уже передвигаются с помощью моторчика и винта.

— Слушай! Не засоряй ты мне мозги, — попросил Кузема. — Товарищ лейтенант объяснял: наш пойдет без моторчика. Как он пролезет с моторчиком под скалу?

— Правильно, — подтвердил Александр. — Зачем попу гармонь, когда у него есть колокола и кадило! Однако, учтите, всякие каверзы возможны. Ведь это что за люди? Как говорится, один пишут, два в уме.

— Хитрят?

— Еще как хитрят!

Была установлена ночная вахта. Днем остров по-прежнему пустовал, его только тщательно просматривали в бинокль, но вечером туда доставляли Александра. Два помощника дежурили в шлюпке неподалеку, готовые по сигналу ракетой поспешить на выручку...

Первая и вторая ночи на острове прошли спокойно. Не плеснули, расступаясь, волны, набегавшие на берег. Не скрипнула галька под крадущимися шагами. И не отпечатались на фоне неба силуэт, горбатый, хищный.

Лишь длинно шумели сосны над головой и шелестел прибой внизу. А вддали мигал маяк. Два длинных проблеска, три коротких — доброе напутствие для друзей, ободрение в ночи.

И суровое предупреждение врагам!

Незримая в воде линия границы разрубает залив в каких-нибудь шести кабельтовых от маяка. Ночью включает свет, начинает работать прожекторная установка. Белая

метла, чуть распушенная на конце, аккуратно подметает залив, ходит равномерно взад и вперед. Ничего незамеченного и недозволенного не должно оставаться на водной глади, никакого «мусора», «соринки».

Справа — застава Рывчуна. Слева границу прикрывает корабль. Вместе с морским пограничным постом все увязано в один тугой узел.

Сейчас узел завязан еще туже — группой лейтенанта Ластикова.

На рассвете шлюпка подошла к острову и сняла с него Александра.

До полудня он проспал, потом перелистал затрепанную книжку — «Остров сокровищ» и лишь вечером выбрался на воздух. Днем это было строжайше запрещено. За маяком с противоположного берега наверняка наблюдали любознательные господа в макинтошах, приехавшие из гостиницы для туристов. Появление лишних — сверх привычного числа — людей могло насторожить, возбудить опасения.

Зевая и потягиваясь, Александр уселся на скамейке рядом с начальником поста.

Население маяка обычно отдыхает здесь, под единственным своим деревом. Чудом каким-то устояло оно на каменистом мысу, обдуваемом со всех сторон ветрами. Это сосна, но приземистая, коренастая, напоминающая скорее саксаул. На ней иногда вырастают плоды, тоже необыкновенные: трупы и тельняшки, которые команда развешивает на ветвях после стирки.

— Замечание за это имею, — пожаловался Александру начальник поста. — Недавно приезжал командир части, очень сердился. «Не цените, — говорит, — свою флору! Сушите, — говорит, — на ней белье. Леня вам веревочки протянуть». А ведь с веревочек-то сдувает!

— Прищепки какие-то есть, — лениво сказал Александр.

— Откуда нам о прищепках знать? — вздохнул его собеседник. — Средства связи, устройство автомата, пулемета — это мы проходили. А прищепки — нет. Вот придет жена, поучит.

Лицо его прояснилось.

Начальник поста был в одних годах с Александром, бронзово-загорелый, очень красивый. Весной, побывав в отпуске, он женился и теперь часто, к делу и не к делу, повторял слово «жена». Оно, это слово, было вновь еще, им, видно, хотелось покрасоваться, пощеголять.

С первого же дня, проникшись к Александру симпатией, начальник принялся рассказывать ему историю своей любви.

Это была его первая любовь.

— И последняя! — с достоинством подчеркнул он.

Вокруг собеседников было очень тихо, как бывает только в шхерах после захода солнца. Ветер упал. Тельняшки висели на дереве совершенно неподвижно, не нуждаясь ни в каких прищепках.

— Погоди-ка, — сказал начальник, видимо решившись. — Чего я тебе покажу сейчас!

Он сбегал в дом и принес фотографию жены.

— Вот она какая у меня, — с гордостью сказал он. — Нравится тебе?

Из ракушечной рамки выглянуло свежее личико с круглыми удивленными глазами. Косы были уложены на голове венчиком.

— Хорошая, — сказал Александр, возвращая фотоснимок.

— Да? Снимок, учти, плохой. А в жизни она гораздо лучше. Красавица она у меня!

Александр промолчал.

— Эх! Заговорил я тебя! — с раскаянием сказал начальник поста. — Вот ты и печальный стал. Пойдем заправимся! Штормовых уток будем доедать.

В позапрошлую ночь был шторм, а в непогоду птицы летят на свет маяка, как ночные бабочки на огонь, и расшибаются о башню. Утром кок подобрал несколько штук и теперь баловал команду.

2

Никакого движения на противоположном берегу — ни огонька, ни искорки. Двое в кустах неподвижны. Они разговаривают шепотом.

Точнее — это монолог. Говорит один — отрывисто, будто откусывая концы фраз. Второй лишь подает реплики и внимательно слушает. Он удивлен. У его обычно молчаливого помощника приступ откровенности:

— О! Вы назвали меня генералом от диверсии. Вы мне льстите. Цвишен — вот кого можно назвать генералом от диверсии! Я всего лишь старший фенрих, кандидат на офицерский чин.

Мой возраст, видите ли, был призван уже под конец войны. Мне было восемнадцать лет. Я выразил желание отдать жизнь за фюрера и представил документы об отличном окончании школы плавания. Бывший чемпион Европы Фриц Ягдт считал, что я могу стать пловцом мирового класса.

Командование удовлетворило мое ходатайство. После проверки я был назначен в соединение адмирала Гельмута Гейне. Наша часть находилась на особом положении. Личный состав проводил испытание секретного военно-морского оружия.

На глазах у меня испытывались «Зеехунды», двухместные подводные лодки, а также катера-торпеды. Команда нацеливала катер на вражеский корабль, потом выбрасывалась за борт.

Игра со смертью! Но некоторым удавалось вернуться, особенно если их страховал второй катер, который находился поблизости.

Через полтора месяца я, согласно выраженному мною

желанию, попал в отряд боевых пловцов. Мы тренировались днем и ночью. Итальянцы, как вам известно, обогнали нас в этом отношении. И нужно было наверстать упущенное.

Я, ученик Ягдта, по-прежнему шел в числе лучших. В одно из своих посещений сам Лев — так мы называли адмирала Деница — обратил на меня внимание. Я получил вне очереди звание старшего фенриха, кандидата на офицерский чин.

Война быстро приближалась к концу. Силы наших сухопутных войск слабели. Флот был загнан в гавани. Именно поэтому диверсия — уже как средство обороны, а не нападения — выступила на передний план.

Да, совершенно верно. Это сказал Кеннингхэм¹: «В отчаянном положении единственный выход — атаковать!» Вот мы и атаковали.

Конечно, нам не удалось добиться таких результатов, как, скажем, итальянцам в 1941 году. Помните: на управляемых торпедах они проникли на александрийский рейд и атаковали два линкора — «Куин Елизабет» и «Вэлиент»?

Начальство повторяло: продержаться во что бы то ни стало! Затянуть время! Нет, это не был страх агонии, хотя говорят, что умирающие всячески пытаются оттянуть последнюю, неизбежную, минуту. Мы-то еще надеялись. Нам объяснили, что в подземной Германии за нашей спиной выковывается оружие победы.

Правильно! Геббельс называл его волшебным мечом Нибелунгов. Речь шла об атомной бомбе. Но с бомбой мы, как известно, опоздали.

Итак, война шла к концу.

Я, однако еще успел получить свой «железный крест». Это было почти под занавес. Во время вашей высадки во Францию. Меня послали на подрыв моста через один из каналов на Шельде. Впрочем, вы знаете об этом не хуже меня. Вы же изучали мой послужной список. Там расписано куда более красиво, чем было в действительности.

Вот именно! В диверсии решает тренировка, четко отработанные рефлексy, привычка. Сотни раз мы взрывали мост, так сказать, в уме. Наконец после полуночи моя группа спустилась под воду и поволокла мину по каналу — почти на плечах. Возни было с ней — до третьего пота.

Я приказал сменяться через каждые пятнадцать минут. Двое плыли, таща мину за собой, третий шагал по дну, толкая ее сзади. Четвертый отдыхал. Силы, понимаете, надо было беречь. За весь путь мы ни разу не поднялись на поверхность.

Как ни спешили, но лишь на исходе ночи доставили груз к мосту. Важно было не перепутать мосты, как получилось с нашими предшественниками. Пришлось всплыть на поверхность, чтобы определиться.

Я и фельдфебель Дитрих вынырнули без малейшего

¹ Английский адмирал.

плеска — нас специально учили этому. Потом мы поднялись наверх.

Это был «наш» мост, то есть предназначенный к взрыву. Выяснилось, что придется снять часовых. Это, знаете, делается очень просто, вот так... Ну, ну, не буду! Хотел показать очень наглядно. Важно, понимаете ли, сразу добраться до горла! Может, вам когда-нибудь пригодится.

Хотя что это я? Ведь вы только посылаете на задания. Всю свою жизнь проводите в кабинете или в легковой машине, взвешиваете, обдумываете, потом провожаете таких, как я.

Впрочем, я бы с вами не поменялся. Мне было бы скучно. Опасность как-то разнообразит жизнь...

Убрав часовых, мы с Дитрихом прикрепили мину к подножию центрального быка. Я сверил часы и пустил в ход механизм. Ровно в полдень, время «пик», когда на мосту наиболее интенсивно передвигались грузовики и танки, мина должна была сработать.

Она и сработала. Не знаю, на сколько дней мы задержали продвижение ваших частей и какую роль сыграло это на последнем этапе войны. По-моему, было бы важнее задержать русских на востоке. Но это было тогда труднее.

Моя группа услышала взрыв, прячась в прибрежных камышах. Итак, дело сделано. Однако мы думали только о том, как бы вернуться домой. Самое трудное в таких случаях — вернуться. Долго рассказывать об этом. Но и Дитрих, и Михель, и Рильке остались в канале.

Я спася лишь благодаря своей выдержке и дьявольскому желанию жить. Двое суток мне пришлось просидеть на дне выгребной ямы, проще сказать, солдатского нужника. Об этом нет ничего в реляции. Подобные вещи обычно не вставляют в реляции. О них не упоминают и в послужном списке.

Яма, по счастью, была на берегу. Она вплотную примыкала к каналу. Когда саперы, ища нас, начали швырять в воду гранаты, я изловчился и пролез в узкую трубу. Дитрих замешкался. Наверное, труп его всплыл, как всплывает глушенная рыба. Ваши солдаты удовлетворились этим трупом. Михель и Рильке погибли раньше.

Двое суток на дне выгребной ямы! Скорчившись, как недоносок в банке, держа лицо над зловонной жижей!.. Ну ясно, не мог взять в рот загубник! Надо было беречь воздух на обратный путь... Кулаки сжимаются, когда вспоминаю об этом!

А ведь я был романтичным юношей. Я любил Шиллера. Я мечтал умереть за фюрера и Третий рейх.

Казалось, всей воды в Шельде, даже во всем Ла-Манше, не хватит, чтобы смыть с тела эту грязь, эти падавшие сверху нечистоты.

Никому и никогда еще не говорил про яму. Вам — первому. Просто к слову пришлось. Вечер очень тихий — и мне сейчас идти на задание. Хотя я не боюсь. Я уже давно перестал бояться.

И все же, знаете, в яме было лучше, чем в канале. Время

от времени мое убежище сотрясало от толчков. Ваши солдаты продолжали баламутить воду своими дурацкими гранатами. Черт их знает, для чего. В порядке профилактики, что ли?

Только на третью ночь я сумел уплыть...

Нет, вы не правы. Когда-то я был брезглив, я был очень брезглив. Не обижайтесь, но мне было бы интересно взглянуть на вас в яме!..

Но после этого что-то кончилось в моей жизни.

Да! Не могу забыть про яму!

Иногда я даже сомневаюсь: стоило ли так цепляться за жизнь? Не лучше ли было остаться в канале вместе с Дитрихом, Михелем и Рильке?..

Вы правы: я стал угрюмый, ожесточенный. А главное, слишком злой, чтобы бояться.

Когда ваши спустя месяц выловили меня в Ла-Манше, я не боялся. Если атрофируется душа, вместе с ней, вероятно, атрофируется и страх.

Вы-то, конечно, не знаете. Откуда вам знать?

Тот, кто просидел двое суток в выгребной яме, иначе смотрит на все: не только на жизнь, но и на смерть.

Ваш полковник в лагере понял это. Он был умный человек. Холодный, бессердечный, но умный. Поговорив со мной, отделил меня от остальных военнопленных, потом добился моего освобождения. «Дрессировка слишком хороша, — сказал он. — Жаль оставлять без применения...»

Мне? О, мне все равно. Я иду туда, куда меня посылают.

Вы, по-моему, куда больше волнуетесь. Не волнуйтесь. Операция пройдет хорошо. По сравнению с Шельдой, или захватом форта в Гавре, или потоплением плавучего госпиталя это пустяки для меня, детская игра в жмурки.

Я возникаю и исчезаю бесшумно. Об этом сказано в моем послужном списке.

А если кто-нибудь попытается встать у меня на пути, я сделаю лишь одно быстрое, хорошо отработанное движение. Не отодвигайтесь! Я помню, вы не любите прикосновений.

Механизм будет включен, часы начнут тикать. Я поставлю завод на пять утра, идет? Кое для кого это будет неприятное пробуждение.

Не беспокойтесь, я успею вернуться. Мы полюбуемся отсюда эффектным зрелищем. Огонь и дым! И опасной тайны нет больше.

Напоследок оцените мою деликатность. Ведь я так и не спросил, что это за тайна.

Впрочем, сужу об ее важности по сумме вознаграждения. Сумма велика, значит тайна очень важна.

Впрочем, ничего бы не случилось, если бы я и знал. Умею мгновенно забывать.

Посмотрите-ка на часы: не пора?..

Шепот стих. Только шумят мачтовые сосны, дрожит, будто в ознобе, листва осин и тяжело, глухо ударяет волна о берег...

Вечер был очень тихий, и закат хороший, не красный, но к ночи расшумелись деревья, и волны стали злее ударять о берег.

Всякий раз у Александра возникала одна и та же назойливая ассоциация. Сосны, казалось, обеспокоены чем-то, что происходит у берега. Быстрой вереницей сбегают по склону и напряженно прислушиваются, перегнувшись к воде. Такое впечатление возникало, наверное, оттого, что все деревья были наклонены в одну сторону.

А быть может, неприятное чувство появлялось от другого. Постоянно наклонное положение сосен напоминало роковую кося Фриш-Неррунг, у города Пиллау, где погиб Шубин.

Остров был, впрочем, неприветлив сам по себе. Несмотря на множество ягод и отличную рыбалку, бывать на нем избегали.

В густеющих сумерках Александр увидел, как по скалам пробежала грязно-серая струйка. Еще две гадюки лежали на камне у самой воды, настороженно подняв плоские головы. Один из гребцов замахнулся на них веслом, чтобы заставить убраться с дороги. Они зашипели, распрямились и неторопливо прошуршали между деревьями.

— Сторожевые змеи! — сказал Александр и заставил себя усмехнуться. — Сторожат Винету, как цепные псы.

Александр устроился напротив расщелин, положил рядом ракетницу, маску, подводный фонарь, пистолет. Еще раньше он надел ласты и с помощью матросов приладил к спине баллоны.

Теперь ждать! Набраться терпения и ждать! В этом вся тактика. Не спать, не дремать! Ловить каждый шорох, скрип, плеск! Превратиться в кошку, которая замерла у щели!

Это похоже на первую ночную вахту Александра в шхерах. Не вчерашнюю и не позавчерашнюю. Давнюю.

Тогда гвардии капитан-лейтенант послал юнгу в разведку. Ночью было очень страшно. А поутру стало еще страшнее. О берег внезапно ударила волна, и совсем рядом, в каких-нибудь двадцати метрах, начал медленно всплывать «Летучий Голландец». Сначала показался горб боевой рубки, следом — все узкое стальное тело.

И теперь опасность поднимется рядом с островом из воды...

Ему представилось, что команда его торпедного катера стоит за его спиной в слоистой мгле между соснами: пышноусый боцман Фаддеев, весельчак радист Чачко, флегматичный моторист Степаков и другие.

Потом Александр подумал о змеях — как в ту, давнюю свою вахту.

Что ни предпринимал, не мог подавить в себе этот страх и отвращение перед змеями. Даже специально тренировался, будучи курсантом, — приходил в зоопарк и подолгу

стоял перед террариумом. За толстым стеклом из стороны в сторону раскачивались кобры, в углу ворочался грязновато-серый питон. Александр смотрел на них, чувствуя, что волосы у него шевелятся под фуражкой. Нет, страх и отвращение не проходили.

Однако сейчас Александр как будто меньше боялся их, во всяком случае, гораздо меньше, чем в зоопарке перед террариумом. Наверное, это было оттого, что он ожидал «самого главного гада». Скользкое земноводное существо, быть может, уже плыло к острову через залив.

Александр подумал о том, что вот, наконец, он на пороге Винеты. А за ним, притаив дыхание, заглядывая через его плечо, сгрудились все, кто желает ему счастья и готов помочь в предстоящем поединке: Кузема, Бугров, Рывчун, начальник поста, командир части, а также генерал и профессор Грибов в Ленинграде.

Там, наверное, гаснут уже огни. Город погружается в сон.

4

В большом, во всю стену, окне, которое выходит на Неву с Литейного, свет не гаснет всю ночь.

Генерал расхаживает взад-вперед по кабинету. Телефон на его столе безмолвствует. Это плохо. Нервы настроены на резкий телефонный звонок, который вот-вот раздастся.

Господа в клеенчатых макинтошах заставляют себя ждать. Быть может, отдумали? Хотя вряд ли. Не такие господа!

Москва разрешила ждать не более недели. Если гости не пожалуют, придется самим протискиваться в эту Винету. К сожалению, мальтиец так и не смог толком объяснить устройство тамошнего «Сезама».

«В Винете полно камуфлетов, — сказал он. — Случайно ваш человек нажмет не на тот рычаг и обрушит себе на голову гранитную плиту. А кому отвечать? Мне».

Он, впрочем, готов идти проводником. «Идти...» Его надо волоком тащить под водой.

Досадно, что пришлось немного повредить при задержании. А с другой стороны, не на танцы же его приглашали!

Генерал с неудовольствием косится на телефон. Потом, присев к столу, перелистывает бумаги в папке.

Капкан открыт, приманка приготовлена. Но что это за приманка?

В Западной Германии до сих пор ищут архивные клады. Быть может, и в шхерах спрятан какой-то чрезвычайно ценный архив?

Но почему именно сейчас активизировались поиски этого секретного архива? Почему нарушители пытаются чуть ли не гуськом идти через границу, и даже летом, в самое неблагоприятное для них время, когда ночи наиболее коротки?

На это нетрудно ответить. Достаточно взглянуть на календарь.

26 мая 1952 года, то есть месяц назад, подписан так на-

зываемый общий договор о союзе между США, Англией, Францией и Западной Германией.

Вокруг боннского договора развернулась острейшая политическая борьба. Каждый документ, который показывает, насколько опасен неонацизм в Западной Германии, чрезвычайно важен в этой борьбе.

После войны Винета-три оказалась на советской территории. Вот почему возникла срочная необходимость изъять из Винеты секретный архив или, на худой конец, уничтожить его.

Во всяком случае, несомненно, что «Летучий Голландец» находился в самом центре тайных политических и военно-стратегических интриг того времени. Быть может, некоторые из этих интриг еще не закончены и нити от них протянулись в наши дни?..

Генерал нетерпеливо смотрит на телефон.

5

Для Грибова это тоже мучительная, бессонная ночь.

Он достаточно осведомлен о ходе событий, хотя все рычаги, управляющие ими, сосредоточены сейчас в руках пограничников.

Профессор догадывается о том, что лейтенант Ластиков ожидает врага в шхерах. Быть может, как раз в этот момент нарушитель всплыл и единоборство уже началось?

Грибов подсаживается к столу. Это единственный способ, старый, испытанный, совладать с волнением.

Из ящика письменного стола он извлекает пожелтевшую, надорванную по краям и на сгибах газету. Это «Дейче Цайтунг» от 12 июня 1940 года, номер, в котором помещен фотоснимок Цвишена в момент вручения ему «рыцарского креста».

Неотрывно всматривается Грибов в лицо своего врага, мучительно стараясь понять, разгадать этого человека.

Цвишен снят в профиль. Это жаль. В рисунке профиля сказывается характер, воля. В анфасе же обычно — ум.

Но и так видно, что Цвишен дьявольски хитер.

Лоб у него чуть покатый, с залысинами. Нос — длинный, прямой, кажется, немного раздвоенный на конце.

Самодовольства в лице только что пожалованного рыцаря «железного креста» нет. Словно бы он даже чем-то недоволен. Улыбка Гитлера, во всяком случае, более любезна, почти приторна.

Профессор вертит под лампой газету, пытается с разных ракурсов взглянуть на командира «Летучего Голландца»:

Да! Очень странное лицо! Будто нарисовано одним резким, быстрым, не отрывая пера от бумаги, росчерком. Мысленно хочется дорисовать его.

Усилием воли Грибов, наконец, повернул это лицо анфас, заставил Цвишена приподнять тяжелые складчатые веки. Взгляд из-под них, несомненно, властный и в то же время слегка косящий, ускользающий.

Командир «Летучего Голландца» и на снимке не смотрит в лицо своему фюреру.

Цвишен и Гитлер стоят друг против друга, склонившись в полупоклоне. Рукопожатие! Оба позируют перед фотографом. Но Гитлер позирует больше. Он позирует с упоением. Цвишен делает это явно по обязанности.

Что же это означает — Винета?

Профессор переводит взгляд на карту мира.

Всегда успокаивает его зрелище Мирового океана, гамма синих прохладных оттенков — на больших глубинах очень синие, на мелях и у берега голубовато-бело.

Грибов с достоинством может сказать о себе, как говаривал знаменитый военный штурман, покойный контр-адмирал Дмитриев: «Жизнь вспоминается, когда смотришь на карту мира».

Вспоминания пригодились. Как транспортер, накладывал их Грибов на карту, восстанавливая путь «Летучего» по морям и океанам.

Одного не вспомнит до сих пор: где, в каком порту, под какими широтами слышал он это странное название — «Винета»? Мысль торопливо обежала земной шар. Венеция, Венето, Венесуэла... Не то, нет!

Долго в полной неподвижности сидит Грибов перед картой мира.

Ассоциации рождаются и пропадают. Чем свободнее, без напряжения, возникают, тем они ярче, неожиданнее.

Так вспоминают забытое слово. Не надо напрягать память, торопиться, волноваться. Надо как бы отвернуться, сделать вид, что поиски не имеют для вас значения. А подсознательный ассоциативный механизм будет тем временем делать свое дело — и вдруг сработает: подает наверх забытое слово!

Ну конечно же: Гейне, его «Северное море»!

Поэт упоминает сказочный средневековый город, который опустился со всеми жителями на дно. В ясные дни, согласно преданию, рыбаки даже слышат из воды приглушенный звон колокола.

Винета в шхерах, по-видимому, сооружена одной из первых, и она — под водой.

Это, впрочем, отнюдь не откровение для Грибова, особенно после недавних происшествий на границе. Уточнен смысл условного наименования, только и всего!

Вопрос в том: дошел ли Цвишен до своего подводного убежища в шхерах?

Подобно крысе, метался он на Балтике в апреле 1945 года. Все щели заткнуты паклей и толченым стеклом. Пиллау горит. Данциг пал. Кильский канал и Бельты закрыты. Вероятно, была возможность интернироваться в Швеции. Но это значило разоблачить себя.

Допустим, «Летучий» добрался до Винеты. Выбрался ли он из нее?

Этот район озер был уже советским. Шнырять здесь, даже ночью, даже под водой, становилось все труднее, опаснее с каждым днем.

И вряд ли Цвишен собирался долго отлеживаться в своем логове. Он был человеком быстрых решений. Пассивно ждать гибели? Нет, не в его характере!

Он сообщал в своей, по-видимому последней, радиограмме о том, что готов затопить подводную лодку. Из шхер выбирался бы уже посуху.

Что же он сделал тогда с секретными документами?

Наиболее важные документы захватил бы с собой. Но, вероятно, их было слишком много. Сжечь? Жаль. Да для этого, надо думать, и времени не было.

Значит, документы остались в затопленном «Летучем Голландце»?..

Но Цвишен в апреле 1945 года мог и не прорваться в шхеры. На пути были минные заграждения, советские «морские охотники», сторожевые и торпедные катера. Цвишен мог затонуть.

А Балтийское море хотя и неглубоко, но обширно. Найти в нем подводную лодку, не зная координаты ее затопления, представляется практически невозможным.

Но если подлодка затонула, то все находившиеся в ней документы растворились в Балтийском море.

У Грибова на сей счет не было сомнений.

В начале первой мировой войны, уже лейтенантом, он принимал участие в обеспечении секретных водолазных работ у острова Осмуссар.

Неподалеку от этого острова выскочил на камни немецкий крейсер «Магдебург». Выполняя инструкцию, командир его в последний момент выбросил за борт корабельные документы, чтобы те не достались врагу. Документы хранились в свинцовых переплетах и сразу же пошли ко дну.

Но русские водолазы подняли их. Это сыграло огромную роль в войне. На поверхность извлечены были документы скрытой связи германского военно-морского флота. Русское командование честно поделилось находкой с союзниками. В дальнейшем немцы на всех морях пользовались своими шифрами, не подозревая, что они понятны противнику.

После войны немцы узнали об этом и приняли иные меры предосторожности.

Отныне секретные данные наносились на карты и вписывались в документы особыми, легко смывающимися чернилами. Сейфы, где хранилась документация, имели отверстия в стенках. Когда корабль шел ко дну, вода проникала через эти отверстия в сейф и мгновенно смывала тайну.

Нечто подобное могло произойти с «Летучим Голландцем»...

Да, нельзя исключить и такой вариант решения. Винета в шхерах, подобно Винете в Пиллау, всего лишь пустышка, скорлупа ореха без ядрышка.

И Шура Ластиков, который дорог Грибову, как сын, как внук, рискует своей жизнью, чтобы доказать: орех пуст внутри.

Ведь нарушители тоже могут не знать об этом.

Мучимый тревогой, Грибов подходит к окну.

Ночь. Дождь...

ВСТРЕЧНЫЙ ПОИСК

1

Звездный свод медленно поворачивается над головой.

Звезды — наверху, отражение звезд — внизу... Весь мир вокруг — звезды, одни лишь звезды. Будто парить среди них, взвешенный в межпланетном пространстве.

В такую ночь особенно одиноко на посту. Но Александр не чувствует себя одиноким. Его товарищи, бесшумно окуная в воду весла, удерживают шлюпку вблизи острова. С материкового берега за островом наблюдают пограничники. А мористее, почти в самом устье залива, взад и вперед ходит пограничный корабль. Командир его приник к биноклю. Расчет стоит у автоматов.

Под конец допроса мальтиец разговорился. Он не утаил ничего. По плану «шефа» очередная «заблудившаяся» яхта должна пересечь государственную границу в устье залива, чтобы отвлечь внимание пограничников от того, что будет происходить в его глубине.

Откроется путь для нарушителя, направляющегося вплавь к острову, условно именуемому Змеиным. Так, во всяком случае, считал «шеф». Он не подозревает, что мальтиец не воспользовался капсулой с ядом и оказался словоохотливым. Иначе план этот, конечно, был бы заменен каким-либо другим.

Александр взглянул на небо. Звезды стали как будто бледнее. Светает?

Внезапно прямо перед Александром поднялся на горизонте узкий вертикальный луч. Это подали сигнал с пограничного корабля. «Заблудившаяся» яхта задержана, и товарищи Александра, сохраняя озабоченный вид, «шуруют» в ее каютах и трюме.

Но это только формальность, игра. И пограничники и задержанные знают, что главные события развернутся не здесь.

Столб света, покачавшись, упал. Тотчас же чуть левее поднялся второй. Сигнал с корабля отретирован¹ исполнительным начальником морского поста. Вероятно, опасается, что Александр не заметит первый луч.

Итак, началось! Жди боевого пловца с минуты на минуту!

И второй луч рухнул, как подрубленный. Потом он суетливо заматался-зарыскал в устье залива. Это демонстративная суетливость. С того берега должны видеть, что внимание морского поста сосредоточено только на яхте.

В эту ночь все старательно подыгрывают неизвестному самонадеянному господину в черном макинтоше. Это игра в дурака. Им, несомненно, окажется самонадеянный господин — уж Александр позаботится об этом!

¹ Повторен.

Черные столбы, которые появились на месте вертикальных лучей, их след на сетчатке глаз, постепенно светлея, исчезают.

Ветер промчался по верхам. Сосны взволнованно зашумели.

Потом словно бы кто-то шикнул на них или бросил горсть песка — разом умолкли.

Всем существом своим Александр ощутил, что на острове еще кто-то!

Не двигаясь, он повел глазами по сторонам.

На скале, которая обрывается в море, темнеет силуэт. Только что его не было здесь. Он совершенно неподвижен, будто испокон веку находится на острове, как и огромные, лежащие подле него валуны.

Александр удивился тому, что не услышал ни шороха, ни плеска.

В рассеянном звездном свете блеснули брызги, сползающие по матово-скользким, покатым, очень широким плечам. Голова кажется на них уродливо маленькой.

Перед Александром лягушка-великан. Вместо лица выдвинулась стеклянная, распяленная от уха до уха пасть — особая маска неизвестной конструкции. На спине торчат горб — баллоны.

Причудливый камень переместился на несколько метров к лесу — почти неуловимо для глаз.

Очутившись под защитой деревьев, нарушитель двинулся вдоль берега. Александр потрянул головой. Что это? Он внезапно оглох? Потом вспомнил: на Змеиный пойдет диверсант мирового класса, опытный во всякого рода уловках.

Человек-лягушка двигается абсолютно бесшумно, не спотыкаясь о камни, не задевая ветвей, не шлепая ластами по гранитным плитам.

Похоже на немое кино!

Скользя над землей как призрак, он повернул под прямым углом, вернулся, опять повернул. В движениях его нет торопливости или нерешительности. Это планомерный поиск. Руководствуется какими-то непонятными признаками — быть может, отсчетом шагов?

Вот он поднес руку к глазам, сверился с часами или компасом, в задумчивости постоял над обрывом. Минуту или две горбатый силуэт четко отпечатывается на фоне звездного неба, потом исчезает внезапно, как появился.

Александр вскинулся с места.

Мгновенно натянул маску, в два прыжка очутился на гранитной плите, где только что стоял нарушитель. На бегу выстрелил из ракетницы вверх. И, даже не увидев дугообразного зеленого росчерка на небе, он кинулся вниз головой с обрыва вдогонку за врагом...

2

Струящийся сумрак обступил Александра.

Под ногами он ощутил дно, спружинил, выпрямился и осмотрелся.

Во тьме масляным пятном проступал свет. Нарушитель зажег фонарь.

Александр вспомнилось, как гвардии капитан-лейтенант в одном из своих «поучений» разделял мужество на фазы.

«Первая фаза, — говорил он, — самая трудная. Вторая, та уже будет полегче. Решил, скажем, ворваться во вражескую гавань — ворвался. А потом уж подхватит, понесет — только поспевай реагировать на обстановку».

Как всегда, гвардии капитан-лейтенант был прав. Очутившись под водой, Александр почувствовал себя гораздо спокойнее. Первая фаза уже пройдена. Сейчас остается лишь реагировать на обстановку.

Вот масляное пятно закачалось и начало медленно двигаться вдоль берега. Видимо, нарушитель продолжает искать.

Александр поплыл следом — очень осторожно, чтобы не удариться о подводные камни, не ткнуться с разгона в обрывистый берег. Однако гранитное основание острова словно бы расступилось перед ним.

Поднырнули под скалу!

Александр отвел руку в сторону, коснулся скользкой, поросшей мхом стены. Плывут внутрь острова!

Светлое пятно стремительно взвилось. Александр последовал за ним и всплыл на поверхность.

Конусообразный луч, как комета, пронесся по гранитному своду, по ребристым вогнутым стенам, по аспидно-черной гладкой воде.

Это грот, но изнутри он обтянут железными креплениями или перекрытиями. В глубине угадывается нечто вроде причала.

Все это Александр успел увидеть мельком. Нарушитель опять нырнул. Немедленно то же сделал и Александр, буд-то невидимый трос неразрывно связывал обоих пловцов.

Почти одновременно они опустились на дно. Пучок света заметался, отталкиваясь от поросших мхом стен, выхватывая из мглы нагромождения плит и длинные, чуть покачивающиеся пучки водорослей.

Как бы луч невзначай не полоснул! Александр втиснулся в щель между двумя подводными камнями, прижался к ним, слился с ними.

Нарушитель был, по-видимому, озабочен, раздражен. Луч фонаря, описывая кривые, поспешно обегал дно, возвращался, скользил по сваям. Грот был пуст.

Внезапно фонарь прыгнул вверх. Александр снова всплыл.

Боевой пловец уже вскарабкался на пирс и сидел там.

Он весь серый, будто вылепленный из глины. Даже волосы на голове его кажутся серыми. Обхватив руками поднятые колени, положил на них подбородок. Вероятно, привык отдыхать так, сохраняя полную неподвижность, словно бы превратившись в камень. А быть может, он размышляет? То, что грот пуст, видимо, удивило и обеспокоило его.

Александр воспользовался короткой передышкой. Чуть высунув лицо из воды, жадно разглядывает грот.

Фонарь, стоящий на пирсе, бросает конус света вверх и немного вбок. Луч сломан на изгибе свода.

Вряд ли грот искусственный. Выглядит слишком грандиозно. Хотя чего только не понастроили люди во время войны!

Пирс, конечно, сооружен, в дальнем его конце чернеет что-то кубообразное, вроде склада или ремонтной мастерской.

Уйму денег, должно быть, вколотили в это!

Однако печать запустения лежит на всех сооружениях. Железные конструкции погнулись. От каменного настила отваливались две или три плиты.

Вероятно, никто не бывал после войны в гроте.

Но где же подводная лодка?

Александр ожидал, что она будет покачиваться, пришвартованная к причалу, или лежать рядом с ним на дне. Но подводной лодки в гроте нет.

Человек-лягушка вскочил, стремительно прошелся вдоль причала. Ему пришлось согнуться, чтобы проникнуть в помещение склада или мастерской. Он пробыл там недолго и, выйдя, с силой хлопнул дверью. Значит, и там нет того, что искал! Потом он стал ощупывать стены, присвечивая себе фонарем. Тоже ничего!

Считая, что он один в гроте, нарушитель громко и быстро говорит сам с собой. Надо думать, он страшно раздражен.

Наконец человек-лягушка опустился на четвереньки и быстро запрыгал вдоль причала, часто наклоняясь, чуть ли не приносясь к трещинам в настиле.

И вдруг из расщелины или углубления в настиле извлечен футляр! Издали Александру показалось, что это детский пенал.

Поставив фонарь на причал, нарушитель отвинтил крышку пенала. Движения его порывисты, но точны. В руках забелело что-то вроде свитка. Минуту или две нарушитель в нерешительности держит свиток на весу. Нет, он не стал читать его, торопливо затолкал обратно в футляр, завинтил крышку и положил у своих ног. Потом повернулся к стене, отодвинул в ней плиту. Внутри тускло блеснул какой-то механизм.

Нарушитель поднял руку, чтобы включить рубильник. Лишь тогда Александр, стряхнув с себя оцепенение, бросился на врага.

Хлестнули выстрелы, оглушительно отдавшись под сводами. Александр вышиб пистолет из рук врага. Оба противника упали.

Некоторое время они боролись, неуклюже ворочаясь, как черепахи. Тяжелые баллоны пригибали к земле, стесняли движения.

С сопением возясь на причале, враги подкатились к самому его краю, мимоходом столкнули в воду футляр со свитком и упали вслед за ним.

Несколько минут — или секунд! — возились они под пирсом, то и дело стучаясь о него. Так тесно переплелись руками и ногами, что казалось, ничто не в силах разъединить их.

Нет связи на свете прочнее ненависти!

Под водой они почувствовали себя ловчее, увереннее. Вода была их стихия.

Тактика изменилась под водой. Теперь оба стремились лишить друг друга преимущества боевого пловца. Для этого надо было сорвать маску с лица.

Нарушителю почти удалось сделать это. Он зажал шею Александра рукой, согнутой в локте, другой торопливо шарил по его лицу, пытаясь вырвать загубник изо рта. Александр начал захлебываться. А враг все сильнее и сильнее стискивал горло.

В самбо это называется «гриф горла». Рука, согнутая в локте, надавливает на сонную артерию. Десять, от силы пятнадцать секунд — и смерть!

Александр вспомнил, как в гимнастическом зале «Динамо» самбист, захваченный таким приемом, почти сразу начинал барабанить пальцами по руке партнера: признавал себя побежденным и просил отпустить.

Но в том же гимнастическом зале Александр разучил с заботливым Рывчуном и защиту против смертельного грифа.

Мышцы вспомнили! Они сработали рефлекторно.

Александр изо всех сил ударил пяткой по колену врага. От резкой боли тот ослабил хватку. Александр мгновенно высвободился и всплыл!

Он глубоко вобрал в себя воздух, трясущимися руками поправил маску. Враг исчез. Неужели уплыл из грота?

Нет, не так тренирован был этот человек, чтобы уйти от боя. Перед Александром опять мелькнула длинная тень.

В этой ярости, в этой молчаливой злобе было что-то необычное, пугающее. Казалось, дерется не человек, а какая-то громадная взбесившаяся рыба. Мускулистое, смазанное жиром тело вывертывалось, выскользывало. Ласты бешено пенили воду.

У взбесившейся рыбы был только один зуб, но очень острый — стилет. Александр перехватил правую руку со стилетом и, как клещами, зажал в кисти. Но левая рука врага свободна. Распяленные пальцы нетерпеливо шарят по лицу, по плечам. Нужно прижимать подбородок к груди, чтобы не дать этим ищущим, скользким пальцам добраться до горла.

Нет, Александр не хотел применять оружие, хотя на боку у него был пневматический пистолет. Во что бы то ни стало захватить врага живым!

Но где же Кузема, Бугров? Почему до сих пор не пришли на помощь по сигналу ракетой?

Сцепившись, боевые пловцы то поднимались, то опускались. От причала они переместились к центру грота, коснулись дна, всплыли, снова очутились у причала.

Был момент, когда Александр уже одолел. Он обхватил

противника ногами и, дергаясь всем телом, молотил его затылком о сваю. Так добивают метровых щук, пойманных на спиннинг.

Но нарушитель был слишком скользким — вероятно, смазлся маслом перед заплывом. Он извернулся, взвился вверх, снова кинулся на Александра. Острая боль резанула плечо.

Уже теряя сознание, Александр почувствовал, что нарушителя оттаскивают от него, и инстинктивно изо всех своих слабующих сил сопротивлялся этому...

3

Застонав, он приподнялся.

Лежать было неудобно, твердо. Значит, был уже не в воде, а на земле.

Ну да, вот и небо!

Под соснами стояли и ходили пограничники.

— Жив? — с беспокойством спросил Александр, имея в виду нарушителя.

— Жив, жив! — успокоил начальник морского поста, садясь рядом на корточки. — Чистенько ты работаешь, лейтенант. Почти что и не повредил его.

— Зато очень крепко вцепились, — добавил Бугров. — Мы с Куземой едва отняли его у вас. С ключьями отдирали.

Александр посмотрел на матроса. Тот был в плавках, с лапами на ногах и мокрый весь с головы до пят. Значит, помощь все-таки пришла по сигналу ракетой...

— Замешкались малость, — добавил матрос извиняющимся тоном. — Не сразу нашли этот вход в скале.

Александр перевел взгляд на свое наспех забинтованное плечо — рука неподвижна, как полено. В другой руке зажат обрывок какой-то прорезиненной материи. «С ключьями отдирали...».

Он разжал кулак, уронил обрывок материи в траву, устало откинулся на спину.

Когда он опять открыл глаза, было уже утро. Народу на острове прибавилось. Звенели кирки и лопаты. Пограничники, весело переговариваясь, ворочали и отодвигали камни, будто устанавливали мебель на новоселье.

— Очнулся, — сказали рядом с Александром.

— И то пора...

Александр поднял глаза. Сверху на него смотрел командир части.

— Здравия желаю! — радостно сказал Александр, пытаясь приподняться, но сидевший на земле фельдшер придержал его.

— Заторопился! — укоризненно сказал командир части. — Некуда торопиться тебе. Дело свое сделал. И сделал на совесть!

— А где?..

Александр поискал вокруг глазами.

— Вот он! Все нейметя ему.

Поодаль несколько пограничников, навалившись, придерживали под сетью что-то извивавшееся и судорожно бившееся на земле.

Александр успокоенно перевел дыхание.

— Зачем камни ворочают? — спросил он через минуту.

— Ищут аварийный люк.

— Не найдут, — уверенно сказал Александр. — А найдут — не откроют. Мальтиец ведь предупреждал: плита отодвигается изнутри. С помощью ручной лебедки. Я нырну, товарищ командир? Мне помогут доплыть.

— Еще чего! Раненый — нырнуть! Проинструктируй своих аквалангистов!

Александр растолковал Бугрову и Куземе, как искать приспособление для подъема крышки люка.

— Мальтиец говорил: это за ремонтной мастерской. Видели ее? Только не перепутать! Посредине механизм для взрыва Винеты.

— Где кусок стены сдвинут?

— Правильно. Нарушитель собрался включить.

Кузема и Бугров долго возились внутри острова. Минут через пятнадцать они всплыли и взобрались на берег.

— Ну как? — спросил командир части.

— Четыре трупа нашли на дне.

— Ого! И впрямь склеп. А приспособление для подъема?

— Там облицовка плотная, товарищ командир. Плита к плите.

— Значит, не нашарили нужной плиты. Мальтиец говорил: третья снизу, во втором ряду. Отодвигается легко.

Опять длительное ожидание. Александр сердито покосился на свою неподвижную руку.

Вдруг зашумели неподалеку ветви, хотя утро было безветренным. Раздались радостно взволнованные голоса пограничников. Раскачиваясь кроной, начала поворачиваться одна из сосен, и вместе с нею гранитная плита, ее подножие. Под гранитной, обросшей мхом плитой оказалась вторая — железная. Зачернело отверстие, открылись ступени винтообразной лестницы, уводившие вертикально вниз.

— Молодцы Бугров и Кузема, — сказал командир части. — Что ж! Воспользуемся любезным приглашением.

4

Александр тоже запросился в грот.

— Нельзя. Ты ранен, — сказал командир части.

— Просто устал, вымотался.

— А плечо?

— Не болит, — соврал Александр.

Кузема и Бугров подхватили своего лейтенанта под руки. Вставая, он с беспокойством оглянулся. А где же нарушитель?

Ага, вот он — неподвижно сидит под сетью, обхватив руками колени. («Эх, не догадались связать!») Голову положил на руки, спрятал лицо.

Рывчун перехватил и правильно понял взгляд Александра.

— Будь спокоен! Не уйдет!

В узкий лаз один за другим спустились командир части, начальник морского поста, матросы, поддерживавшие Александра. Вслед за ними опустили несколько фонарей.

Грот осветился.

Вода, недавно ходившая ходуном, уже успокоилась, но следы брызг темнели на стенах. Высота свода доходила до пятнадцати метров, площадь акватории была достаточна для того, чтобы в грот могла войти большая подводная лодка, всплыть и, развернувшись, стать у пирса.

Грот был естественный. Он представлял из себя как бы глубокую пазуху в недрах острова.

Как мог возникнуть этот громадный тайник?

Несомненно, не обошлось без помощи ледников. Когда-то они прошли здесь. Первый ледяной вал пропахал борозду, вырыл глубокое ущелье. Его заполнила вода, образовав бухту.

Затем, спустя сотни или тысячи лет, второй вал приволок с собой большое гранитное поле. Оно сползло в море, но край поля не коснулся дна, а повис над ним огромным козырьком. И бухта стала подводной.

Недаром деревья, которые росли на берегу, немного наклонены в одну сторону, к воде. Поле, по существу, было оползнем.

Люди лишь дополнили, усовершенствовали то, что было создано усилиями двух ледяных валов.

В гроте обосновался «Летучий Голландец».

Здесь подводная лодка имела все необходимое для ремонта механизмов, пополнения запасов и отдыха команды.

Пограничники обнаружили электропроводку — грот освещался электричеством.

Для удобства подхода зажёгались в темное время суток фонарики, укрепленные на вешках. Они указывали путь к подводному входу в грот. Когда-то Шубин назвал это «светящейся дорожкой на воде».

Приближаясь к острову, «Летучий Голландец» давал какой-то сигнал, «петушиное слово», по которому служба Винеты включала «световую дорожку», а также ведущий кабель, проложенный на дне.

Ориентируясь по вешкам, лодка входила в зону действия кабеля, погружалась и, двигаясь строго вдоль него, медленно втягивалась в пасть огромного грота. Там всплывала и пришвартовывалась у пирса.

Наверное, в Винете были и другие средства, которые обеспечивали безопасность входа и выхода подводной лодки. Пока, однако, удалось обнаружить только кабель.

Оказалось, что вертикальная лестница проходит внутри шахтного ствола. По нему опускали громоздкие грузы. В отличие от аварийного лючка ствол открывался с помощью

механизмов, которые приводились в действие электромоторами.

Даже при самом поверхностном осмотре ясно было, что Винета в шхерах не чета Винете в Пиллау. Это фундаментальная, специально оборудованная стоянка, рассчитанная на длительное пребывание в ней.

Был «запланирован» и конец Винеты.

В гроте обнаружили большое количество взрывчатки, равномерно распределенной под пирсом между его сваями. Стоило включить приспособление для взрыва, чтобы Винета-три перестала существовать. Обрушившиеся своды погребли бы тайну под обломками.

Почему же Винета не взорвана? Забыть о ней не могли. Значит, приберегали на всякий случай — в ожидании новой войны?

Пограничники постояли недолго над тем, что Бугров и Кузема извлекли со дна Винеты. Зрелище было неприглядное. Смерть вообще неприглядна, особенно же внезапная, насильственная смерть. От четырех трупов, лежавших в ряд на пирсе, остались только кости да лохмотья одежды, по-видимому комбинезонов.

— Кто-нибудь из команды «Летучего Голландца»?

— Вряд ли. Скорее обслуживающий персонал Винеты. Наверное, механики, монтеры.

— Кто же их так? Цвишен?

Командир части досадливо пожал плечами. Он присел на корточки и заглянул под причал, где между сваями колыхалась чернильно-черная вода. Удивление на лице его сменилось разочарованием.

— Четыре мертвеца и пустой пирс, — пробормотал он сквозь зубы. — И больше никаких следов этого «Летучего Голландца»?

— А футляр? — вспомнил Александр. — Футляр еще не нашли?

5

Футляр извлекли из-под свай пирса, куда подводные пловцы затолкали его, «наподдавая», как мяч, ногами.

Командир части медленно отвинтил крышку. Внутри было нечто напоминавшее туго свернутую пружину.

— Поаккуратней, товарищ командир! Еще рванет!

— Нет! Не мина! — вмешался Александр. — Нарушитель открывал, я видел.

— Все равно, давайте-ка с этим на свет! Тут темновато.

По вертикальному лазу все поспешно выбрались наверх.

Александр ожидал увидеть в футляре свиток, письмо — нашли же в Балтийске письмо — или донесение, подобное перехваченному в свое время Шубиным.

Но действительность превзошла ожидания. Это была магнитофонная пленка, необычная, очень тонкая и твердая, как проволока.

— Ого! Да тут метров двадцать наберется, не меньше! —

удивленно сказал командир части, бережно расправляя пленку.

Нарушитель, сидевший под сетью, поднял голову. У него было невыразительное лицо, странно заостренное вперед. Возраст неопределенный — от тридцати до пятидесяти, брови и волосы — совершенно белые.

— За каждый метр мне бы дали пятьсот долларов! — хрипло сказал он по-немецки. — Двадцать метров — десять тысяч долларов. И это еще дешево, как теперь я понимаю. Можно было запросить по возвращении вдвое дороже, и они заплатили бы мне.

Те из пограничников, кто знал немецкий язык, с недоумением переглянулись. Рехнулся он, что ли? Толкует о возвращении, о долларах...

Нарушитель неотрывно смотрел на противоположный берег, затянутый утренней розовой дымкой. Кожа на лице его вдруг натянулась, как на барабане, что-то заклокотало в горле.

— Воображаю, как его сейчас корчит, этого недотрогу! — неожиданно отчетливо сказал он. — Ему не простят столько провалов, я знаю. С него сдерут три шкуры за эти провалы. А он так боится прикосновений!

— Кто?

— О! Один недотрога, кабинетный деятель.

Нарушитель как-то деревянно, с напряжением захохотал. Очень злые люди не умеют смеяться.

И потом уже до самого Ленинграда он не размыкал губ...

Зато достаточно красноречивой оказалась запись на пленке, извлеченная из футляра.

Это, собственно говоря, было донесение, причем сверхтайное. Грибов, ознакомившись с ним, охарактеризовал его так: «Донос из могилы».

На этом мы заканчиваем печатание глав из романа Л. Платова «Секретный фарватер». Здесь завершается сюжетная линия, связанная с одним из героев романа, лейтенантом Александром Ластиковым.

О том, что было записано на магнитофонной пленке, обнаруженной в подземном гроте, рассказано в последующих главах.

Роман «Секретный фарватер» в ближайшее время выходит в Детгизе.

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

САМЫЙ ДРЕВНИЙ ДОМ

По сообщению ЮНЕСКО, около водопада Коломба в Северной Родезии недавно обнаружены остатки «дома», который был сооружен свыше 57 тысяч лет тому назад. Это самое древнее из известных жилищ человека.

Электронная медуза

Ученые давно заметили удивительную способность медуз реагировать на приближение шторма. Но каково устройство этой микролаборатории, предсказывающей погоду, долгое время оставалось загадкой. И вот недавно московским биофизикам удалось сконструировать аппарат, который, имитируя слуховую систему медуз, способен ловить инфразвуки приближающейся бури.

Созданный учеными прибор не только заранее сигнализирует о наступлении бури, но и сообщает сведения о пути и стремительности ее распространения.

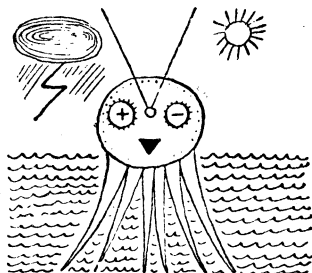

Рисунок В. СТАЦИНСКОГО

Николай КОРОТЕЕВ

В СЕРДЦЕ МОЕМ

ПОВЕСТЬ

Под редакцией генерал-лейтенанта танковых войск Героя Советского Союза, участника национально-революционной войны в Испании С. М. Кривошеина.

Рисунки А. ГУСЕВА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Он проснулся с трудом. Увидел слабо освещенный скат брезентовой палатки и на нем большую тень резкого профиля Хезуса Педрогесо. Закрыв глаза. Как это Хезус не понимает, что он устал, страшно устал!

— Педро...

— Да, — с трудом заставил себя ответить советник.

— Нас вызывают в Лериду.

— Да.

— Ты слышишь?

Педро сел на топчане. Не открывая глаз, потряс головой:

— Сейчас...

Хезус отошел от него, и стала видна вся палатка: стол, лампа, белая карта на столе и столб, поддерживающий шатер.

Педро почувствовал, что проснулся окончательно. Он поднялся, протянул руку и взял кружку, зачерпнул воды из ведра. Вышел из палатки, все еще сонно посапывая. Голова была тяжелой. Нагнувшись, он вылил половину кружки на голову. Вода потекла за ушами, защекотала шею и по ложбинке побежала на спину. Он вздрогнул, вздохнул, наконец, полной грудью, выпрямился, расправил плечи так, что хрустнули суставы, потом снова нагнулся, щедро плеснул водой в лицо, крикнул.

И когда снова распрямился, когда почувствовал влажной кожей прикосновение прохладного вечернего воздуха, увидел закат над далекими горами, накатила нежданно сильная радость — свежая, как вечер, и пьянящая, как запах земли: «До чего же хорошо жить!»

Несколько секунд он стоял, не двигаясь, и дышал, дышал в досталь.

Там, где заходило солнце, над далекими горами, стояли три облака. Они светились по краям. А меж ними прорывались снопы солнечного света и доходили почти до полнеба.

Звонко, отчаянно свистели цикады.

«Чего это развезло тебя, Петр Тарасович? — сказал он себе. — Що такэ ты зробив и що тобі радуватися? А? Що жив — то гарно! И буде».

Он вернулся в палатку. Вытирая лицо полотенцем, спросил:

— А зачем в Лериду?

— Листер вызывает. Машина ждет.

— Ого!

— Поехали?

Машина ждала их на дороге.

— А ты не знаешь, что случилось? — спросил Педро, усаживаясь.

— Наверно, ничего хорошего.

Педро покосился на Хезуса и словно впервые увидел его с тех пор, как вернулся в батальон. Хезус еще больше осунулся за две недели, глаза стали больше. Посмотреть на такое лицо мельком, в памяти одни глаза и останутся — темные, с голубыми белками.

— Думаешь, получим приказ об отступлении? — спросил Педро.

— Нет.

— Конечно, нет. У нас здесь отличный ударный кулак. А если оставим Лериду, нас отбросят к отрогам Пиренеев, к Балагери. Там будет еще труднее держаться.

— И все-таки мы оставим Лериду.

— Что у тебя за настроение?

Хезус промолчал. Потом спросил неожиданно:

— Ты согласился бы навсегда остаться в Испании?

Теперь промолчал Педро.

— Ты отдаешь Испании свое сердце, можешь отдать за нее жизнь. Но родину никогда не сможешь забыть. Тебя все время будет тянуть туда, — Хезус опять надолго замолчал. — Если моя родина будет у франкистов... Я не знаю, что со мной будет...

Закат еще алел позади машины: она быстро и бесшумно ехала в сторону ночного востока. Там, над Леридой, уже зажглись звезды. Но силуэт города, стоящего на холме, был светел, и хорошо различались дома, а выше всех зданий поднимался собор, белый и легкий.

По обе стороны дороги росли деревья. Их шпалеры тянулись до самого города. За деревьями шли беспрерывные сады.

Они цвели.

«Не белы снега... Не белы снега...» — всплыли из прошлого слова песни и все повторялись, повторялись в сознании Петра Тарасовича.

Такое вот буйное цветение садов никогда не отзывалось в его душе радостным чувством, и песня «Не белы снега» — тоже.

Потому что и тогда цвели сады. В селе хозяйничали петлюровцы, а в подземелье около их дома прятались красноармейцы. Ночью они собирались уходить. Он отнес им в тот вечер кринку молока и, сидя в яме под копной, вдруг услышал во дворе шум. Выбрался по подземному лазу в сарай, вышел во двор.

У хаты петлюровцы били мать. Они кричали, что душу из нее вытрясут, если она не скажет, где прячет красных. Петлюровцев было трое. Бойцы тоже вылезли из подземелья, напали на бандитов, убили их и садами стали уходить из села. А куда сбежит женщина, у которой на руках семеро детей?

Услышав стрельбу, во двор ворвались другие петлюровцы, никого не застали и бросились в погоню. А один схватил в сенах веревку и поволок мать за волосы к вербе.

Петро кинулся на него. Петлюровец шибанул мальчика прикладом. Петро упал. А когда открыл глаза, увидел мать, качающуюся в петле на суку. Бросился бежать куда глаза глядят. Сколько бежал и куда бежал, не помнит. Очнулся в хате. Было утро. Какая-то женщина возилась у печи и монотонно напевала одну и ту же фразу из песни «Не белы снега».

Горько пахло визяком и свежим хлебом. Потом женщина вышла, захватив с собой подойник. И когда выходила, все напевала: «Не белы снега...»

Петро схватил каравай и убежал — не мог выносить вида людей.

Он потерял счет дням. Жил в степи. А в села и на хутора заходил ночью — стащить что-нибудь поесть. Потом на железнодорожной станции попал в компанию беспризорников...

— Вот видишь, — негромко сказал Хезус. — Ты так и не ответил мне. И загрустил...

— Вспомнил детство... Иногда, в такие вот дни, вспоминаю, и бывает грустно. Когда повесили мою мать...

— Ты говорил, что она жива!

— Она жива. Я увидел, что ее повесили, и убежал, а соседи вынули ее из петли и спрятали. А я убежал. Десять лет скитался вдали от дома. И только случайно узнал, что мать жива. А тебе я, знаешь, что отвечу? Когда речь идет о свободе класса, дело не в национальности. Стойкость и мужество определяются мировоззрением. Как ты думаешь? У нас на левом фланге снова бригада анархистов, а они настолько ценят личную свободу, что готовы без оглядки жертвовать свободой других. Боюсь, что они непременно убегут.

— Насчет левого фланга я с тобой согласен.

— А центр и правый фланг у тебя не вызывает сомнений?

— Нет.

— У меня тоже. И ты и я знаем, как дерется дивизия Листера, которой мы приданы.

* * *

Машина остановилась.

— Приехали, — сказал шофер.

Подгоняемые ветром, по площади и над ней летали черные хлопья сгоревшей бумаги. Педро взглянул на дом, к которому они подъехали. На фасаде красовалась вывеска гостиницы. Из окон тянулись провода полевых телефонов.

— Вам в двадцать седьмой номер, — сказал вдогонку шофер.

Предъявив документы часовому у входа, они прошли в здание. В вестибюле и коридоре валялись на полу бумаги. По ним торопливо проходили люди с сердитыми и сосредоточенными лицами. Электрические лампочки горели тускло. Пахло горелой воценой бумагой, кожей и ружейным маслом.

При входе в двадцать седьмой номер у них снова проверили документы, и они вошли.

У стола, покрытого картой, стояли двое мужчин. Оба невысоки, только один коренаст, а другой юношески строен и быстр в движениях.

Хезус и Педро отрапортовали о прибытии.

Подвижной шатен, с прямыми волосами, откинутыми назад, слушал, смотрел в их сторону, и левая бровь на его подвижном лице была приподнята вверх. Энрике Листер. Он был одет в кожаную куртку на «молнии», наполовину расстегнутую. Под курткой виднелась белая рубашка. На левой стороне, прямо под «молнией», запирающей нагрудный карман, Педро видел звездочку. Командир легионарской дивизии был всего-навсего подполковником. Педро знал, что Листер деятельно участвовал в обороне Мадрида в самое тяжелое время, еще в октябре тридцать шестого года, остановив бегущие из-под Толедо части республиканской милиции. Потом Листер вел наступление под Гвадалахарой. Пятый полк, одним из руководителей которого был Энрике Листер, стал ядром, первой по-настоящему боевой частью регулярной армии республики. Он сдержал самое значительное наступление франкистов на Мадрид. Бойцы Пятого держались месяц под огнем в Бельчите и сражались за Брунете.

И после всех этих выдающихся военных заслуг и побед Листер — подполковник. Как он вообще мог командовать войсками, находясь в подчинении полковника штаба Центрального фронта Касадо — того Касадо, который в самый разгар боя под Брунете бежал в Мадрид, сославшись на ослабление сердечной деятельности? Да что говорить!

В то время как сотни солдат умирали под бомбами мятежников, министр обороны изволил собственноручно сделать Касадо инъекцию камфары, вместо того чтобы расстрелять полковника за саботаж.

Могло ли быть иначе? Генеральный штаб, главнокомандующий, министр обороны, да и еще кое-кто из министров куда больше, чем поражения, боялись усиления влияния коммунистов в армии...

Подполковник Листер, выслушав доклад, опустил левую бровь и попросил командиров подойти к столу.

На карте Педро увидел знакомую до мелочей картину, только уменьшенную по сравнению с двухверсткой, лежавшей у него в планшете. Синие стрелы — силы мятежников — упирались в железнодорожную насыпь на подступах к Лериде. Лишь этот плацдарм — залитые весенним цветом сады — и остался в руках республиканцев. Выше и ниже по течению Сегре не было никаких стрел, ни синих, ни красных. Там не существовало линии обороны. Старая, руганная самим Листером тактика — бой на дорогах — брала свое и здесь. У республики не было войск, чтобы создать непрерывный фронт. Франкисты пользовались этим и создавали на тех участках, где считали нужным, безусловный перевес в живой силе и технике. И здесь, на этой большой карте, где взгляду открывалась почти пятая

часть Испании, особенно четко просматривался основной замысел франкистских генералов и их немецких советников — расчленить республику, отделить Каталонию, которая имела выход к границам Франции, и изолировать сопротивляющуюся Кастилию и остальные провинции Юга.

Это был уже испытанный фашистами маневр. Так они отсекли и задушили Север, Страну Басков — Урал Испании. И там — Педро узнал об этом в Барселоне — не была взорвана ни одна доменная печь, ни один рудник, ни одна шахта. Они достались фашистам целехонькие, готовые на следующий день к эксплуатации.

Требования коммунистов о выведении из строя промышленности Севера перед сдачей потонули в парламентской болтовне. А социалист, премьер-министр Франции Леон Блюм сделал все для того, чтобы наглухо закрыть границу и не допустить никакой помощи Северу извне.

Листер громко и металлически четко выговорил:

— Мы оставляем Лериду.

Педро поднял глаза, но не встретил взгляда Энрике — тот смотрел на карту. Прямые волосы, резкое лицо, сведенные у переносья брови, которые вдруг вскинулись вверх, когда Листер тоже поднял глаза — голубые, с красными жилками на белках от бессонных ночей... Он совсем не походил на классический тип испанца, скорее его можно было принять за парня из-под Калуги или Рязани. Наверно, те, кто работал вместе с ним на строительстве первой линии Московского метрополитена, так и считали.

Но Листер был испанцем. Испанцем до последней капли крови. И он приказывал оставить испанский город.

— Надо задержать противника до завтрашнего вечера. Нам нужен день, чтобы эвакуировать город.

Хезус стоял бледный. Педро боялся, что он взорвется и, ни к кому толком не обращаясь, наговорит грубостей.

— Ясно, — только и сказал Хезус, и краска бросилась ему в лицо. — Ясно. Задержать противника и дать возможность эвакуировать город.

— Помочь вам ничем не сможем, — снова глядя в карту, проговорил Листер. — Нам надо беречь силы. Справитесь?

Хезус оперся одной рукой о стол, а второй указал на левый фланг обороны:

— Меня беспокоит фланг.

— Анархисты?

— Да.

— Попробуют уйти — стреляйте! Поставьте позади танки. Если попытаются уйти — стреляйте поверх голов! Вашему батальону — сгореть, хоть быть мертвому! Но завтра, тридцать первого марта, фашисты должны быть задержаны!

Эту вспышку Хезус принял как подарок. Он понял, как было трудно Листеру отдать приказ о сдаче Лериды.

— Салюд! — вскинув кулак к виску, ответил Педрогесо.

— Салюд! — сказал Педро.

— Салюд! — отчеканил Листер.

— Держаться! Держаться! — пробубнил подполковник, тот, который не принимал участия в разговоре. Он незаметно для себя, присев за стол, уснул и теперь, побеспокойный громкими словами, полупроснулся, пошевелил головой.

Листер приложил палец к губам.

Хезус и Педро повторили этот жест и потихоньку вышли из номера.

У выхода их догнал шофер штабной машины и сказал, что получил приказ отвезти командира и советника в расположение танкового батальона.

— Поезжай медленно, — попросил шофера Хезус. — Нам нужно как следует посмотреть местность. Кстати, может, выберем место для КП.

Высоко в небе стояла луна. Освещенные стороны улиц — дома, карнизы, лепные украшения — были видны отчетливо. То в одном, то в другом окне мерцало отражение лунной дольки. А темные стороны улиц казались развалинами.

Советник спросил:

— Может, завтра утром подберем место?

— Что ты! Разве можно ждать до утра? Мы тогда не успеем как следует... — Хезус вдруг замолчал, потом рассмеялся. — Ты нарочно так спросил?

— Нарочно.

— Думал, я тебе отвечу: маньяна пор ля маньяна? Не-ет... — И приказал шоферу остановить машину.

Они уже выехали из города. Место, где остановились, было достаточно высоко. Вдали за голубым полем цветущих садов отчетливо просматривалась железнодорожная насыпь. Она шла параллельно реке и городу по-над берегом. За насыпью — позиции франкистов. Им предстояло пересечь долину между городом и железнодорожной насыпью. Посредине долины, пересекая под прямым углом реку, город и железнодорожную насыпь, бежало шоссе. По нему — кратчайшему и удобнейшему пути — могли направить свои силы франкисты.

Хезус рассказал Педро: две роты танков он думает разместить по обе стороны дороги, КП соорудить на холме, третью роту оставить в резерве, чтобы иметь под рукой маневренный ударный кулак.

— Деревья будут нам сильно мешать!

— Да, — согласился Педро.

И только потом, когда они ехали дальше, подумал, что еще недавно Хезус Педрогесо наверняка разразился бы длинной тирадой: мол, война убивает красоту земли... Теперь он просто заметил, что деревья будут мешать. И совсем неплохо справился с расположением рот. Ясно, что танки фашистов не смогут преодолеть насыпь. Значит, инициатива и использование танков в бою останутся за нами. Только воздух, все небо над полем боя — за фашистами.

Остаток ночи готовились к утреннему бою. Танки заняли новые позиции. Антонио уехал с ротой машин к окопам анархистов, Хезус и Педро остались на командном пункте на правой стороне дороги.

Утро началось с бомбежки.

Четыре «юнкерса» в сопровождении истребителей появились из-за насыпи железной дороги. Они летели на небольшой высоте, не опасаясь сопротивления.

«Юнкерсы» принялись бомбить сады у подножия возвышенности: вечером там стояли танки. Сразу после взрывов бомб проносились истребители, поливая из пулеметов горящие и вывороченные с корнями деревья.

— Давайте! Давайте! — подбадривал их Хезус. — У вас слишком много бомб и снарядов!

Они сидели в окопчике на вершине холма, километрах в двух от того места, которое с таким усердием сначала утюжили фашистские самолеты, а следом за ними и артиллерия.

— Через полчаса начнется атака, — сказал Хезус.

— Да, — отозвался консехеро¹. — Как, ты думаешь, она будет проходить?

— Смотри, — Хезус протянул руку к насыпи. — Как только пехота фашистов перейдет железную дорогу, мы откроем пулеметный огонь. Мы пустим их пехоту в долину. Как можно дальше. А потом обе роты танков пойдут ей во фланги. Клещи, понимаешь? Представляешь, как сладко будет их пехоте?

— Согласен.

Хезус радостно посмотрел на советника.

— Свяжусь с пехотными командирами, чтобы они не удивлялись...

Педро отправился к резервной третьей роте.

Командир танковой роты Игнасио Рибера словно не заметил подошедшего советника, потом вдруг спросил:

— Я слышал, консехеро, это вы настояли поставить мою роту в резерв?

А смотрел куда-то в сторону, всем своим видом показывая, что гордость его оскорблена.

Квадратное лицо Игнасио было прорезано глубокими морщинами, он не брился, наверное, дня три.

Но для Педро именно Игнасио был первым солдатом, которого он принимал как отличного бойца, пусть и без выправки. На Игнасио и на его роту Хезус и советник могли положиться всегда.

— Я обижен на вас, консехеро, — снова сказал Игнасио. Было странно и весело слышать «обиделся» от человека, похожего на непробиваемую черепаху. Игнасио был одет в кожаную куртку и штаны и чуть сутулился, выставив голову вперед.

— Завтра будешь обижаться. Сегодня у тебя не останется времени, — улыбнулся Педро и объяснил Игнасио маневр, который предстояло совершить его роте.

¹ Консехеро — военный советник (исп.).

Игнасио нахмурился, так что его широкие брови сошлись в одну прямую, и ссутулился еще больше. Только человек, близко знавший его, мог понять по этим приметам, что Игнасио счастлив.

Танкисты заняли свои места, и рота двинулась садами к железнодорожной насыпи. Люки были пока открыты, и командиры стояли, высунувшись из них наполовину. В танки залетали белые лепестки цветов.

Педро был во второй машине — она шла сразу за танком Игнасио.

Едва дошли до насыпи, как над холмом, где располагался командный пункт республиканцев, взвились три красные ракеты.

Педро прикрыл люк, прильнул к оптическому прицелу. Машины выскочили на поле у самой насыпи. Педро услышал, как забил пулемет, ухнула пушка в башне. В оптический прицел он видел спины франкистов, шедших в атаку на позиции республиканцев, потом и насыпь, с которой скатывались идущие в атаку. Первые несколько минут фашисты не могли понять, в чем дело, почему танки появились сбоку и чьи это танки.

А машины, не останавливаясь, шли все дальше вдоль насыпи, расстреливая франкистских солдат — и тех, что спускались в долину, и тех, которые уже подбегали к окопам республиканцев.

Только когда танки прошли примерно половину поля и отрезали наступавших, те заметались. Но деваться им было некуда.

Уничтожив и частично рассеяв пехоту франкистов, танки свернули влево и остановились неподалеку от роты, которая стояла в тылу бригады анархистов.

Педро открыл люк. Над долиной стояла тишина. Советник спрыгнул на землю. Мимо щеки, тяжело жужжа, пролетела пчела.

Подошел Игнасио, стянул с головы шлем, вытер подкладкой потное лицо.

— Я, пожалуй, пока побреюсь.

— Думаю, что успеешь, — сказал Педро.

— Мы и пообедаем! — подмигнул командир роты.

— Вряд ли...

— Тогда давай поедим, — предложил Игнасио. — А если останется время, я побреюсь.

Он слезил в свой танк и принес завернутый в чистую тряпочку кусок сыра, хлеб и фляжку с вином. Устроились под абрикосовым деревом. Солнце грело щедро, и они растегнули «молнии» на куртках. Ветра у земли совсем не чувствовалось, он шел где-то верхом: в междурядьях сада беспрестанно мелькали белые лепестки, и было видно, как покачиваются ветви. Над насыпью снова появились самолеты. Они гудели прерывисто.

— Высоко идут, на Лериду, — сказал Игнасио.

— На Лериду.

— Подлецы! Кто им запрещает бомбить нас? Нет! В отместку будут бомбить дорогу или мост за Леридой.

Педро промолчал. Игнасио был прав: фашисты летели бомбить мост через Сегре, по которому из Лериды двигались беженцы.

Игнасио поднялся. Но он мог бы и не делать этого. Левый, более низкий берег был виден между деревьями как на ладони. Там тоже тянулись сады и, пересекая их прямой зеленой линией, уходила дорога, обсаженная деревьями. По ней двигался пестрый поток людей.

«Юнкерсы» подлетели к дороге и стали по одному сваливаться на крыло. Поднялись взрывы. Они были бесшумны, словно все это только казалось.

Звуки слышались секунд через двадцать.

Когда над насыпью послышался стрекочущий звук летящих истребителей, Игнасио облегченно вздохнул.

— Наконец-то о нас вспомнили! — И закричал: — По машинам!

Вслед за истребителями в небе появились бомбардировщики.

Рота продвинулась ближе к окопам, чтобы отразить новый натиск пехоты. «Юнкерсы» начали сбрасывать бомбы на окопы и танки.

Вдоль дороги под раскидистыми деревьями стояли на автомашинах счетверенные пулеметы. Они азартно, резкими короткими очередями ударили по пикирующим бомбовозам.

И почти одновременно с налетом авиации волны пехоты перехлестнули через насыпь. Часть танков вышла ей навстречу.

Один танк, подбитый прямым попаданием бомбы, горел.

И самолет был сбит только один.

Педро поймал в перекрестие прицела противотанковую пушку, выдвинутую на насыпь.

Нажал педаль спуска. Он еще услышал выстрел пушки и почувствовал отдачу.

Но в следующее мгновение весь мир куда-то провалился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Темное женское лицо в удивительно белом — огромном и рогатом сооружении — чепце склонилось над ним.

«Что это со мной?.. — Педро вздохнул и почувствовал острую боль в груди. Хотел поморщиться, но и это было больно. — Где я?»

Ловкая и осторожная рука скользнула под затылок, подняла голову. У губ оказался край чашки. Педро почувствовал тонкий и острый аромат апельсинового сока. Хлебнул. И тогда уже все тело ощутило жизнь, все, до кончиков пальцев.

— Бьен... Бьен... — ровно произнес женский голос.

«Да, хорошо...» — мысленно согласился Педро.

Он хотел улыбнуться в знак благодарности, но помешала боль в щеке и челюсти. Он очень осторожно кивнул.

— Бьен, бьен, русо, — проговорила сестра.

И Педро вздохнул, как вздыхают успокоенные дети: глухо и прерывисто.

Потом он проснулся ночью от острого чувства голода и лежал, не открывая глаз. Он понимал, что просить в это время еды неловко, но голод очень обрадовал его: голод означал бесповоротное возвращение в жизнь. И Педро стал вспоминать блюда, какие бы он сейчас с удовольствием съел.

Вареники с вишнями в сметане. Сметана должна быть холодной, прямо из погреба, густая, как масло. А вареники — горячими. Раскусишь вареник — рот наполнится душистой обжигающей мякотью кисло-сладкой вишни. Потом холодная сметана остудит и тесто и ягоды...

— Ох!..

— Кес ке се? ¹ — послышалось с соседней койки.

— Са ва, са ва ², — пробормотал в ответ Педро.

Сосед француз небрежно произнес длинную фразу. Педро понял: сосед выражает свою радость по поводу хорошего самочувствия русского.

— Са ва, са ва, — повторил Педро.

— Карош, — прошептал француз.

— Мерси.

Они замолчали, боясь потревожить соседей.

«Сколько же я здесь?» — подумал Педро. Он не мог ощутить времени: золотая вспышка в танке после выстрела и темное лицо в белом чепце разделялись в его сознании трещиной тьмы.

— Диа? — прошептал Педро.

— Нуар, — ответил француз, решивший, что Педро спрашивает, день сейчас или ночь.

— Коман диас? — соединив французское слово с испанским, опять спросил Педро.

— Десятое, — ответил по-испански француз, и дальше они говорили только по-испански.

— Десятое?

— Да.

— Как Лерида?

— Оставили третьего апреля.

— Третьего? — Педро открыл глаза, но ничего не видел в темноте.

— Да.

— Хорошо.

— Почему? — удивился француз.

— Выполнили приказ.

— А...

— Лериду уже начали эвакуировать, когда мы получили приказ задержать фашистов. — Теперь Педро почувствовал духоту ночи. Потом постепенно различил во тьме проем высокого-высокого окна, небо — оно было все-таки светлее — и лохматый силуэт пальмы. — Я был ранен тридцать первого. Значит, приказ был выполнен.

¹ Что случилось? (Франц.)

² Нормально, нормально (франц.).

— Позавчера оставили Гандесу.

Педро дернулся, застонал от боли, помолчал, переспросил:

— Гандесу?

— Да. Теперь фашистам до моря рукой подать.

— Гандесу оставили...

— У вас там знакомые?

— Нет.

Там была семья Хезуса. И семья Антонио тоже там. Успели ли они уйти? Судя по словам француза, фашисты двигались быстро.

— А сегодня? — спросил Педро. — Что случилось на фронте сегодня?

— Узнаем утром, — сказал сосед слева.

— Простите, мы вас разбудили.

— Ничего. Вам, Педро, не стоит так много разговаривать. Вы еще очень слабы.

— В Гандесе семья Хезуса Педрогесо. И Антонио. Хезус командир, а Антонио комиссар танкового батальона. Я был советником у них. Где они могут быть?

— В Каталонию перебрались. Наверняка. Фронт стабилизируется по Сегре-Эбро. Они должны быть в Каталонии. Как будто они не знают, что с ними сделают фашисты!

Горячая волна крови прилила к голове Педро. Стало душно, он потерял сознание. Виделось ему: женщина, простоволосая, в темном платье, брела с сыном на руках по выжженной солнцем рыжей земле. Над ней стервятником вилс самолет. Кругом вздымалась от взрывов земля. Он полз и полз вслед за женщиной и кричал ей, чтобы она спряталась в воронку. Но она не слышала его и бежала, бежала. А он охрип от крика, и горло пересохло, голова раскалывалась от жары. Когда женщина бежала, он видел, что это не его жена и не его ребенок у нее на руках, но стоило ей обернуться, как он узнавал лицо жены.

Наконец женщина остановилась, оказалась рядом, склонилась над ним.

Он все кричал, кричал.

«Тише, тише...» — бесконечно твердил женский голос.

Педро открыл глаза и увидел ослепительно белый рогатый чепец, который обрамлял смуглое лицо женщины.

— Тише, тише... Нельзя так метаться.

Ловко и бережно женская рука скользнула под его затылок. У губ оказались края чашки, наполненной прохладным и острым апельсиновым соком.

В узком очень высоком окне, распахнутом настежь, он видел удивительное синее небо и черные в тени веера пальмовых листьев. Опустил взгляд. На столике у кровати стояла вазочка с тремя белыми розами. Внутри одного цветка запуталась в лепестках капелька влаги и поблескивала, как ртуть.

— Как вас зовут? — спросил Петр Тарасович, чувствуя, что сестра еще здесь, у кровати.

— Кармен.

— Кармен...

- Вам нельзя разговаривать.
- Не буду. Я стану самым послушным.
- Это не я принесла цветы, — сказала сестра.
- Мне некогда здесь залеживаться.
- Вам нельзя разговаривать.

Педро замолчал.

Кармен поправила подушку и ушла.

Француз очень долго ворочался на койке, потом не выдержал:

— Ах, какой ты сухарь, Педро!

Педро закрыл глаза и молчал.

— Ты молчи, молчи, — продолжал француз. — Но скажу тебе по секрету: цветы принесла она. И не только цветы. Ты дышал на ладан, когда тебя привезли. Она дала свою кровь. Так что ты можешь считать себя немного настоящим испанцем.

* * *

— Педро?! — Комиссар танкового батальона так поспешно вскочил из-за стола, что едва не опрокинул его, подбежал, обнял советника. — Педро... Педро! Дружище! Выкарабкался... Вернулся! А я уж думал, что тебя не пустят на фронт... — Антонио сияющими глазами глядел на товарища. — Цел! И не хромаешь?

— Признаться по секрету — стараюсь не хромать, — сказал Педро, чуть пришепывая. На правой щеке алел рубец, похожий на латинское «t». — Вот только «вывеску» мне испортили.

— Чего?

— Ну, щеку, лицо. Врачи пообещали, что пройдет. Не совсем, но будет почти незаметно. Наплевать.

— А я подумывал, отвоевался. Отправили в Россию.

— Я вернулся еще большим испанцем, чем уезжал. Теперь я на одну десятую чистокровный испанец. Из окрестностей Сабиняниго.

— Ты в госпитале стал шутником!

— Клянусь святой мадонной дель Пиляр, я не шучу! Говорят, когда меня привезли в госпиталь, я дышал на ладан. И одна девушка, женщина вернее, дала мне свою кровь.

Антонию подмигнул и придал своему улыбчивому лицу строгое выражение.

— Ты отблагодарил ее? Она не забудет человека, которому пожертвовала свою кровь, а?

— Уж не перешел ли ты в веру Альфонсо? Он все вил-ся вокруг меня таким змеем-искусителем по женской части.

— Анархиста Альфонсо больше нет.

Педро потупил взгляд, прошел к скамейке и сел.

— Жаль. Он был в общем-то хорошим парнем.

— Он жив.

— Ты мрачно шутишь, Антонио...

— Я же сказал, что нет анархиста Альфонсо. Он вступил в Коммунистическую партию Испании.

— Ты посмотри, как получается! Мякину, выходит, в одну сторону, а зерно — в другую?

Антонио улыбнулся. Сделав знак обождать его, он выскочил из блиндажа и вскоре вернулся.

— Сейчас нам поесть принесут. — Потом достал из-под лавки бутылку с вином. — Так кто же все-таки эта женщина, Педро?

— Она сестра в госпитале. Маленькая женщина, очень красивая и всегда ходит в смиренных платьях.

— Так...

— Она потом часто приходила в палату. Но я никак не мог запомнить, в каком она платье. В памяти оставалось только красивое лицо. А после догадался, что платья у нее смиренные.

— Так...

Педро замолчал. Он не понимал, зачем стал рассказывать Антонио о ней. И рассказывать-то было нечего.

— Ты не представляешь, как я рад, что ты вернулся! Я просто болтаю всякую чушь. Не хочется молчать. А ты... В тебе начинает говорить кровь грандов! Ты окружаешь ореолом святости грандессу, которая спасла тебе жизнь. А?

— Она крестьянка из окрестностей Сабиньяниго. — Педро вздохнул. — Скоро вернется Хезус?

Он хотел спросить Антонио, удалось ли его семье и семье Хезуса эвакуироваться из Гандесы, но не решился. Ведь тот и другой могли ничего не знать о своих родных. Не хотелось нарушать спокойствие, которое Антонио доставалось, может быть, с таким трудом.

— Он в штабе. По-моему, намечается большая операция.

— И о ней уже все знают?

По дороге сюда, из машины, Педро видел позиции республиканцев. Господствующие высоты были в руках франкистов. Они держали под обстрелом позиции республиканцев на несколько километров вглубь.

Шофер, небрежно державший руку на баранке «испаносюязы», понимающе проговорил:

— Достается. Говорят, сегодня было шесть атак.

— Чьих?

— Фашистских, — покосился шофер, — но мы будем наступать.

Педро промолчал, будто не слышал, будто не обратил внимания на разглашение военной тайны. Впрочем, о том, что наступление готовится, он слышал еще в госпитале, от американского бойца из батальона имени Линкольна.

Держа левую руку на баранке, шофер всем корпусом повернулся к Педро.

— Вы мне не верите? Я могу поклясться, что в ближайшие два дня мы выкинем фашистскую сволочь с холмов на этом берегу и форсируем Сегре! Поверьте, уж я-то знаю, что говорю.

— Почему же не верю? Только об этом не стоит говорить.

— Конечно, это военная тайна. Но ведь вы не первый встречный. И потом, что бы ни случилось, мы все равно выбросим фашистов с левого берега. Может быть, нам даже удастся взять обратно Лериду. Надо соединиться с войска-

ми Центрального фронта. Тогда сами фашисты, прорвавшиеся по долине Эбро к морю, окажутся в мешке. Это ясно каждому ребенку!

— Возможно...

— Вы считаете, что это не так?

— Я не ребенок, и мне неясно, почему об этом говорят все.

Шофер обиженно отвернулся, перехватил баранку в правую руку, а левой достал из кармана куртки сигарету. Он закурил, не предложив Педро, высунул локоть в открытое окошко и поднажал на акселератор. Он был водителем при штабе бригады и считал себя вправе обидеться, когда его отнесли к категории «всех». Но Педро было все равно, обидится на него шофер или нет. Советник подумал о том, скольких жизней может стоить или будет стоить и уже стоила такая болтовня.

До передовой оставалось километра четыре. Холмы, на которых засели франкисты, были хорошо видны: и извилистые линии траншей и белые, будто припудренные вершины. У подножий холмов тоже располагались окопы фашистов. Всего три линии укреплений.

Немецкие советники всерьез поработали над созданием укрепленного района. Хорошая, добросовестная работа...

В блиндаж вошел вестовой и принес еду, поррон с вином и фрукты. Он улыбался Педро еще с порога. Антонио помог вестовому поставить на стол блюда с едой, и тот, козырнув, вышел.

Педро потер руки.

— Давно не пробовал танкистского варева! Что у нас на первое?

— Худияс. Как всегда.

— Сызмальства люблю суп с бобами. А на второе, я вижу, жареные мозги с яйцами! Отлично! Ты что примолк?

— Хезуса что-то долго нет. Наступление, видимо, ожидается.

— Ты всегда спрашивай о наступлении и о том, какое оно будет, у людей, приехавших из тыла. Самые последние новости. О наступлении я слышал еще в госпитале. А по дороге остальное досказал шофер. Очень добрый и разговорчивый парень. До противности разговорчивый. Осведомленный. Можно сказать, более осведомленный, чем генерал Миаха.

— Ты вернулся из госпиталя злым, — сказал Антонио.

Советник нахмурился и принялся за суп с бобами. Он ел быстро и вкусно. Покончив с супом, когда у Антонио еще не показалось дно котелка, Педро взялся за второе и расправился с ним с той же ловкостью и быстротой. Только после этого он сказал:

— То, что мы воюем против германских и итальянских фашистов, это я знал. То, что Испания на корню продана Гитлеру, можно было догадываться. За что же тогда Франко дают танки, самолеты, винтовки? Но то, что за спиной фашистов стоят и подбадривают их Америка, Англия и Франция...

— Вот ты о чем...

Педро отложил ложку.

— Ты знаешь, что сказал о политике «невмешательства» Талейран?

— Талейран? Но он жил сто лет назад.

— Это неважно. На вопрос одной дамы, что такое невмешательство, он ответил — то же, что интервенция.

— Умный, подлец! — сказал Антонио.

— Я еще и о том, что по дороге сюда мне стало известно: цель наступления — ликвидировать плацдарм фашистов на этом берегу Сегре, выбить их на правый и закрепиться. Потом, очевидно, наступление разовьется в сторону Лериды и дальше. Будем пытаться отрезать и окружить группировку франкистов, вышедших к морю в районе Тортосы.

Неожиданно послышался голос Хезуса:

— Об этом нам пока не говорили в штабе бригады.

Командир танкового батальона вошел в блиндаж незаметно и стоял у входа.

— Рад тебя видеть, — протянул он руку Педро. — И рад, что ты уже все знаешь.

Педро пожал руку Педрогесо.

— Я ничего не знаю. Просто слухи.

— Уже не слухи, — сказал Хезус. — Завтра мы начинаем наступать. О задаче наступления ты уже сказал. Танки нашего батальона оказывают поддержку пехоте, которая выбьет противника с высот. Затем нам предстоит разрушить предместные укрепления противника, по мосту и вброд форсировать Сегре и закрепиться на правом берегу.

Сдвинув на угол стола тарелки с едой, Хезус положил карту и рассказал советнику, как он думает осуществить операцию.

— Я мог бы не возвращаться, — усмехнулся Педро, выслушав. — У меня к командиру есть одна просьба: разрешить мне командовать танковой ротой, атакующей мост.

— Еще надо было вернуться, — твердо сказал Хезус. — По дороге сюда я обдумывал другой план. Мне хотелось поставить одну роту на свой левый фланг, чтобы усилить давление на франкистов и заставить их отступить по мосту. И только потом захватить его. Но я увидел тебя и понял, что мое решение было неправильным. Это была бы старая ошибка — оставить врагу лазейку для отхода с расчетом, что он скорее побежит. Раньше мы всегда оставляли лазейки. То же делали и франкисты. Они не ставили задачу окружать Мадрид, надеясь, что, почувствовав угрозу окружения, республиканцы отойдут сами.

— А на деле такие лазейки — коммуникации для связи с тылом, — кивнул советник.

— Конечно, — Хезус улыбнулся. — Я увидел тебя и понял, что лазейку оставлять незачем.

— Ты додумался бы до этого и без меня.

Хезус сдвинул брови, медленно расправил пальцем складку на карте.

— Тебе очень хочется в Россию...

— Если бы я сказал «нет», это было бы неправдой.

Но, не победив в Испании, я не буду спокоен в России. Сегодня передний край борьбы с фашизмом проходит здесь. И поэтому я в Испании. Только и всего. Это вопрос не географии, а идеологии.

— Так, — кивнул Хезус. Он провел ладонью по лицу, будто снимая паутину, и сел на лавку. — Это так. Но к черту все эти разговоры! В политических тонкостях можно разобраться после победы. Идем посмотрим, как готовы танки к завтрашнему бою.

Антонио посмотрел на командира батальона с недоумением.

— Ты не будешь обедать?

— Сыт. По горло сыт!

— Что случилось?

— Ничего.

— Не хочешь говорить? — спросил Антонио.

— Нечего говорить. Все хорошо. Идем, Педро.

Они вышли из блиндажа и стали пробираться по неглубокому ходу сообщения. Хезус двигался впереди. Ему трудно идти согнувшись, но он честно пригибался и, только пройдя метров пятьсот, присел на корточки.

— Видишь, и на полусогнутых ходить научились! — Потом, переводя с трудом дыхание, добавил: — И еще многому научимся.

— Позиция отвратительная.

— Не мы ее выбирали. Я не обсуждаю действия командования и не собираюсь быть анархистом. Но можно было позволить себе отступить еще на два-три километра, занять высоты и держать противника в долине, простреливать его насквозь, как он нас сейчас.

Педро молчал. Он тоже устал. В горле першило от известковой пыли, которой был пропитан сухой воздух. Перед глазами Педро была стена хода сообщения, выцарапанная в каменистой земле, белесой и сыпучей. По стенке беспрерывно сыпались ручейки пыли. Они стекали, подобно воде, и на дне хода сообщения то там, то здесь виделись конусы осыпавшейся пыли. И дно окопов тоже покрывала мягкая пыль, вздымавшаяся от каждого шага.

— Почему ты мне не ответил, Хезус?

— Пока роты не дам.

— Почему?

— Ведь за одну атаку или даже за один день мы не опрокинем франкистов. Так?

— Так.

— И я теперь знаю, что ты даешь отличные советы, но стоит тебе самому сесть в танк, как рвешься напропалую. А ты мне нужен, Педро.

Зачерпнув горсть пыли со дна окопа, Педро стал задумчиво пересыпать ее из ладони в ладонь.

— Не обижайся, — сказал Хезус. — Ты лучше посиди посмотри, пойдет ли за нами пехота. Согласись, это тоже нужно. И важнее, чем командовать ротой в бою.

— А ты?

— Я тоже останусь на командном пункте.

— Останешься? — недоверчиво спросил Педро.

— До того момента, когда увижу, что надо вступить в бой.

Командир танкового батальона заметно постарел, морщины на его сухом лице стали глубже, особенно те, что тянулись от крыльев носа к уголкам губ. Педро подумал: в том, что Хезус отказался дать ему роту сразу, с начала наступления, — расчетливая мудрость настоящего воина.

— Прости, я не хочу сделать тебе больно...

— Они в Гандесе. Был болен Хуанито. Жена не смогла выехать. Сехисмундо и Лауренсию взяли родственники Антонио. Теперь они в Валенсии. Я не знаю, откуда родные Антонио узнали адрес моей семьи.

— Разве это сложно?

— Ведь с Антонио мы просто сослуживцы... Ох, уж мне этот тихоня Антонио!

— Он настоящий мужчина.

— Да.

Они снова поднялись и пошли, пригибаясь, дальше, к передним окопам, где стояли врытые в землю танки, превращенные во временные огневые точки.

Вскоре Хезус свернул. Ход стал совсем мелок, последние метров двадцать пришлось ползти. Потом они спрыгнули в глубокий зигзагообразный окоп около эскарпа, в котором стоял танк. Башня машины была развернута в сторону фашистских позиций. В окопе спиной к ним сидел Игнасио и, подняв в вытянутой руке поррон, лил себе в рот вино. Увидев Хезуса и Педро, он опустил поррон, поднялся и вскинул кулак к виску. Игнасио опять был небрит, но очень весел. Отдав рапорт Хезусу, он облапил советника и крепко прижался щетинистой щекой к его лицу.

— Значит, действительно не зря болтают! — воскликнул Игнасио. — Будем наступать! — И, взяв в руки кувшин с вином, протянул его Педро. — Прополощи рот, Педро. Наверное, пока шел, наглотался пылищи.

Советник послушно принял поррон, поднял его на вытянутую руку. Потом передал поррон Хезусу, и тот тоже сделал несколько глотков.

— Располагайся, советник, — пригласил Игнасио, считая, что командир батальона специально привел его в их роту.

— Не радуйся, Игнасио, я советника у тебя не оставлю. Не сберег в прошлый раз.

Игнасио нахмурился. Его маленькие глазки почти исчезли под кустистыми бровями.

Выстрелы и крики из фашистских окопов прервали разговор. Игнасио и бойцы его экипажа бросились к танку. Хезус и Педро остались в окопе, чтобы не мешать им стрелять. Для двух лишних людей места в машине не нашлось бы.

Окопы фашистов располагались выше по склону, и стрелять по ним было не особенно удобно, надо было, прицеливаясь, брать много ниже. Бойцы не знали этой тонкости, и франкисты почти не несли потерь. Они вышли из своих

окопов нестройной толпой и, громко ругаясь, стали спускаться к траншеям республиканцев.

— Опять перепились, — сказал негромко Хезус. — Это не атака. Ерунда. Идиоты! Ведь почти всех перебьем.

Со стороны республиканцев сначала раздалось несколько нестройных залпов. Потом стрельба стала методичной. Педро слышал, как командир в окопе командовал: «Огоны!» — и вслед за залпом в цепи франкистов падали солдаты. Но остальные шли.

Когда ударили пулеметы танка, фашисты залегли. Им оставалось пройти метров двести до республиканских траншей. Педро про себя похвалил Игнасио — у того были хорошие нервы. Он открыл огонь вовремя.

Крики фашистов смолкли. Потом они снова закричали, подбадривая себя, и стали продвигаться короткими перебежками. Республиканцы открыли теперь беглый огонь. Танк Игнасио огрызался короткими очередями. Рядом стреляли другие машины.

Педро почувствовал радость: бой велся по-настоящему, по всем правилам, и фашисты несли большие потери. Но они продолжали двигаться вперед. Когда франкисты оказались метрах в ста, Педро заметил в траншее какое-то движение: несколько бойцов отошли в ходы сообщения.

Советник приподнялся, чтобы лучше видеть. «Отходят?!» Но тут же успокоился. Ему хорошо был виден ход сообщения, идущий в тыл, и он заметил, как бойцы остановились, достали из-за пояса тонкие ремни с кожаной пластинкой посередине. Боец, который отошел первым, вложил в пращу гранату и, раскрутив ее, метнул в наступающих.

Педро обратил внимание, что граната была брошена не куда попало, а приземлилась точно в группе фашистов и тотчас взорвалась, разметав их. Так же поступали и другие гранатометчики.

Фашисты снова прижались к земле.

Педро переложил парабеллум в левую руку. Правая затекла, а он не сделал еще ни одного выстрела: враг был слишком далеко, а тратить патроны зря не хотелось.

— Молодцы гранатометчики!

— Пастухи из Эстремадуры, — отозвался Хезус. — Они с такими пращами на кроликов охотятся. Только не гранатами, а обыкновенными камнями. Снайперы!

— Молодцы! — повторил Педро.

В это время франкисты бросились в последний рывок. Они свалились с горки прямо к траншеям, и Педро и Хезус замолчали, потому что надо было стрелять.

Пулеметы танков захлебывались от ярости. Фашисты залегли и стали отползать, бросая убитых и раненых.

— Идиоты! — сказал Хезус. — Кретины! — Он, прищурившись, смотрел на склон, усеянный трупами врага. — Столько людей положить ни за что...

— Пусть кладут как можно больше, — сказал Педро. — Тебе-то какая печаль?

— Это испанцы, — проговорил Хезус негромко. — Такие же испанцы, как и я, как Игнасио, как Антонио...

— А если бы это были немцы или итальянцы? — спросил Педро.

— Все-таки это другое дело.

— Не знаю... — задумчиво проговорил Педро. — Мне все равно, на каком языке говорит мой враг. И твой тоже. Наш враг.

Хезус не ответил. Он вложил парабеллум в кобуру и, не оглядываясь, пошел обратно к траншее танкистов. Игнасио был молчалив, грустен и смотрел на советника добрым и немного виноватым взглядом. Видно, принял очень близко к сердцу замечание Хезуса, что не уберет Педро в том бою под Леридой. Утешился он только после того, как Педро выпил с ним поррон легкого и светлого вина и выслушал длинную исповедь командира роты о том, как он страдал, узнав о тяжелом ранении консехеро.

Хезус не участвовал в разговоре.

* * *

Вечером в блиндаже Хезус вместе с советником наметил действия танков на завтра, но по-прежнему был задумчив. Сказал только:

— Очень спокойный день. Плохо. Фашисты берегли силы. Значит, они знают об утреннем наступлении. Или догадываются.

— Пожалуй, — согласился Педро.

Потом они все трое легли спать. Антонио был очень доволен и весел. До «отбоя» он ходил по ротам и разговаривал с бойцами. Настроение у всех боевое, никто не сомневается в успехе завтрашнего наступления.

Когда командир, комиссар и советник вышли поутру из блиндажа, солнце было розовое, мягкое. Легкий туман, натянувший с реки, пластался по самому дну долины и прикрывал траншеи республиканцев. В этот час утренняя дымка казалась сиреновой. А над ней поднимались рыжие склоны холмов с белыми вершинами, которые подсветил восход.

Было прохладно и сухо. Педро даже показалось — холодно, и белая пыль, припорошившая редкую сухую траву, напомнила ему иней, что выпадает в России прозрачными и звонкими утрами поздней осени.

Над головой послышался тугий шелест и тут же вдогонку ему — звук орудийного выстрела. Потом снаряды летели через их головы беспрестанно и ударялись в холмы, на которых засели франкисты. Земля подрагивала.

Педро поднял к глазам бинокль. Республиканские батареи били хорошо, снаряды ложились кучно. Раза два он отметил прямое попадание в окопы. И скорость стрельбы была хорошей.

Фашисты отвечали вяло, как-то вразброд, но Педро знал, что это еще ничего не значит. Важно одно: если наступление внезапно, то артиллерийская подготовка достигнет цели — уничтожит живую силу в окопах. А если фашисты знали о наступлении, огонь ведется по пустым окопам, то-

гда стоит начаться атаке, франкисты вылезут из нор — и сопротивление их будет очень активным.

Когда смолкли залпы, Педро посмотрел на часы. Артиллерийская подготовка продолжалась тридцать минут.

— Снарядов мало, — сказал Хезус и выстрелил из ракетницы.

Три красные ракеты, оставляя белесый дымный след, повисли над холмами. Они еще не успели погаснуть, когда танки вышли из укрытий и двинулись к траншеям франкистов. За танками поднялась пехота. Бойцы шли в атаку, стараясь держаться журавлиным клином, используя машины как прикрытие от огня.

Фашистские позиции молчали.

Танки и пехота прошли первую линию траншей.

Хезус стукнул кулаком по пыли бруствера:

— Знали! Ушли! Теперь они отсекут пехоту...

И, точно услышав слова Хезуса, фашисты открыли огонь. Заработало по шесть пулеметов с каждого фланга.

Пехота залегла. Было видно, что многие упали замертво, — там, где они шли, склон был хорошо пристрелян фашистами.

Танки не остановились. Педро не уловил мгновения, когда начали бить противотанковые пушки и когда загорелся первый танк.

— Неужели Ромеро?! — выдохнул Хезус.

Машина, видимо, только что раздавила пулеметное гнездо во второй линии укреплений и неловко стала боком к позициям фашистов. Тут ее и настиг снаряд. Танк окутал дым, поднимавшийся плотными клубами — белыми внутри и черными, припудренными копотью снаружи. Из люка быстро выскочили три фигурки и побежали вниз по склону, к пехоте, залегли рядом с бойцами. Остальные машины продолжали давить и раскатывать окопы франкистов, а потом быстро повернули назад, скатились почти до подошвы, развернулись и опять полезли вверх. Пехота пошла за ними.

Бойцы продвинулись метров на сто.

Фашисты открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь со второй линии укреплений.

Пехота опять залегла.

На склоне холма, как раз на середине между подножием и вершиной, горели еще два танка республиканцев.

Атака захлебывалась. Хезус подал ракетами сигнал к отходу. Танки спустились с холма и ушли в ложину.

Хезус и Педро поспешили к месту сбора.

Танкисты, еще не остывшие от горячки схватки, громко переговариваясь, пополняли боезапасы. Увидев Хезуса, примолкли. Но когда Антонио, обращаясь к Хезусу, сказал, что все готово для новой атаки, танкисты заработали живее.

Хезус позвонил на командный пункт и доложил о положении дел. Заканчивая разговор, он неожиданно заулыбался.

— Что тебе сказали? — спросил советник,

— Драться во что бы то ни стало! Будем наступать, пока не одержим победы.

Хезус приказал построить батальон и перед строем сказал о своем разговоре со штабом бригады.

Танкисты лихо вскинули сжатые кулаки к вискам.

Педро был доволен ходом дела, но где-то в глубине души чувствовал себя неловко, словно он лишний здесь: вместо боя в танке он околачивался на командном пункте.

* * *

Высоты не взяли и к вечеру, хотя было предпринято восемь атак. Самолеты фашистов после обеда утюжили передний край — от окопов ничего не осталось. Ночью пришлось снова залезать в землю. На следующий день батальон Хезуса потерял еще пять танков, и четыре, вытасченные с поля боя, требовали серьезного ремонта.

Только на пятый день измотанные и озлобленные бойцы республиканской бригады ворвались на вершины холмов. Это случилось уже под вечер. А утром, когда было запланировано форсирование Сегре, в небе появились фашистские самолеты. Их было не очень много, но они методично и безнаказанно, волнами шли откуда-то с близких аэродромов, сбрасывали бомбы и поливали пулеметным огнем лысые вершины холмов. Танки снова были врыты в землю.

В коротких промежутках между налетами авиации холмы принималась долбить фашистская артиллерия. Она кромсала позиции беглым огнем. Республиканские батареи отвечали изподволь, тщательно выслеживая каждое орудие фашистов, — берегли снаряды.

Весь день Педро, Хезус и Антонио ютились в окопе на склоне холма, обращенном в сторону реки.

За весь день они почти не видели реки, не различили цвета ее воды. Вой и грохот, взрывы, от которых сдвигалась земля, прижимали их к дну окопчика. И даже гордость Хезуса была задавлена и расплющена этим сумасшедшим огнем: он не выглядывал из-за бруствера.

Бомбежка и канонада прекратились уже на закате. Трое танкистов, полусасыпанных землей, с трудом выбрались из окопа. Педро был выше пояса погребен в пыль, перемятую с камнями. Плечи ныли от ушибов, а на голове он нащупал четыре здоровенные шишки.

— Легко отделались, — сказал Педро и удивился густости своего голоса. — Могло быть и хуже. Могло быть совсем плохо. Черт побери!

Ему хотелось говорить еще и еще и слышать свой голос.

— Что? — переспросил Антонио. — Чего ты бормочешь, консехеро?

Педро видел, как шевелятся губы комиссара, но только догадывался о значении слов.

Хезус посмотрел на одного, на другого и крикнул:

— Громче! Громче говорите! — и показал на уши.

Педро махнул рукой и тоже крикнул:

— Пошли в штаб!

Они двинулись по белесой известковой лысине холма. Бойцы вылезали из каких-то немыслимых нор и тоже кричали и размахивали руками, чтобы понять друг друга. Мертвых на холме не было видно. Потом Педро споткнулся обо что-то и заметил, что это проношенная почти до дыр подметка альпагарты вылезает из-под земли, в другом месте торчал из пыли локоть с разодранной курткой. Убитых погребли взрывы.

Свежий порыв ветра ударил из долины реки, Педро вдохнул полной грудью и, глотнув свежести, остро почувствовал, как все кругом пропитано едким запахом взрывчатки.

Снизу, со стороны тыла, на холм поднимались бойцы. Они должны были сменить растрепанную часть. Даже в сумерках бойцы казались слишком молодыми, мальчишками. Это бросались в бой последние резервы — семнадцати-восемнадцатилетние парни. Многие шли без винтовок. Им предстояло взять их у тех, кто погиб. Один из парней нагнулся, хотел поднять винтовку, но пальцы убитого крепко сжимали ремень. Парень дернул винтовку несколько раз, но мертвая рука не отпускала оружие. Антонио подошел к убитому, разжал пальцы, державшие ремень винтовки, и отдал ее молодому бойцу.

— Помни, где ты взял винтовку, — сказал Антонио.

Парень вытянулся, вскинул к виску сжатый кулак.

— Но пасаран!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Если они догадались поставить за мостом противотанковую пушку...»

В окуляр прицела танка Педро видел только сложенные из камня перила моста и там, за мостом, такую же белую от пыли дорогу. Дорогу на правом берегу Сегре.

Предмостных укреплений не оказалось. Что это, просчет франкистов, уверенных в неприступности своей обороны, или западня? Один танк, подбитый на мосту, закупорил бы его прочнее любой предмостной обороны!

Так или иначе, а оставалось одно — проверить все своей грудью. Танки выскочили на шоссе, идущее к мосту по крутому склону холма, обойдя перерытую рвом дорогу, опрокинув с фланга противотанковую батарею, охранявшую доступы к магистрали.

«А если мост заминирован? Если и заминирован, надо проскочить на ту сторону, ошеломить саперов, отбросить их от моста раньше, чем они успеют получить и выполнить приказ о взрыве моста. Без приказа не взорвут!»

Педро скорее почувствовал, чем услышал, как загудела под танком пустота мостовых пролетов.

— Проскочили!

Несколько солдат вывернулись откуда-то сбоку от моста. Игнасио заметил их вместе с Педро и, резко развернув башню, ударил из пулемета.

«Наверное, саперы», — подумал Педро, но это уже между прочим, потому что заботило другое: не увлекся бы командир замыкающего танка Ромеро, не проскочил бы мост. Он должен был остановиться на той стороне, чтобы не подпускать к мосту отступающих фашистов. А они обязательно начнут отступать. Остатки оборонявшейся части оказались отрезанными от правого берега, от своего тыла.

— Идем вдоль берега! — приказал Педро. Игнасио ответил кивком.

Машина свернула с дороги и пошла влево. В окуляр прицепа Педро отчетливо различал окопы фашистов на том берегу. Солдаты еще сдерживали натиск республиканцев. Они не поняли, что произошло, что противник оказался у них в тылу, на правом, высоком берегу.

Отойдя от моста метров пятьсот, Педро приказал танкам остановиться, соблюдая дистанцию в пятьдесят метров. Проверил, встал ли танк Ромеро, как они договаривались, у моста на левом берегу, а другой танк — на правом берегу, сразу пройдя мост.

Машины были на своих местах.

И тогда остальные десять машин открыли пулеметный и оружейный огонь по позициям фашистов. С высокого берега они были видны как на ладони. После первых же залпов из собственного тыла франкисты прекратили стрельбу. Вся долина реки простреливалась танками роты Игнасио. И все-таки фашисты бросились к реке, надеясь прорваться сквозь огонь танков. Другого выхода у них не было.

Они полегли у самого берега.

Тем временем пехота республиканцев прошла по мосту на правый берег Сегре, а ниже по течению, на левом фланге, конная бригада форсировала реку вплавь. Сделать это было нетрудно, потому что, как все горные реки, Сегре в середине лета почти пересыхала.

Разгром окруженной группировки фашистов был настолько быстр, что тяжелые батареи франкистов, расположенные за грядой правобережных холмов, не успели перенести огонь на танки.

Машины двинулись в глубь отвоеванного плацдарма, орудия молчали. Прислуга побежала, едва машины оказались метрах в пятистах от позиций. Артиллеристам стреляли вдогонку.

Ворвавшись на батарею, остановились. После удушливой атмосферы в прокаленном солнцем танке жара на плато показалась прохладой, только слишком пекло солнце. Куртки танкистов почернели от пота.

Пехота республиканцев, вышедшая вслед за танками на плацдарм правого берега, почти без потерь заняла полосу шириною до пяти километров и, выйдя на холмы, стала окапываться. Педро отправился на командный пункт батальона и встретил там Альфонсо. У того рука висела на перевязи.

— Завтра мы дадим им перца! — вместо приветствия сказал Альфонсо. — Отбросим километров на двадцать.

— А почему не сегодня? Мы заправимся, доберем боекомплект и через два часа будем готовы.

— У меня по десять патронов на бойца. И треть собирает винтовки, чтобы вооружиться. Когда-то у нас было до черта оружия, а мы не умели воевать. А теперь я даже весь арсенал роздал! — Альфонсо провел рукой по поясу, на котором болтался лишь один пистолет.

— Как ты решился?

Оба рассмеялись.

К ним подъехал всадник на вороном коне. Разгоряченная лошадь всхрапывала и разбрызгивала клочья пены с удила. Верховой спрыгнул на землю.

— Познакомьтесь, — сказал Альфонсо, — командующий кавалерийской бригадой Гамбоа Гарсиа Мартын. А это наш советник — капитан Педро Мохов. Мы его зовем Педро-мадриленец.

Приехали Антонио и Хезус.

Антонио положил руку на плечо советника.

— Каков! Альфонсо, это он захватил для тебя батарею!

— Ты? — вскочил Альфонсо. — Вива, Педро! Вот удружил! В знак высокой признательности приглашаю всех обедать! Итальянские консервы, французский коньяк, немецкий шоколад, португальские анчоусы! Трофеи. Для этих сволочей комитет по невмешательству — что-то вроде решета. Пираты в Средиземном море нападают на советские суда и прочие, а итальянские и немецкие корабли проходят даже сквозь патрульную зону английского флота. Решето!

— А коньяк хороший? — спросил Хезус.

— «Мартель»!

Антонио снял пилотку, ударил ею об ладонь:

— Надо выпить за то, чтобы эта чертова международная обстановка встала, наконец, с головы на ноги.

— А есть надежда? — спросил Мартын.

Альфонсо сказал:

— Антонио ездил недавно в тыл, на совещание. А в тылу знают все. Пока он будет отчитываться о поездке, я поспокоюсь об обеде.

— Надежда? — повторил Антонио. — Надежда есть. Франция и Англия должны, наконец, понять, что Гитлер затягивает у них петлю на шее. Аншлюс Австрии. Теперь он тянется к Чехословакии. Франция по договору обязана будет защищать ее независимость. А раз так — к черту дипломатические отношения с Гитлером! Или, во всяком случае, Франция снова откроет границу и разрешит нам забрать свое оружие, закупленное во Франции. Оружие из СССР, задержанное ею незаконно. Но главное — Советский Союз еще раз подтвердит, что будет верен своим обязательствам, если чехословацкое правительство попросит его защитить страну от агрессора!

Вернулся Альфонсо. Вместе с ним пришел боец. У обоих в руках был целый ворох банок и бутылок.

— Пленные говорят, что фашистов кормят на убой. А консервы и вино отличные.

Боец расстелил скатерть прямо на земле.

— Ну и как? — спросил Альфонсо, разливая в кружки коньяк. — Изменится обстановка?

— Да, — сказал Мартын.

— Для меня важно одно — скорее! Чем скорее, тем лучше.

Командиры расстегнули верхние пуговицы курток — было жарко. Сдвинули кружки, выпили за победу.

Педро пригубил — коньяк был почти горячий. Наверное, бутылка долго лежала на солнце. А дух был такой вкусный и легкий, что кружилась голова.

* * *

Остаток дня прошел спокойно.

Танкисты готовились к завтрашнему бою: осматривали моторы, чистили орудия, приводили в порядок ходовые части, набивали патронами пулеметные диски.

Настроение у всех было отличное.

Два раза налетали франкистские самолеты, но бомбили они позиции беспорядочно, будто куда-то торопились.

И весь день, всю ночь на правый берег переправлялись бойцы и техника. Наутро должно было начаться дальнейшее наступление.

А на рассвете...

Выше по течению Сегре находилось Тремповское водохранилище, которое снабжало водой гидростанцию. На рассвете река вышла из берегов. Стало ясно: фашисты взорвали плотину.

Войска республиканцев на правом берегу Сегре оказались отрезанными от своих основных баз на левом берегу. Их связывала с тылами тонкая нитка хилого старого моста. Эта нитка могла оборваться каждую минуту — фашисты господствовали в воздухе.

Было решено отвести войска за реку. Танкам предстояло прикрывать отход пехоты.

— Ну вот, советник, опять отступаем, — сквозь зубы проговорил Хезус, когда они вышли из землянки. — Опять идем вперед раком.

— Да, подставили нам ножку. Не продержаться нам неделю на этом «пяточке», а вода, говорят, спадет не раньше...

Отход на правый берег Сегре начался в восемь утра и проходил в полном порядке.

Первый артиллерийский налет фашисты начали около девяти утра, когда их самолет-разведчик покружил над мостом, пытался обстрелять его, но был отогнан огнем зенитных пулеметов.

К девяти часам фашисты придвинули артиллерию.

Танки превратились в подвижные огневые точки и били по батареям врага.

День накалялся. В машине становилось нечем дышать. Антонио откинул люк, но это почти не помогало. От двигателя несло жаром.

Антонио спросил:

— Педро, может, подберемся к пушкам?

— Не стоит рисковать, — ответил советник. — Мы должны прикрывать отход.

— Консехеро, — неожиданно вступил в разговор Ромеро, — вы забыли, что делает испанец, если у него коротка шпага?

— Я даже не знаю, что он делает в таких случаях, — невинно ответил Педро.

— Он делает шаг вперед.

— Не подначивай, — сказал Антонио.

Над рекой появились «хейнкели».

— Почему бы это? — обеспокоился Антонио.

— Где-то у фашистов есть НП, — сказал Педро. — Причем на нашем берегу. На том, куда отходим. На холмах.

— Э, — протянул Ромеро, — везде-то вам мерещатся предатели и фашистские прихвостни!

Антонио очень пристально смотрел в сторону места, куда двигались «хейнкели»:

— Враг — волк, а предатели — это зайцы, которые от трусости пытаются быть волками.

Педро тоже высунулся из люка. Самолеты уже подошли к переправе. Ударили пулеметы танков, стоявших на охране. Огонь был жесткий и плотный. Шедший первым истребитель дернулся кверху, потом нырнул и ударился в склон холма. Два остальных отвалили в сторону.

— Отлично, — сказал Педро и опустился в танк. — Через полчаса мы будем на нашей стороне.

Антонио продолжал наблюдение.

— Ничего у них не выходит! — крикнул Антонио в танк. — Самолеты не могут подойти, — и посмотрел на часы, — нам пора. Осталось пятнадцать минут до взрыва моста.

Снова высунувшись из люка, Антонио дал ракету. Два других танка ждали сигнала и тотчас пошли к мосту. Антонио бросил вниз: «Поехали», — и снова высунулся.

— Первую! — крикнул Педро. — Мы уходим последними.

Ромеро выполнил приказ.

Мотор зачихал, оглушительно зачастили выхлопы. Машина двигалась рывками. И остановилась.

Ромеро выскочил из люка, бросился к жалюзи, закрывавшим мотор, открыл их, обжигая пальцы, полез к карбюратору.

Антонио встал рядом.

— Что? — тихо спросил.

— Попробуем дотянуть... — бросил Ромеро через плечо. — Топливо грязное.

— Надо скорее. — И Антонио посмотрел на часы.

Педро стал на колени рядом с Ромеро. Он догадался — Антонио смотрит на часы. И ему хотелось посмотреть, но он не мог, только потер потную щеку о плечо.

— Что там? — снова спросил Антонио.

— Бензопровод надо продуть.

Развинчивая муфту, Педро покосился. Два танка были

уже совсем рядом с мостом. Но они остановились. Ждали его и Антонио.

Вокруг машины стали рваться снаряды. Ромеро свалился на землю. Антонио наклонился к нему, но тотчас выпрямился, влез на танк.

Педро тронул осторожно.

В щель ему было хорошо видно, как машины, ожидавшие их у моста, переехали на ту сторону — медленно, не торопясь.

Танк снова стал.

Педро опять выскочил к мотору, и Антонио был около него.

Теперь комиссар не сводил глаз с циферблата часов. Он сидел на корточках против Педро и смотрел на часы.

— Сколько?

— Четыре минуты.

— Они же видят. Подождут.

И тогда издали донеслись взвизгивания конников:

— И-и-и! И-и-и!

Антонио сказал:

— Время!

— Подождут. Они же видят!

И прежде чем услышать взрыв, Педро ощутил легкий толчок. Он вскинул глаза. На месте моста клубился дым.

Взрыв был сравнительно далеким, дрожь танка не сочеталась со звуком, и Педро уловил ее раньше, чем закладывающий уши удар от снаряда.

Цокнули пули по броне. Тупо ударило в бедро.

— И-и-и! И-и-и!

Больше от неожиданности, чем от боли, Педро ткнулся головой в мотор. Антонио подхватил его, потащил в танк.

— В порядке. Поезжай! — сказал Педро.

— Хорошо, хорошо, — Антонио впихивал его в люк.

Крышка захлопнулась. Комиссар повернул запор.

— Все! Давай перевяжу.

— Пустяк.

— Нам он ни к чему.

— Тоже верно...

Вокруг танка сгрудились конники и стучали по броне. Кричали.

— Подождите! Сейчас! — крикнул Антонио.

Потом подошел к пулемету и нажал гашетку.

За броней послышался вой. И когда Антонио перестал стрелять, вокруг было тихо.

— Надо двигаться. Двигаться, пока хватит горючего, — сказал Педро.

— Ты сможешь вести огонь?

— Да. Даже ковылять немножко смогу. Кость-то не задела.

Педро занял место пулеметчика, рядом с водителем.

— Не придется нам опять вылезать? — Антонио покопился на советника. Он спросил это так, будто речь шла о некоем беспокойстве и больше ни о чем.

— Не знаю.

Близко от танка ударил снаряд.
— К черту! — сказал Антонио. — Надо утопить машину. Попробуем добраться вплавь.

— Дело.

— Здесь метров двести ширины. Осилишь?

— Надо.

— Мне туго придется, — сказал Антонио. — Ну ничего.

— Помочь я вряд ли смогу.

Антонио пробормотал поговорку, которую можно было перевести примерно как «бог не выдаст — свинья не съест».

— Выбери лошину и въезжай в реку. Там, где брод был. И поедем, пока мотор не затопит. Тогда выберемся, — сказал Педро.

Антонио кивнул. Машина пошла ровно, мотор работал нормально, сколько ни прислушивался Педро, он не улавливал подозрительного шума.

По танку били теперь прямой наводкой. Взрывы осыпали танк градом осколков и комьями земли.

Наконец машина нырнула в ложбинку. Обстрел прекратился.

Педро открыл люк и осторожно высунулся. В ложбине образовался затон, и середине его в медленном водовороте крутилась пена, желтая и грязная, и обломки досок, бревен. Здесь было затишье, а дальше, на стрежне, река неслась бешено. Обломок какого-то строения проплыл, то погружаясь, то выныривая.

«Не выплыть...» Это было предчувствием, даже не мыслью.

Танк въехал в воду. Антонио поставил постоянный газ. Машина словно ощупью пошла по дну.

Педро окинул взглядом берег. Он был каменист и пуст. Ни кустика.

У самого уреза воды лежало несколько конских трупов с вздутыми животами.

На дне танка уже плескалась вода.

Тогда он вылез из башни, осторожно ступая на раненую ногу. Боль была не сильной, тупой, но согнуть ногу он почти не мог, и ей пришлось помогать руками.

Машина достигла медленного водоворота. Стал виден левый берег и люди на берегу. Он казался совсем рядом — рукой подать. А по стремнине то здесь, то там плыли какие-то странные сооружения — сбитые треугольником

бревна. Однако удара этого тарана было бы достаточно, чтобы разбить любую прочную лодку или разнести в щепы слабый мост.

«Да, — подумал Педро, — они продумали эту операцию. До мелочей. А ударит такой треугольничек, когда поплывем, — и как...»

Танк стал проваливаться, попав на глубокое место. Из люка выскочил Антонио. Они оттолкнулись от брони и поплыли, а машина ушла под воду.

Педро плыл на боку, потому что не мог как следует двигаться раненой ногой. Купанье освежило его. И даже как-то успокоило. Антонио плыл рядом и, казалось, довольно пофыркивал.

Они быстро миновали спокойную заводь, вышли на стремнину. Педро почувствовал, что его унесит, попробовал бороться и понял, что это бессмысленно. Плыть можно было только по течению. А река делала в километре отсюда крутой поворот, и их могло прибить обратно к фашистам. Антонио, попробовавший плыть против течения, стал задыхаться.

— К берегу... Возвращаюсь! — прохрипел он.

Педро хотел ответить, что это так же бессмысленно, как и потонуть сейчас. Но от усталости и потери крови закружилась голова, на мгновение он потерялся, закашлялся, еще раз река накрыла его с головой — и вдруг какой-то сумасшедший прилив сил охватил его. Забыв о боли, с одним только желанием дышать, он несколькими широкими взмахами добрался до Антонио:

— Держись...

— Вместе... не доплывем.

— Держись!

Рука Антонио легла на плечо советника. Педро лег на правый бок, спиной к Антонио, чтоб тот не мешал ему работать руками.

И они снова поплыли.

Слабость отступила. Она не ушла, а притаилась, ожидая удобного момента для нападения.

Каждый раз, делая гребок, Педро на мгновение окидывал взглядом кипящую от напора реку. Поверхность воды то растекалась зеркальными озерцами, то закручивалась водоворотами. Тогда слышался хлопающий сосущий звук.

«Водяной щц хлебает, — вспомнилась фраза, которую говаривал отец. — Пусть хлебает! Выберемся!»

Залитая солнцем река слепила до рези в глазах.

На мгновение потемнели и вода и небо. Это ударила слабость.

— Ногами! Антонио, работай ногами!

Рука комиссара соскользнула с плеча Педро. Советник окунулся с головой и резко повернулся.

Подкрашенная кровью вода плеснула в лицо.

Педро увидел голову Антонио, которая темным пятном виднелась сквозь воду. Советник схватил его за волосы, вытянул.

Антонио закашлялся,

Тогда Педро подхватил голову комиссара в обе руки и поплыл на спине. Он увидел тот берег, с которого они отплыли, мавров, слезших с коней и стрелявших по ним из винтовок.

— Держись... Держись... — твердил он себе и боялся только одного: притаившаяся слабость снова ударит исподтишка.

Он увидел, как выплеснулись дымки из стволов винтовок и пули уркнули в воду поблизости.

И неожиданно подумал:

«Мавры стоят на том месте, где вчера вброд переправлялась конница. Нас отнесло к броду. Здесь должно быть неглубоко».

Затаив дыхание Педро опустился в воду. Нащупал ногой дно, но поток тотчас сбил его на бок.

— Ничего... Это уже лучше, — пробормотал советник.

Снова оступился, придерживая Антонио.

Нога коснулась дна. Только на мгновение. Но это была земля. И тело расслабилось, отдохнуло. Он опять оттолкнулся и на метр подвинулся к берегу.

Теперь он обратил внимание, что мавры стреляют не по ним, а выше, по берегу: кто-то отвлекал огонь на себя.

И совсем неожиданным было — кто-то схватил Педро за плечи. Теряя последние силы, тот двигался спиной к берегу.

— Добрались... Антонио ранен...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Хрусталь на столе искрился и вспыхивал радугой. Свежая, туго накрахмаленная скатерть, казалось, светилась. Вся эта сервировка сияла посредине высокой и темноватой комнаты виллы.

Их вызвали срочно, прямо с позиций, не дали даже времени привести себя в порядок, соответствующий приему. Это казалось странным.

Хезус с комиссаром и советником приехали первыми. Их провели прямо сюда, а по дороге к этой угловой комнате у них по меньшей мере раза четыре проверяли документы.

Оглядев столовую еще раз, Педро покосился на Хезуса, потом на Антонио.

— Может быть, нам позволят вычистить ботинки? — пробормотал Хезус.

— Спросим, — Антонио подошел к двери, открыл ее, но перед комиссаром вырос часовой ростом с Хезуса.

— Нельзя.

— Нам нужно привести себя в порядок.

— Приказано оставаться в комнате.

— Но мы не можем в таком виде...

— Вам приказано оставаться в комнате,

— Да кто приказал? Что за дьявол!

— Командир бригады.

Часовой у двери выглядел глыбой. Антонио замешкался, а боец отступил, бесшумно и плотно прикрыв тяжелые двери.

— Западня!

Это выговорил Хезус.

Командир положил руки на плечи советника и комиссара и еще раз повторил:

— Это западня!

Потом легким движением отстранил от себя обоих и широкими шагами двинулся к двери. И когда уже собирался ударом ноги распахнуть ее, дверь открылась — на пороге стоял Гомес. Комбриг улыбнулся и, приложив палец к губам, шагнул в комнату.

За ним вошли советник бригады Макар Фомич Седлецкий, командиры батальонов Маноло Прадос, Хозе Груэса и незнакомые Педро, недавно прибывшие советники.

Гомес будто забыл, что на нем военная форма, — вел себя как радушный хозяин.

— Я пригласил вас, товарищи, чтобы отпраздновать мой день рождения. Извините, что не предупредил заранее. Впрочем, я и сам не знал, представится ли мне такая возможность. Я очень и очень рад, что вы все столь любезно откликнулись на мое приглашение.

В комнату ввезли столик на колесиках, уставленных вином, фруктами и закусками.

Пока снесь расставляли на сверкающем столе, Гомес все говорил о том, как ему приятно вот так, запросто встретиться с людьми, которых он очень уважает и любит, с которыми он день ото дня сражается плечом к плечу за Испанскую республику.

Затем сдержанным и грациозным жестом хлебосольного хозяина попросил гостей к столу и сказал:

— Мой дом — ваш дом.

«Что же это за маскарад? — думал Педро. — Конечно, почему бы комбригу и не отпраздновать свой день рождения? Только к чему бы такая таинственность?»

Педро хотел подойти к Седлецкому, но Гомес, заметив эту попытку, вежливо взял Педро под локоть и подвел к креслу.

Гости молчали, смущенные церемонностью приема.

Наконец стол оказался накрытым, в комнате не осталось посторонних. Гомес позвонил адъютанта и шепнул ему что-то на ухо. Тот кивнул и вышел.

Гомес проследил за ним взглядом и обернулся. Еще секунду назад его толстые, в палец, брови были радушно и счастливо вздернуты, а круглое лицо, казалось, сияло от улыбки, обнажавшей крепкие длинные зубы, но сейчас, когда он вновь повернулся к гостям, от прежнего Гомеса ничего не осталось. Брови сошлись у переносья и прикрыли суровый взгляд глубоко посаженных глаз, а лицо стало не круглым, а квадратным, с упрямыми, выпирающими скулами.

— Садитесь! — Это был уже тон приказа. — За пред-

ставление извиняться не буду. Сами поймете. — Гомес отодвинул от себя бокалы. Тонко запел хрусталь. — Готовится наступление. Все, чем располагает республика в Каталонии, отдано армии. Мы должны соединиться с Центральным фронтом во что бы то ни стало. В достижении этой цели любая цена недорога. Я повторяю, что нам отдано все.

Поднявшись, Гомес взял со стола пирамиду салфетки и скомкал ее в руках, жилистых и короткопалых.

— По нас уже звонят похоронные колокола. Но мы живы! Живы, черт возьми! Может быть, именно это наступление станет неопровержимым доказательством нашей жизненности и победы. Может быть, именно это наступление позволит нам сбросить со своего горла кровавые пальцы мятежников. Наконец, наши французские друзья-социалисты пропустили через границу часть купленного в России оружия. Правда, это капля из моря, которое мы могли бы иметь... Если бы не политика невмешательства.

Гомес посмотрел на салфетку в своих руках и бросил ее на стол.

— Нам отдают все, что могут. И сверх того. В наших руках трепет надежды Испании! Мир должен еще раз убедиться, что народ Испании не потерпит на своей земле тирании Франко. Сколько бы она ни продолжалась. Тирания — смерть. Бессмертный народ не смирится с ней. Выпьем за победу!

И когда все наполнили бокалы, Гомес с хитрой улыбкой посмотрел на командиров.

— И учтите, что вы на дне моего рожденья и всю дорогу обратно надо говорить о том, как вы хорошо провели время.

Командиры подняли сверкающие, наполненные золотистым вином бокалы.

Потом Гомес попросил наполнить их снова.

— За Советский Союз! За его святую верность интернациональному долгу пролетариата! Вива! — Поставив бокал, Гомес сказал без всякого перехода. — Я собрал вас даже не для того, чтобы сообщить о наступлении. Стратегический план наступления разрабатывается в штабе армии Эбро. Нам надо решить задачу тактическую. Прошу.

Гомес указал на круглый карточный столик в углу комнаты. На нем комбриг расстелил вынутую из планшета карту. Проведя по ней пальцем, он принялся объяснять, что Каталония как бы отделена от остальной Испании углами рек Сегре и Эбро и в настоящее время рубежи обороны проходят по их берегам. Оборона Лериды и особенно операция под Балагером показали, что самое слабое место в обороне и наступлениях — мосты. В горных условиях в обороне и наступлении решающим элементом в достижении успеха являются мосты. Они были единственным средством переправы через бурные и глубокие горные реки без бродов. Франкисты всякий раз при своем наступлении захватывали именно мосты, а при наступлении республиканцев блокировали их или разрушали. Пойма Эбро, где предстоит прорыв, заболочена или труднопроходима из-за песчаных наносов.

— Нужен мост. Надежный и невидимый. Ни с суши, ни с воздуха. И чтобы он выдерживал танки. Поэтому я пригласил сюда русских инженеров. Надо подумать вместе.

Хулио Гарсиа и Николас Васкес, как называли себя Иван Савин и Сергей Енютин, выглядели несколько смущенными в этой обстановке. Они, видимо, многого не понимали в том, что говорил Гомес, хотя довольно свободно для недавних прибывших разговаривали по-испански. Глядя на них, Педро вспомнил самого себя полгода назад: он тогда вот так же смущенно чувствовал себя среди говорливых и горячих, обидчивых и простодушных людей, с которыми свела его судьба.

Его тоже вначале смущала предельно выраженная, яркая откровенность испанцев. Не то чтобы им не хватало хитрости или сдержанности. Они умели быть и хитроумными и замкнутыми, когда того требовала обстановка. Но они презирали того, кто не смог бы открыть свою душу. И не просто открыть, а как бы выплеснуть ее перед своими единомышленниками, перед друзьями. Больше того, испанец посчитал бы для себя позором и трусостью выступать скрытно перед врагами. Во всяком случае, так было в начале войны, пока фашисты не показали свое зверское лицо. К фашистам испанцы стали относиться с фанатичной нетерпимостью — как к подлости, как к измене.

А эти русские парни, в силу воспитания, пусть не жизненного опыта, эти парни, которым стукнуло едва по двадцати пяти, были в известном смысле мудрее, чем социалист Гомес. Русские парни были коммунистами по воспитанию, по идеям, впитанным с молоком матери и укрепленным всей их жизнью и существованием их Родины. Это отцам и старшим братьям Ивана и Сергея надо было еще разбираться в том, чья «правда» есть правда. Кадетов ли, эсеров, анархистов, троцкистов и прочих? Или коммунизм — тот единственный правильный путь, по которому следует идти, чтобы добиться справедливости и счастья?

Самый старший из русских, Макар Фомич Седлецкий, участвовал в гражданской войне. Единственную и возможную правду он добывал своими руками. Сам Петр Тарасович пусть детским, но цепким и верным умом, всем виденным во время скитаний по Украине в годы гражданской войны убеждался в этой правде, а потом, уже в зрелом возрасте, понял всю ее глубину. Для Ивана Савина и Сергея Енютина коммунистическая идеология была воздухом, которым они дышали с юности.

Командующий бригадой социалист Гомес относился к коммунистам так же терпимо, как и Негрин — премьер-министр нового, сформированного в мае тридцать седьмого года правительства. Предшествующее ему правительство другого социалиста, Кабальеро, слишком боялось коммунистов. Эта боязнь была ничем не оправдана. Коммунисты не рвались к власти, в чем их обвиняли. Они стремились к одному — сохранению единства народного фронта.

Республиканец Хезус, пожалуй, просто не задумывался о своей партийной принадлежности, пока не достигнута

победа. Он относился к русским как к товарищам по оружию, храбрым и честным в бою.

Педро понимал, что самое сложное и щекотливое положение у Антонио. Антонио приходилось объяснять, с одной стороны, политику Компартии Испании и критиковать социалистов, анархистов, республиканцев, а в то же время постоянно заботиться о единстве действий этих партий в борьбе против фашизма, ибо только в единстве всех сил, всего народа, вступившего на защиту республики, могла быть одержана победа.

Советник комбрига Макар Фомич Седлецкий, видимо, думал о том же. Перегнувшись через ручку кресла, проговорил негромко по-русски:

— Мальчикам трудновато понять этот театр.

— А что случилось? Почему Гомес решил играть в разговорщиков?

— Ты помнишь его шофера? Он вез тебя, когда ты возвращался из госпиталя.

— Этаким всезнающий?

— Вот-вот. Всезнающий. Он оказался масоном. Ну и стал работать на франкистскую разведку по заданию своей тайной организации. Завалился. Его расстреляли. По-моему, слишком быстро. Наверное, постарались сделать это поскорее. Нитки хотели оборвать.

— Ясно. Хотя и не все понятно.

— Сказанного достаточно.

— И то верно, — усмехнулся Педро.

Гомес, пристально наблюдавший за разговором, спросил:

— Есть идеи?

— Одна. И старая, — ответил Педро. — Разборный мост. Днем прятать понтоны на берегу, а ночью наводить переправу.

Гомес вздохнул:

— Да, это уже предлагали русские саперы. Конечно, выход. Но днем негде прятать понтоны. Берег пустынен. Дюны.

Педро пожал плечами, подумав, что требования, которые выдвинул Гомес, вряд ли выполнимы.

Хезус, молчавший все это время, неожиданно поднялся, отодвинул кресло и прошелся по комнате. Он постоял у окна, потом, повернувшись к тем, кто сидел за столиком, сказал:

— А если его не разбирать, а подтопить? Не вытаскивать днем на берег, а топить в реке?

Макар Фомич быстро перевел сказанное Хезусом саперам. Те выслушали внимательно, задумались. Потом веснушчатый Иван как-то очень неторопливо достал из кармана куртки карандаш, блокнот, стал рисовать.

— Так? — спросил он, придвинув блокнот к Хезусу, наблюдавшему за его работой из-за спины.

— Можно совсем не разбирать моста, — сказал Сергей.

— Весь подтопить? — переспросил Хезус, уточняя мысль.

— Да.

Гомес придвинул блокнот Ивана и сам принялся рисовать:

— Вот так!

Теперь все склонились над блокнотом. На листке был нарисован мост, идущий чуть ли не по дну Эбро.

— Не так, камарада Гомес, — осторожно заметил Иван.

— Но технически это возможно? — спросил Гомес.

— Надо прикинуть, посчитать...

— Вот и посчитайте, — сказал Гомес и добавил: — Пожалуйста.

Комбриг встал из-за столика и с торжественной церемонностью обнял Хезуса. Потом обернулся к Педро.

— А вы, советник, видимо, считали, что такие чудеса невозможны?

— Я думаю, такой мост все же будет нетрудно разглядеть с воздуха, — сказал Педро. — Говорят, что с самолета можно видеть даже подводную лодку на значительной глубине. Однако должен сказать: Хезус просто молодец!

Педрогесо, оказавшийся в центре внимания, немного растерялся и не знал, куда девать свои длинные руки. Но, услышав замечание своего консехеро, Хезус сказал:

— Ты, Педро, забыл, что в верховьях Сегре начались дожди. Теперь вода в Эбро будет мутная, как жидкий кофе. Не разглядят, не смогут разглядеть!

— Этого я просто не знал, — рассмеялся Педро. — Я этого и не мог знать!

— Да! — рассмеялся Хезус. — Откуда ты это можешь знать!

Захохотал и Гомес.

— Конечно! Ты же не испанец! Но, откровенно говоря, даже я порой забываю об этом. Уважаемые консехеро, — обратился Гомес к саперам, — вы не обидитесь, если мы без вас сядем к столу?

Иван и Сергей вскочили и стали по стойке «смирно».

— Нет, камарада комбриг! — отчеканил Иван.

— Вот и хорошо. Закончите расчеты — присоединитесь к нам.

— Есть!

Командиры уселись. Гомес сиял, как накрытый стол. Лицо его снова приняло благодушное выражение и округлилось. И только раз его аристократический взгляд недоуменно остановился на Седлецом: Макар Фомич по простоте душевной взял мясо рыбной вилкой.

Саперы, закончив расчеты, присоединились к командирам. Гомес долго и придирчиво проверял их выкладки. Потом он, чуть захмелевший, повел гостей осматривать виллу. Комбриг очень подробно и даже интересно рассказывал о каждой комнате, хвастался картинами на стенах.

Иван, к удивлению Гомеса, оказался неплохим знатоком живописи. Вскоре они с помощью Макара Фомича стали разговаривать о старинных мастерах, восторженно перебивая один другого, произносили имена Греко и Гойи, Веласкеса.

— Вы, камарада Гомес, так хорошо знаете картины в вилле, будто прожили здесь всю жизнь! — желая сказать приятное, заметил Иван.

— Это же моя вилла, — ответил Гомес. — Это все мое.

Иван понял сказанное без перевода и подозрительно глянул на Гомеса. Но Гомес не обратил на это внимания. Остальные в живблиси понимали мало, да и не прислушивались к разговору. Однако фразу Гомеса о вилле слышали все. Он произнес ее довольно громко, с подчеркнутой гордостью. Новостью это было, видимо, только для русских.

Педро, впрочем, уже привык к подобным неожиданнымностям. В лагере республики было много людей, которые после свержения монархии оставались преданными идеалам представительного правления: для них Франко с его диктатурой и крупной буржуазией у кормила власти тоже был невыносим. Таким был и бывший королевский офицер Гомес. Хотя, конечно, если бы дело дошло до экспроприации экспроприаторов, они, мелкая и средняя буржуазия, предпочли бы, наверно, черта в ступе, но никак не коммунистов. И, кстати, только теперь Педро догадался, почему Хезус был так обеспокоен в первые минуты приезда, почему он сказал тогда: «Западня!» Но, вспомнив о Хезусе, он сразу начал думать о другом. Педро впервые и очень по-хорошему позавидовал Хезусу и впервые так ясно почувствовал, что может гордиться своим учеником.

На лестнице, ведущей во двор замка, стояли молчаливые, как статуи, слуги с факелами в руках. Ночь была безветренной. Пламя факелов горело ровно, и сизый дым от них поднимался прямо вверх.

Хозяин виллы вместе с гостями спустился во двор, обнесенный каменной стеной, и церемонно простился с командирами, словно они и не были военными.

Первым к площадке у лестницы подъехал «мерседес», который привез Педро, Хезуса и Антонио (комиссар за весь вечер не проронил ни слова). В гулкой тишине внутреннего двора виллы неожиданно громко хлопнули дверцы машины, и, мягко зашуршав мотором, она выехала на дорогу.

Педро думал о том, что впервые за все время своего пребывания в Испании он не слышит разговоров о наступлении, а видит дела. Идет переформирование частей, прибывает оружие. Советское оружие. Правительство Блюма выпихнуло его сквозь щелку приоткрытой границы. Этот социалист совершил сразу две спекуляции: показал свое «великодушное» по отношению к Испании и тут же, на окрик сторонников «невмешательства», еще плотнее запер кордон.

«Будет, будет наступление! — думал советник. — Серьезное и продуманное. Судя по всему, пожалуй, крупнейшее за все время! И это сейчас, когда о республиканской Испании, похоронив ее заранее, иные газеты уже почти перестали писать.

Ох, как нужно сейчас наступление! И оно будет!»

Педро покосился на Антонио и Хезуса. У них на губах бродили тихие удовлетворенные улыбки.

Никогда Педро не видел такой луны. Она висела низко и была багровой и неестественно огромной, как больной зуб. Два узких темных облака перечеркивали ее диск. От этого она выглядела еще более зловещей.

Перед тем как прорвать кряж Каталонских гор, Эбро течет почти точно с запада на восток. Луна висела прямо на западе и светила вдоль течения Эбро. Выше от того места, где на горячем песке прибрежного холмика лежали Педро и Хезус, река напоминала полуостывший расплавленный металл, еще способный течь, а ниже вода будто застывала и уходила вдаль черной неширокой и почти прямой лентой.

Дышать было трудно. Раскаленный за день и еще не успевший остыть воздух казался разреженным. И в какое-то мгновение Педро позавидовал бойцам, которые находились сейчас там, у воды, около старых рыбацких лодок. Бойцы ждали сигнала к переправе, к началу наступления на тот, занятый фашистами берег. Он выглядел высоким и темным, как стена крепости.

— Уже пошли? — спросил Педро.

— Нет еще.

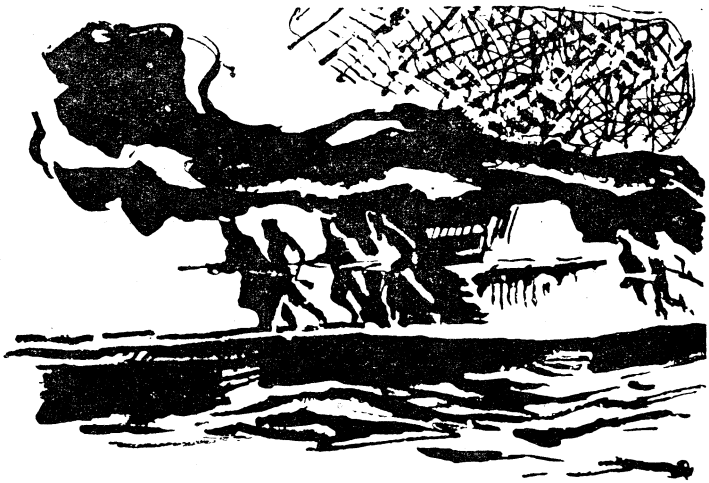
Командир и советник, сами не зная почему, разговаривали шепотом. Нервы были напряжены.

— Пошли!..

Это выдохнул Хезус.

— Не-ет... Показалось, — Педро почти прикоснулся щекой к горячему песку. Так можно было лучше разглядеть лодки у берега.

— Пошли! Пошли!

— Да. А светло. Очень светло! — забеспокоился Педро. — Луна-то...

— А может быть, так даже лучше, консехеро? Фашисты чувствуют себя в безопасности!

Черные силуэты лодок уже преодолели почти четверть расстояния до того берега. Оставалось еще метров сто. Крепостная стена с той стороны молчала.

Педро так напряг слух, что услышал, как по-кабаньи поворкивает под берегом вода.

— Подходят, — прошептал Хезус.

Зрение Хезуса было острее. Советник увидел лодки вновь, лишь когда они, возвращаясь за новыми бойцами, вышли на стрежень и багровый свет луны чуть подсветил их.

На том берегу было по-прежнему тихо.

Педро сел.

— Ну вот, Хезус. Скоро наш черед.

Сел и Хезус.

— Да. Все хорошо началось.

Вслед за второй партией бойцов на ту сторону должны были перебраться саперы, чтобы навести переправу, которая днем станет мишенью для франкистской артиллерии и самолетов, — ложную переправу, наплавную. По ней пройдут первые танки. А на следующую ночь саперы наведут ту, подтопленную, которую придумал Хезус.

— Пошли, — сказал Педро.

— Подожди, консехеро. Почему там так тихо?

— Все в порядке.

— Подожди, консехеро.

— Не волнуйся.

На правом берегу, где-то уже вдали от крепостной стены, вспыхнул огонек.

— Видишь, Педро?

— Вижу.

Донесся звук выстрела. Одновременно к Хезусу подошел связной и доложил, что разведка обнаружила противника в двух километрах от берега Эбро.

— Теперь пошли, — поднялся Хезус.

Огоньки на том берегу замелькали в темноте. Ярko вспыхнул первый взрыв гранаты.

Еще несколько минут назад казавшийся пустынным, левый берег ожил. Навстречу Хезусу и Педро попадались артиллеристы, катившие орудия к переправе. Пушки увязали по ступицу колес в песке. Слышались негромкие слова команд на разных языках. Педро улавливал испанскую, французскую, английскую и немецкую речь.

Лодки подошли в третий раз. За ними потянулись неуклюжие и неповоротливые понтоны. Саперы поругивались в темноте. Но спешки или неразберихи не было. Каждый проходивший мимо них боец — чувствовалось — знает, куда и зачем он идет.

Когда мост был собран, Хезус прошел на понтоны, осмотрел еще раз, хорошо ли они закреплены и выдержат ли нагрузку танков. Пехота уже двигалась на тот берег. Вода хлюпала у понтонов.

Потом регулировщик остановил пехоту. К мосту осторожно подъехала трехтонка, груженная ящиками. Мотор ее нервно пофыркивал. Водитель, видно, побаивался.

— Давай! Давай! — закричал регулировщик.

Машина, качнувшись, въехала на мост передними колесами, заурчала на разные лады мотором и еще раз качну-

ласть, став на понтоны всеми четырьмя. И снова шофер остановил машину, а потом, наверное собравшись с духом, повел трехтонку по мосту.

Вода, быстрая и черная, слышнее зашуршала, закрипели доски.

— Давай! Давай! — снова закричал регулировщик.

Луна зашла, и теперь очертания машины виделись серебристыми контурами в свете звезд.

— Прошла. Машина на том берегу, — сказал Хезус. — Мост выдержит и танки. А ты как думаешь, консехеро?

— Пройдут. — И посмотрел на часы. Стрелки на светящемся циферблате показывали ровно четыре. Через четверть часа к переправе должны подойти танки. Педро был уверен: подойдут вовремя. В этом наступлении все происходило вовремя — по действиям войск можно было проерять часы.

Выше наведенной переправы саперы уже начали готовить другую, главную. Ее решено было поставить там, чтобы обломки первой, когда ее разобьют фашисты, не повредили бы подтопленной.

На юге стали еле заметно проступать очертания Каталонских гор. Угадывался рассвет.

Ленивый бой на правом берегу откатывался все дальше и дальше от Эбро. Наступление развивалось успешно.

Танки подошли к переправе в точно назначенное время.

— Педро, я тебя очень попрошу, — не глядя в глаза советнику, проговорил Хезус. — Я тебя очень попрошу проследить за переправой всего батальона.

— Хочешь, чтобы я перешел на тот берег на последней машине?

— Я не могу тебе приказывать. Но лучше для дела, если ты проконтролируешь переправу. Я буду спокоен.

— Ой, Хезус, Хезус!

— Будем считать, что ты сказал «да».

— Вот вы где! — раздался голос Антонио. — Ищу вас, ищу... Опять спорите?

Он подошел, худенький и спокойный, мальчишка рядом с плотным Педро и высоким, чуть сутулым Хезусом.

— Мы не спорим, Антонио, — сказал командир. — Просто я попросил консехеро проследить, как будет идти переправа.

Чувствовалось, что Антонио улыбнулся:

— И Педро сразу согласился?

— Согласился, — ответил советник.

Потом Хезус сказал:

— Я, Педро, хочу, чтобы ты понял. Мы идем, чтобы победить. Но если победы не будет, не будет и меня. Для меня победа или поражение в Испании будет моей жизнью или смертью. Для меня нет земли, кроме Испании.

И он пошел к танкам. Первый уже уткнулся гусеницами в понтон. Хезус легко вскочил на броню, наклонился над люком, отдал приказ, и десятитонная машина мягко

вылезла на мост. Он просел и закричал под тяжестью. Хезус прошел на лобовую часть, ухватился одной рукой за пушку и присел у открытого люка водителя.

Педро, стараясь угадать, чей же танк пошел первым, стал приглядываться.

— Это танк братьев Алонсо, — сказал Антонио. — Все будет хорошо.

— Считаешь, что Хезус прав?

— До встречи, — Антонио отправился к головному танку второй роты, который выполз из-за песчаного бугра и направился к переправе.

Педро стоял в стороне от моста, и машины шли мимо него одна за другой. Танкисты узнавали советника и махали ему руками. Он отвечал. Рассвело уже настолько, что он видел, как улыбаются, стоя по пояс в башнях, командиры и лица водителей в приподнятых люках.

С правого берега по-прежнему доносилась только вялая перестрелка. Значит, удар оказался для противника неожиданным и по крайней мере первые, самые трудные километры отвоеванного плацдарма достались ценой малой крови.

— Педро, вен аки!

Это кричал Игнасио. Он был выбрит так, что щеки его лоснились.

— Я на замыкающем! — ответил советник.

Ниже понтонной переправы по-прежнему шли лодки — перевозили бойцов на тот берег челночным способом. Теперь Педро мог разглядеть их. Серые от старости, в черных подтеках смолы, лодки были весьма ненадежным средством. Но они делали свое дело. На веслах, а иной раз на корме утлых посудин сидели их хозяева — рыбаки. В массе солдат белели их рубахи.

Из-за гор, в той стороне, где было Средиземное море, показался край солнца.

С наступлением дня бой на правом берегу Эбро все разгорался. Видимо, фашисты оправались от неожиданности и начали оказывать заметное сопротивление.

Засвистели снаряды. Столбы воды метнулись вверх.

Пехота побежала по мосту. Сначала было непонятно, откуда бьют пушки. Потом кто-то из бойцов махнул рукой вниз по течению Эбро. Там, примерно в трех километрах от переправы, появилась франкистская батарея.

Когда въехал на мост очередной танк, Педро подбежал к командиру взвода и приказал, перейдя мост, взять пехоту на танки и двинуться в сторону франкистской батареи — расстрелять или раздавить ее.

Обстрел продолжался, но лодки по-прежнему двигались между берегами и пехота шла по мосту, только бойцы ускорили шаг.

Снаряды ложились вразброд, иногда попадали даже на берег. Фашисты торопились.

Наконец из-за белого песчаного бугра выполз последний танк третьей роты. Педро вскарабкался на броню, встал рядом с командиром у открытого люка. Машина была уже

на середине переправы, когда снаряд ударил в понтон чуть впереди.

Понтон стал проседать, и тяжелая машина соскользнула с моста в реку. Педро понял, что произошло, только когда вода ударила его в лицо и водоворот над упавшим танком стал затягивать на дно. И течение было очень сильным. Он рванулся изо всех сил и почувствовал, что его схватили за волосы.

Вздохнуть не мог — вода забила горло и грудь. Это было страшно, потому что он видел небо и солнце, слепившее его, а дышать не мог. Потом затрясся, и сознание помутилось.

Потом он чувствовал, что его волокут по песку. Дыхание спирало, очень болела грудь, а в горло будто воткнули кол.

Его прислонили спиной к чему-то жесткому. Он сидел. Кто-то подошел и спросил на незнакомом языке, видимо, о нем, потому что бойцы ответили тут же и опустили перед ним на корточки. Это Педро увидел, открыв глаза.

— Живой, — сказал голубоглазый, стоящий ближе всех. — Живой? — почему-то вновь спросил он и сам себе ответил: — Живой!

Он говорил по-испански.

— Живой, — собравшись с духом, сказал Педро.

— Испанец?

Это спросил голубоглазый.

Лицо у него было хорошее и веселое.

— Чех.

— Чех?! — И голубоглазый сказал фразу, в которой было много слов, очень похожих на русские.

Педро покачал головой и почему-то сказал по-польски единственные слова, которые он знал:

— Не мовлю.

Голубоглазый рассмеялся. Он сел на песок и смеялся, и все вокруг тоже смеялись.

— Да ты же русский! Настоящий русский, — по-русски сказал голубоглазый.

— Русский.

— Как зовут-то?

— Петр Мохов.

— А меня — Ян Геш. Я чех. Понял?

— Ян Геш...

Педро постепенно приходил в себя. Он уже видел за спиной Яна Геша реку и мост с вырванным посередине настилом, бойцов, которые перепрыгивали через брешь. Снаряды у переправы не рвались.

— Задавили? — спросил Педро.

— Что задавили? — с удивлением посмотрел на него Ян.

— Батарею. Батарею, которая стреляла.

— Танк смял.

Педро кивнул.

— Отлеживайся, танкист, — сказал Ян Геш, поднимаясь. — Отлеживайся — и к своим. А нам пора. Наступление.

— Да, — кивнул Педро. — Я чуток отлежусь.

Он говорил по-русски.

Бойцы ушли.

Педро вдруг вспомнил, что не спросил, спасся ли кто-нибудь из танкистов. Он качнулся вперед, словно от толчка, огляделся. Кроме него, на берегу никого не было. Рыжая, как жидкий кофе, река текла быстро и поблескивала под солнцем. Он долго смотрел на воду. Закружилась голова. Очнулся он от взрыва и увидел выходящий из пике фашистский самолет. Сверху сыпались комья земли.

Тогда Педро побрел к тропинке на высокий берег. Она была крута. Желтая и ноздреватая земля напомнила ему одесский ракушечник.

«Ну да! Одесский ракушечник, из которого построен весь город! Точно, точно такой же!»

Пожалуй, только теперь он по-настоящему очнулся.

Снова заняли моторы над головой. Педро посмотрел вверх. Бомбардировщик заходил на мост.

Переправа была пуста. Она сделала свое дело.

Бомба легла точно у края моста. Взрыв подбросил вверх вспененную белую воду, обломки досок, понтоны. Переправа разломилась надвое, и поплыла к берегам каждая из частей.

Педро взошел на берег и увидел равнину, чуть всхолмленную равнину, которая тоже показалась ему очень знакомой, — про себя он назвал ее степью. Далеко, почти у самого горизонта, поднимался черными клубами дым и угадывались дома. Там шел бой, и он двинулся в ту сторону.

* * *

— На, выпей! — Антонио протянул советнику фляжку. — Пей! Пей! — с грубоватой лаской повторил он, всовывая фляжку в руки Педро.

Педро взял. Пальцы у него дрожали. Ощущая страшную усталость, он отвалился на горячее от солнца кожаное сиденье машины и отхлебнул из фляжки.

Покрутил головой.

Худенькис личико Антонио расплылось в улыбке.

— Хорошо?

— Да...

Машина стояла посреди равнины, изжелта-белой, выжженной неистовым солнцем.

— А я гоно по дороге. Думал, ты еще у переправы лежишь.

— Хорошо, — сказал Педро.

— Мы взяли Аско налетом. Почти без боя. Все собрались, а тебя нет. Франкисты так бежали, что забыли машину. Почему машину забыли? А тут подходит боец из интернациональной бригады. Чех. И говорит, что ты у моста. И про танк рассказал. Я за тобой. И не гляжу по сторонам.

— Хорошо!

— Вдруг вижу прямо по равнине...

— По равнине... По степи... — поправил Педро. Это слово прсзвучало совсем по-испански.

— По степи, — повторил за Педро комиссар, — бредет кто-то. Пригляделся — ты. А уж совсем было проскочил.

— Я видел такую же степь под Одессой. Точно такую же. Там она тоже бывает такой в августе, — сказал Педро.

Антонио мягко тронул машину.

Километрах в двух от Аско дорога вошла в обгоревшие оливковые рощи. Деревья сгорели на корню. На них не было ни листьев, ни мелких ветвей, а толстые сучья обуглились и еще дымились. От каждого сука вверх поднималась тонкая струйка дыма.

Удушливо пахло пригорелым маслом.

Они въехали в Аско, на полном ходу проскочили по пустынным улицам, белым и пыльным. Слева стены домов были ослепительно белыми, а справа — синими, освещенными отраженным светом с противоположной стороны.

Вокруг церкви стояла цепь интербригадовцев с винтовками в руках. За ней — молчаливая плотная толпа.

Они вошли в дом, приятная прохлада стояла в комнате.

— Антонио, что там, на площади?

— Местные фашисты. Те, кто не успел удрать, спрятались в церкви. Сейчас их выведут. Их решили арестовать, а то народ с ними расправится сам.

Окна комнаты выходили на площадь. На той стороне ее на стене дома темнела наспех выведенная черная подпись: «Мы уходим, но ваши жены родят фашистов!»

Педро снова увидел молчаливую толпу вокруг цепи интербригадовцев, охранявших церковь. Крестьяне стояли прямо у окна. Педро видел голову старика, коротко стриженную, седую. Лицо старика было покрыто крупными глубокими морщинами и шея тоже, а кожа была смуглая от загара. Он был похож на всех стариков в мире. Лицом к лицу со стариком стоял интербригадoveц, молодой, здоровый, белобрысый, со светлыми глазами.

— Отдыхай, — сказал Антонио и ушел.

Педро осмотрел комнату. Она, наверное, была гостиной. В ней стояли круглый стол, кресла и диван у стены. Педро лег на диван. Неожиданно вернулся Антонио. Положил на стол фляжку с ромом.

— Может быть, понадобится? — И посмотрел на Педро добрым лучистым взглядом.

— Нет. Спасибо.

— А вдруг?

— Ты хочешь сделать из меня пьяницу?

— О'ле! — Антонио рассмеялся. — Из тебя ничего нельзя сделать, кроме того, что ты уже есть. Выспись.

— Благодарю. Постараюсь.

Антонио подошел к Педро, потрепал его по плечу и снова ушел.

Педро закрыл глаза.

— Вы кто? — спросил за окном глуховатый голос.

В первый момент Педро подумал, что это его спросили, открыл глаза, но в комнате по-прежнему никого не было.

— Вас? — по-немецки отозвался за окном молодой голос.

- Немец?
- Да, — по-испански, не очень уверенно ответил молодой.
- «А спрашивает старик», — подумал Педро.
- Здесь до вас и немцы были тоже. Но они не охраняли нас от фалангистов.
- И немцы?
- Да. Месяц назад. Потом ушли.
- То не немцы. То фашисты.
- Как вас зовут? — спросил старик.
- Ганс. Ганс Гашке.
- У тех тоже был Ганс.
- Он фашист. Или дурак.
- Они были заодно с фалангистами. А вы зачем охраняете эту сволочь?
- Они арестованы законным правительством Испанской республики, — немец говорил по-испански очень плохо, коверкая слова.
- Зачем?
- Вы их будете судить.
- наших не судили. Никого. Их расстреливали и вешали. Или били, просто били, пока не умрут. Почему этих надо судить?
- Чтобы они знали, за что, — помолчав, ответил немец.
- Они забыли?
- Так надо по закону.
- Отдайте их нам. Мы с ними поступим по закону.
- Вы их и будете судить. Они же испанцы.
- Да, — сказал старик. — У нас тоже есть испанцы и есть фашисты.
- Мой брат — фашист. Но он больше трус, чем фашист. Наверное, и среди испанцев есть такие, — сказал немец.
- Есть, — сказал старик. — Есть трусы, есть слабые, есть глупые.
- Зачем же их убивать? Это фашисты считают, что надо убить всех коммунистов, а остальные тогда станут рабами.
- Вы, Ганс, говорите о справедливости, как испанец.
- О справедливости все думают, как испанцы.
- Старик помолчал, а потом спросил:
- Почему же тогда на земле есть фашисты?
- Варум? — в раздумье сказал по-немецки Ганс.
- Что? — переспросил старик.
- Почему? — повторил по-испански немец.
- Да. Почему?
- Наверное... Наверное, потому, что некоторые думают: есть испанские фашисты, есть немецкие фашисты, есть итальянские фашисты. И дело испанцев, немцев и итальянцев бороться с фашистами. Многие так думают. А если бы все люди сказали: «Не хотим фашистов», — то их бы и не было.
- На площади послышался гул голосов. Толпа заворчала.
- Граждане!

Это был голос старика. Он, видимо, отошел от окна, потому что его голос звучал издали.

— Граждане! Фашистов будем судить мы. Их не охраняют. Их арестовали, и мы будем их судить! Не трогайте их! Пусть они знают, что есть на земле справедливости! Идемте по домам!

— Смерть! Смерть! — гремело на площади.

Резко открылась дверь в комнату. Педро открыл глаза и увидел Хезуса.

— Жив! — командир порывисто подошел к дивану, сел и обнял Педро.

— Экипаж танка погиб...

Педро сел и облокотился о колени.

— Нельзя печалиться! — Хезус поднялся. — Надо, чтобы был праздник. Надо петь и танцевать! Надо веселиться и радоваться за прекрасную смерть этих людей, погибших за свободу! Надо быть счастливыми оттого, что, может быть, нам суждена такая прекрасная смерть!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Здорово у тебя получилось! — Педро обнял Хезуса за пояс — дотянуться выше он не мог.

— А не льстишь, консехеро? — Вымазанное в машинном масле лицо командира еще хранило азарт боя.

— Не веришь, спроси у Антонио.

— Тебе я всегда верю. Даже когда не хочется, — Хезус смотрел на пылающий впереди город очень внимательно, словно старался угадать дом, в котором он своим же рядом мог убить свою жену и ребенка.

Ночь уже спустилась, по-южному густая и душистая. Пожар на окраине Гандесы еще продолжался, и его блики, желтые и неверные, позволяли видеть танки у холма и сам холм и другие далекие холмы. Запах бензина, неистребимый и въедливый, не мог заглушить дух раскаленной за день земли и выгоревшей травы. Но воздух был уже прохладный. Прохлада струилась откуда-то сверху, от острых и колючих звезд.

Педро сказал:

— Я просто позавидовал твоему прекрасному выстрелу! С ходу — и точно в гусеницу.

— Старался как мог, консехеро.

— Вот я и говорю. Но как фашисты смогли снять с Валенсийского фронта столько танков и самолетов? — задумчиво проговорил Педро.

— Они оставили там заслон, и все.

— И ты говоришь об этом так спокойно?

Хезус вздохнул.

— Ты же сам говорил, что удивляться не стоит. Наши командиры позволили фашистам разбить Север. Баскония оказалась одна. Ее почти не поддержали операциями на других фронтах.

— То же случилось в Арагоне...
— Почему бы не произойти тому и в Каталонии? — снова насмешливо проговорил Хезус. — Почему?

— Потому что ошибки учитывают.

— Когда их считают ошибками.

Педро пожал плечами.

— Не возводить же стратегическую ошибку в правило! — Так считают коммунисты. Но командуют не коммунисты. Коммунистам предоставляется право умереть за республику в бою. Великое и святое право, но этого еще мало для того, чтобы победить. Надо, чтобы командовали коммунисты. Такие, как Листер, как Модесто. И не частичными операциями на отдельных участках фронта, а всей армией республики целиком.

— Я с тобой согласен, — сказал Педро. — Но для этого нет политических условий. И почему об этом заговорил ты?

— Потому что франкисты сняли с Валенсийского фронта танки и самолеты и перебросили сюда, на Эбро. Это можно сделать при одном условии — при гарантии, что наступления на Валенсийском фронте не будет ни сегодня, ни завтра.

И это говорил Хезус, человек, для которого политика была делом десятым!

Неожиданно командир переменял тему.

— Ты знаешь, за что расстреляли Альфонсо? Того анархиста, который вступил в компартию?

— Нет. Да мне и не положено расспрашивать об этом.

— Да.

— Может быть, мне лучше этого и не знать.

— Надо знать, мио каро...

Хезус загнулся. Никогда советник не слышал от него нежных слов, и вот ночью, после очередного удачного боя, когда танки вышли на окраины Гандесы, Хезус произнес их — да такие, которые говорятя, пожалуй, только брату, — «мое сердце».

Пожар на окраине Гандесы отгорал. Обгоревшие строения домов были похожи на раскаленные прутики. И огонь уже не освещал окрестности, а лишь тускло светился в темноте.

— Надо знать, мио каро, — повторил Хезус глухо.

— Если считаешь, что надо, скажи.

— Во время операции под Леридой Альфонсо арестовал троих лазутчиков. Это были настоящие вражеские лазутчики. Он их задержал с поличным и, подчиняясь приказу, отправил в штаб армии. А во время Балагерской операции он снова поймал тех же лазутчиков. И снова с поличным. При них была радиостанция. Они корректировали огонь франкистских батарей. Тогда Альфонсо не стал больше отсылать лазутчиков в тыл. Он приказал расстрелять их. А вскоре из самого Мадрида последовал приказ расстрелять его самого. В приказе говорилось, что Альфонсо по партийным соображениям нарушил приказ.

Небо над далекими холмами пожелтело, будто там загорелся пожар, потом из-за увалов показалась луна.

В ее свете Педро увидел, как лицо Хезуса на мгновение искажилось.

Круто повернувшись, Хезус еще больше ссутулился и, приблизив свое лицо к лицу советника, спросил:

— Почему ты, русо, любишь Испанию больше, чем десять других испанцев, которые называют себя испанцами?

— Жизненный опыт — это не всегда то, что человек сам увидел. Я не видел умирающих от голода в Бенгалии и горняков Астурии и Басконии, у которых уже нет легких. Но я видел, как умирали от голода в России, и видел старых горняков Украины, обреченных на смерть. И мне не надо быть в Бенгалии, чтобы проверить, так или не так, как в России, люди умирают от голода. Я знаю, что так! Мне не надо убеждаться, что горняки Басконии страдают. Я знаю — так же, как когда-то на шахтах Украины.

— Ты говоришь, как Антонио...

— Разве мы не правы?

— Я не об этом, Педро. Я люблю Антонио, как свою душу. Этот маленький человек с сердцем льва...

Хезус выпрямился, глубоко вздохнул. Педро впервые за долгое время почувствовал, что командир чего-то не договорил и что это невысказанное очень важно для него. Но нельзя напрашиваться на откровенность.

— Идем ужинать, консехеро, — глуховато проговорил Хезус. — Да и радио послушаем.

Однако Хезус не сразу повернулся, чтобы идти. Он еще некоторое время смотрел в сторону городка, догорающего в ночи.

Педро понимал, о чем думает командир танкистов: о своей семье.

Но об этом они не сказали ни слова.

Молча отправились к пещере, в которой помещался штаб. Пещер таких было много, почти в каждом холме. Одни испанцы говорили, что это старые небольшие каменоломни, откуда брали камень на постройки, другие утверждали, что здесь когда-то жили первобытные люди.

Пещеры были довольно высоки и служили хорошими блиндажами. Даже стопятидесятимиллиметровые снаряды фашистов не могли повредить их своды.

Они прошли по короткому коридору и вошли в зал, саму пещеру. Посредине ее стоял стол, на нем свеча и рядом — приемник, который работал от аккумулятора танка. Из репродуктора вырывался какой-то военный марш. Его никто не слушал.

На столе стыл ужин.

Антонио посмотрел на вошедших, протянул руку к приемнику и выключил.

Уши заложила глухая тишина подземелья.

Командир танковой роты Игнасио вздохнул и потер щеку. Как всегда к вечеру, она была черной от проступившей щетины. Голубоглазый Ян Геш, привыкший заходить в гости к танкистам, поднял взгляд от стола, посмотрел на Педро и попытался улыбнуться — улыбка получилась горькая, страдальческая и почему-то чуть виноватая. Плечистый

капрал с причёской боксера и массивным подбородком, американец, с которым Педро познакомился в госпитале, взял фляжку и стал наливать вино в стакан Яна. Вино булькало во фляжке и плескалось в стакане.

— Выпей, Ян, — сказал капрал.

Ян машинально взял стакан, поднес к губам, вздрогнул, вино расплескалось. Свободной рукой Ян стряхнул его с брюк и поставил стакан на стол.

— Не могу.

Хезус и Педро переглянулись.

— Выпей, Ян, — повторил капрал.

Ян помотал головой.

— Нет.

Капрал налил в свой стакан. Вино опять булькало во фляжке и плескалось в стакане. Капрал выпил вино, вытер тыльной стороной ладони губы и сказал:

— Я хочу, чтобы сегодня месье Даладье и мистеру Чемберлену подали на ужин дерьмо мула.

Хезус сел к столу, локтем отодвинул посуду с краю.

— Какого дьявола? В чем дело?

Ян посмотрел на командира танкистов и негромко проговорил:

— В Мюнхене продали Чехословакию. Как порцию шпекачек к пиву. Во имя мира в Европе! Во имя отказа Гитлера от других территориальных претензий! Сумасшедшие!

— Значит, Франция не откроет границу, — сказал Хезус. — Оружия Испания не получит.

— Я хочу, чтобы сутенеры Даладье и Чемберлен подавили дерьмом мула, которое они будут есть на ужин...

Игнасио с силой потер черную щетину на щеке.

— Пастухи, которые кормят овцами волков, рано или поздно останутся без стада.

Ян Геш хлопнул ладонью по столу.

— Но ведь у Чехословакии есть договор о взаимопомощи с Советским Союзом! Бенеш обратится в Москву!

Педро стиснул кулаки.

— Если бы в Мюнхене были в этом уверены, то Мюнхен бы не было.

— Не верю! — воскликнул Ян.

— Очень хочу ошибиться.

— Что бы ни случилось в Европе, Америка останется свободной! До тех пор, пока статуя Свободы не рассыплется в пыль, фашизма в Америке не будет!

Антонио спокойно посмотрел на разгорячившегося капрала и сказал:

— Если судить по нейтралитету, который Америка соблюдает по отношению к нам, то в Америке может быть все что угодно. И при этом статуя Свободы останется целой.

Капрал махнул рукой.

— Не слушай их, Ян! Моя родина может стать и твоей!

Ян Геш потер ладонями лицо и сказал:

— Спасибо на добром слове, Александер. Но теперь мы на родину попадем только после победы.

Хезус вынул из кармана блокнот и огрызок карандаша.

Пристроившись на краю стола, командир усердно считал, и его густые брови сердито шевелились. Потом он обратился к Педро:

— Консехеро, у нас осталось на завтра по шесть снарядов на танк.

Педро достал свой блокнот, заглянул в него.

— По пять, Хезус.

— Пойдем пересчитаем.

Хезус поднялся, но не пошел к выходу. Он остановился около Яна Геша и положил руку ему на плечо.

— Если для свободы твоей родины потребуется моя жизнь, она твоя.

И, не дожидаясь ответа, быстро вышел из пещеры.

Серебристый свет звезд наполнял воздух. Остро пахло прохладой.

Чистый голос Маноло выводил, казалось, где-то в поднебесье:

— О, мио кар-ро, Каталунья!

— Безобразие! — проворчал Хезус. — Отдыхать надо...

Но командир и советник пошли в другую сторону и слушали песню.

И еще Педро все время слышалось, что Хезус старательно выговаривает какое-то трудное слово.

— Что ты бормочешь?

— Не получается. Не могу правильно произнести.

— Что?

— Тш... Тц... Тесетловакья!

* * *

С неделю назад фашисты прекратили наступление на Валенсийском фронте, и естественно было ожидать переброски подкреплений на плацдарм Эбро, где оборона франкистов трещала по всем швам. Месяца не прошло, как началось наступление, а республиканцы, пользуясь наплывными переправами, сумели углубиться на тридцать-сорок километров, освободили десятки деревень и городков.

Франкисты совершенно не ожидали этого удара, были плохо подготовлены к обороне, не способны сдержать натиск.

Успех вполне мог обернуться крупной победой республики. Интернациональные части, сконцентрированные здесь, и испанские бойцы были исполнены решимости пробиться через равнину к Теруэлю и снова овладеть им — на этот раз с севера, — прижать фашистские части к морю и уничтожить их.

Но три дня назад стало известно, что другое наступление, предпринятое командованием Центрального фронта, обернулось бессмысленной бойней. Республиканские части были брошены в огненный котел под удары франкистской артиллерии.

После того как во главе военного министерства стал Негрин, а народ Испании на демонстрации в Барселоне выразил твердую волю к борьбе и непреклонное желание

победить, на какое-то время в республиканской военной машине, скрипевшей от политических трений, казалось, наступил тот элементарный и необходимый порядок, который, собственно, и позволил организовать наступление на Эбро. Но стоило затихнуть политическим разногласиям, стоило коммунистам ценой тяжелых усилий добиться политической устойчивости, в известном смысле единства политики правительства, как тут же какие-то темные и далеко не всегда понятные для Педро силы стали вламываться в действия уже не политических деятелей, а военных руководителей.

Наступлением на Центральном фронте вновь командовал полковник Касадо, который по «объективным причинам» провалил уже не одну операцию. На совести этого полководца было больше своих загубленных бойцов, чем вражеских солдат. Однако в то время о Касадо думали лишь как о неудачливом полководце, а не как об умном и опасном враге. Это выяснилось позже. Слишком поздно.

Педро был далек от штабной жизни армии. Он мог анализировать то или иное сражение уже после того, как оно заканчивалось, или в ходе конкретного боя решать узкую, частную тактическую задачу, которую ему и Хезусу поручали осуществить.

Но и он установил странную закономерность. Ему всегда удавалось проследить логический замысел операции и ее осуществление, когда группой командовали Листер, Модесто. В их решениях присутствовала жесткая солдатская хватка, смелость, умение воспользоваться малейшей оплошностью противника. Но они были лишь командирами отдельных соединений, а не руководили армией в целом.

Неустойчивое политическое равновесие, когда буржуазные и республиканские партии, с одной стороны, находились под ударами фашистской диктатуры Франко и, напуганной жупелом «коммунистической опасности», существовавшей только в их воображении, металась между трусостью и страхом, — это неустойчивое равновесие не могло утвердить ту железную дисциплину, без которой немислима армия.

* * *

Первые взрывы раздались в предутренней темноте, когда в синем чистом небе еще догорали последние звезды.

А потом неба уже не было видно. Оно скрылось за черной клубящейся копотью взрывов, огненные всплески которых — с тех пор как на небосклоне появилось солнце, тусклое и жалкое, — спорили со светилom в яркости.

Непреодолимый вал взрывов поднялся на окраине Гандесы, которая по замыслу республиканского командования в ближайшие часы снова должна была быть возвращена испанскому народу.

Исчезало понятие времени и пространства. Казалось, на земле уже не осталось ничего, кроме тебя самого, втопанного в землю, полураздавленного комьями беспрестанно па-

дающей земли, а дышишь ты земельной пылью, рот и глотка забиты ею, и через минуту станет совсем нечем дышать.

Когда шквал огня стал ослабевать, какой-то боец вскочил и побежал прямо навстречу отступающим разрывам. Он был безоружен, и тряс над головой кулаками, и упал, не пройдя и десяти шагов. Он, видимо, сошел с ума.

На разрывы уже никто не обращал внимания. Готовились отразить атаку.

Педро добрался до командного пункта на холме, позади пехоты. Блиндаж Хезуса был разбит, а у командира батальона перевязана голова.

— Крепко? — спросил Педро.

— Антонио ранен. В плечо. Потерял много крови.

— В госпитале?

— Не хочет.

— Прикажи.

— Легко сказать, консехеро! Спустись в блиндаж и поговори с ним сам. Там, кстати, есть вино. Прополощи горло. Не будешь сипеть. А то Антонио тебя не услышит.

— Хорошо. Спасибо.

— Ты упроси Антонио отправиться в госпиталь.

— Все отлично.

Педро спустился в блиндаж.

Антонио лежал у стены, и на него падал свет из пролома в крыше.

Глаза комиссара были закрыты, а осунувшееся лицо постарело. Педро увидел на его щеках горькие морщины, которых никогда не замечал. Антонио дышал ровно — спал, и Педро решил, что будить его теперь по меньшей мере глупо. Повязка на плече была наложена хорошо и почти не промокла от крови. Тогда советник взял стоявший около раненого поррон, основательно прополоскал глотку и пошел обратно наверх.

— Ну как, уговорил?

— Он спит.

— Ой, лиса!

— Думаешь, притворился?

— Уверен. Иначе он не был бы астурийцем. На бинокль.

Танки были примерно в трех километрах. Четко виделись только первые. А вся остальная масса скрывалась в туче пыли. Это облегчало маневр, который предложил Хезус. Танки фашистов, двигавшиеся в «дымовой» завесе пыли, далеко не сразу могли разглядеть контрманевр на фланге, а рота Игнасио уже двигалась туда. Педро волновало именно это направление.

— Хезус, ты не говорил Игнасио, что он может выйти в тыл? В такой пылище это вполне возможно.

— А, черт! Про пыль я забыл. Дьявол бы побрал эту пыль! А ты, консехеро?

— Мне тоже только сейчас пришло такое в голову.

— Игнасио тоже может догадаться, — подумав, сказал Хезус. — Пожалуй, он догадался!

Педро снова вскинул бинокль к глазам. На правом флан-

ге, где двигалась рота Игнасио, стояла подозрительная тишина. Передние танки фашистской «свиньи» уже остановились и открыли огонь по танкам, которые огнем преграждали им дорогу к реке. На левом фланге часть франкистских машин развернулась, пряча свои бока, и двинулась навстречу левофланговой роте.

Но на правом фланге было спокойно.

Прошло еще несколько минут. И тогда в самой гуще фашистских машин произошло нечто необразимое. Они взрывались и горели там, в самой глубине «свиньи».

— Второй! Третий! — считал Педро. — Четвертый!

Хезус, который только что был рядом и нетерпеливо теребил советника за рукав, исчез. Педро оглянулся и увидел, что он уже вылезает из блиндажа с биноклем Антонио в руках.

— Ладно, — сказал он. — Смотри. А то потом скажешь в России, что тебе не давали учиться.

Прошло минут двадцать, прежде чем фашисты догадались, в чем дело, и оттянули часть своих машин назад. Теперь в трудное положение попал Игнасио.

Командир и советник молчали. Они-то с самого начала понимали, на какой риск шел командир третьей роты. Но они знали, что каждый из них, не раздумывая, поступил бы точно так. Пятнадцать фашистских машин горело на поле. Целый батальон почти полностью был уничтожен. А республиканских горело только две. Пока только две. Бой еще не кончился.

— Смотри! — крикнул Хезус.

Пройдя рейдом по тылам вражеских батальонов, на левый фланг вышли шесть «Т-26». Шесть танков из роты Игнасио. Потом еще четыре.

Фашистские танки повернули вспять.

На равнине снова забушевал огненный смерч. Он начался вдали от командного пункта танкистов.

— Это что-то небывалое! — крикнул Педро на ухо Хезусу.

— Да, — согласился Хезус, — бьет не меньше ста орудий на километр фронта. Бедная Испания... Преданная всем продажным миром. Этот мир ублюдков и предателей не должен жить под небом земли!

* * *

Недели через три ночью передовые части отошли на заранее подготовленные позиции. Танкистам об отходе не сообщали, очевидно посчитав, что они находятся в достаточно глубоком тылу.

Хезус вылез из пещеры, поднялся на КП, осмотрелся и неожиданно крепко выругался по-русски.

Прижав руку к щеке, советник исподтишка посмотрел на командира и подумал, что Хезус все-таки ожидал чуда: ведь и ему было ясно еще вчера — после успеха франкистов на левом фланге, где фашисты ворвались в траншеи, когда все защитники оказались перебиты, — еще вчера

было ясно, что командованию ничего не оставалось, как выровнять линию фронта. Но Хезус, видимо, надеялся на чудо.

Не глядя на притихшего консехеро и комиссара, Хезус повторил ругательство еще злее и жестче.

Антонио от удивления всплеснул рукой.

— Да ведь ты католик!

— Я не верю, что Испания грешна! Она страдала столько, что искупила грехи в миллионном колене еще не родившихся испанцев!

Эти слова словно стерли улыбку с лица Антонио. Консехеро украдкой посмотрел на обоих, и готовая было сорваться шутка замерла на его губах.

Хезус смотрел на левый фланг: там рота республиканцев оказалась прижатой к подножью холма. Северный склон высоты обрывался в ущелье. Франкистам ничего не стоило окончательно окружить батальон на этом скате с обрывом в тыл и уничтожить бойцов.

— Этот скат надо либо отдавать либо сейчас же контратакой отеснить противника дальше.

Консехеро хотел ответить, что Хезус прав, но его слова заглушила начавшаяся артиллерийская подготовка. Встретив спрашивающий взгляд Хезуса, консехеро кивнул.

Огонь был плотным. Вал обрушился на широкий участок. Становилось ясным, что день снова будет очень трудным.

Фашисты, видимо, нащупали расположение КП танкового батальона. Снаряды ложились все ближе и ближе.

Хезус приказал перейти штабу на запасной КП, который находился примерно метрах в пятистах левее и глубже к тылу, чем основной. По глубокой траншее все быстро спустились с вершины к подножью и по ходам сообщения отошли на ЗКП.

И вовремя.

Когда они расположились на запасном, вершина покинутого холма курилась от частых и точных разрывов.

Артналет прекратился через двадцать минут.

Тут же, едва успел рассеяться дым разрывов, показались танки фашистов, за которыми шла пехота.

— Антонио, левый фланг — тебе! Возьми два взвода...

— Много, — сказал консехеро. — Не хватит на остальных участках.

— Хорошо. Взвод. Антонио, желаю удачи!

— Слушаюсь, — отчеканил комиссар. И не по-уставному доложил: — Спасибо.

Загудел зуммер телефона. Хезус взял трубку и, подмигнув, бодро махнул комиссару рукой. Педро знал, что начались звонки из пехотных частей — требовали танков. И все просили по меньшей мере роту. И были счастливы, если получали взвод.

Через полчаса танковый батальон за исключением двух взводов резерва вступил в бой.

Консехеро видел, как командиру не сидится на месте. Хезус бил кулаком по брустверу, кричал, будто в боевых

порядках, ведущих схватку с фашистами, его могли слышать, и счастливо, откровенно до ребячливости вопил: «Аделанте!», когда они, словно действительно слушаясь его, поступали правильно — так, как требовала обстановка.

Хезус весь, без остатка, был там, на поле боя, и не будучи на командном пункте молчаливого, сосредоточенного консехеро, который казался холодной тенью Педрогесо, командир, пожалуй, сбежал бы туда, в горячку схватки.

А советник знал, что при первом удобном случае Хезус сбежит в бой с резервным взводом, пойдет в самое пекло. Это случалось в каждом сражении. Сражения были каждый день, а в каждом ежедневном сражении было и шесть-восемь атак. И уж в какую-либо из них Хезус обязательно вязывался, ссылаясь на критическое положение.

Педро пробовал его урезонивать, но Хезус щурился и отвечал:

— Консехеро, ты похож на монаха-сластолюбца, который проповедует воздержание.

Хезус хлопал его по плечу и шел в бой с последним взводом резерва. Командир любил скрытно подходить к месту схватки и неожиданно обрушиваться на противника. Внезапность неизменно приносила успех.

Так случилось и в этом бою.

После полудня центр обороны республиканцев был прорван противником. Защитники оказались уничтоженными жестким огнем артиллерии фашистов.

В прорыв рванулась марокканская конница.

— Надо восстановить положение, — сказал Хезус и, спрятав в карман пилотку-испанку, облачился в танковый шлем. — Следи за Антонио!

И Хезус по ходу сообщения побежал к последнему резервному взводу танков, стоявших в укрытии.

На этот раз консехеро не нашел, что возразить: решение было правильным.

Все утро франкисты упорно атаковали центр обороны республиканской дивизии. На левом фланге, куда направился взвод вместе с комиссаром, стояла сравнительная тишина: танки, поставленные в эскарпы, выполняли роль батареи и бронированных пулеметных гнезд.

Но когда Хезус удачно отбросил марокканскую конницу и вслед за танками, развивая успех, потянулась в контратаку пехота, Антонио, видимо, тоже решил, что и ему следует рвануться вперед. Решение казалось логичным.

Однако стоило трем машинам взвода, в котором был Антонио, выйти из укрытий, как по ним открыла огонь хорошо замаскированная, раньше молчавшая противотанковая батарея.

Танки вступили в огневую дуэль. Они ее проигрывали. Они должны были ее проиграть: стрелять прицельно из пушки танка даже на коротких остановках труднее, чем из орудия на земле. Стиснув до боли в пальцах бинокль, Педро видел, как загорелся один танк; закрутился, развернувшись бортом к противнику, второй; у третьего сначала заклинило снарядом башню, а потом его подожгли.

Пехота на левом фланге, потянувшаяся было за танками, оказавшись без прикрытия, залегла.

Потом стала отходить.

В бинокль Педро видел, как из разбитых танков через аварийные люки выбирались танкисты и начали отходить вместе с пехотинцами.

Тогда франкисты бросились в контратаку.

Два пулемета на флангах республиканцев молчали из боязни поразить своих же бойцов.

У окопов республиканцев схватка пошла врукопашную.

Среди тех, кто сражался, Педро было нетрудно различить бойцов в танкистских шлемах.

Силы были далеко не равны. Республиканцы начали отходить выше по склону. Их заперали в ловушку: ведь с высоты пути отступления не оставалось — в тылу отвесный обрыв. И фланг дивизии оказался смятым. Фашисты по ущелью могли просочиться в глубину обороны.

Уходивших вверх по склону республиканцев почти не преследовали.

Педро понял: их отдадут артиллерии. Там, на каменистой высоте, не было никаких оборонительных сооружений.

Батареи врага перенесли огонь на высоту.

Камень хорошо защищал, но он и крошился при разрывах, и осколки его поражали с такой же силой, как и осколки снарядов.

Консехеро теперь не сводил бинокля с высоты обреченных. На остальных участках бой затихал. Казалось, все наблюдали за отчаянным сопротивлением горстки уцелевших храбрецов.

Педро продолжал смотреть в бинокль на высоту. Ему кое-что было видно. Он обратил внимание на какую-то странную суматоху среди оборонявшихся.

Потом в ущелье полетело что-то вроде лестницы, сделанной из телефонных проводов.

Под обстрелом, когда каждую секунду любой осколок камня или снаряда мог пересечь не очень надежный провод у основания, бойцы по одному стали опускаться в ущелье.

Их отход прикрывал ручной пулемет, установленный в расщелине.

Педро перевел взгляд туда и увидел за пулеметом человека в шлеме танкиста. Маленький человек в огромном шлеме.

Это был Антонио.

Артналет на каменистую вершину окончился.

Пехота франкистов пошла на штурм.

Антонио бил короткими меткими очередями. Он был очень расчетлив и меток.

Фашисты залегли.

И опять ударила артиллерия. Враг подтянул противотанковую батарею, она била прямой наводкой.

Рыжая пыль от разрывов улеглась.

Фашисты пошли в атаку.

Вершина молчала.

Там, где Педро видел пулемет Антонио, дымилась камни. Вершина была пуста. Бойцы уже спустились в ущелье и были вне опасности.

* * *

И еще две недели продолжались бои на плацдарме Эбро. И все эти дни начинались со шквального артиллерийского огня противника, затем двигались танки, и, если они не встречали больше сопротивления, за ними шла франкистская пехота.

Фашисты завоевывали территорию огнем.

У республиканцев не хватало винтовок, патронов. У республики были отличные солдаты и не было оружия.

В тот день, когда командование дало приказ войскам армии Эбро отходить за реку, в тот же день правительство Негрина предложило бойцам интернациональных бригад и иностранным советникам покинуть фронт. В заявлении говорилось, что правительство республики и народ Испании выражают свою глубокую благодарность всем иностранным подданным, пришедшим на помощь, от которой Испания теперь вынуждена отказаться.

Это было необходимо. В этом случае правительства европейских государств гарантировали республике, впрочем так же, как и генералу Франко, права воюющей стороны. Иными словами, республике прежде всего гарантировали получение оружия.

* * *

— А ты куда поедешь? — спросил Петр Тарасович у Яна Геша.

Тот взял в рот белесую оливку и долго смотрел в ту сторону, откуда доносились глухие взрывы. Там были позиции республиканцев — последний опорный пункт на правом берегу Эбро. Интернациональный батальон уже не участвовал в бою и расположился на берегу в ожидании машин, которые должны были отвезти бойцов в Барселону.

— Поедем к нам в Америку? — предложил Александер, теперь бывший капрал.

Петр Тарасович почувствовал себя неловко за вопрос.

«От дурень же я! — подумал он. — Ляпнешь вот так — всю душу перевернешь человеку. Нашел время спрашивать. И у кого! А действительно, куда он поедет? Домой — в Чехословакию — его не пустят. Там фашисты. Впрочем, пустить-то, может, и пустят, только в концлагерь...»

— Поедем к нам? — повторил Александер.

— Спасибо на добром слове, — сказал Ян. — Только ты приглашаешь в гости без хозяина. Ведь не ты у себя в Америке хозяин. А нас из Испании не пропустят даже в Советский Союз. Интернируют, наверное, во Франции. Там посмотрим,

— Да, придется пожить во Франции. В качестве не очень желательных гостей, — вступил в разговор Ганс. — Может, со временем сколотим денюжат, переберемся в Россию. Разговор оборвался.

Петр Тарасович долго смотрел на безоблачное небо. Высокое, по-осеннему синее. Такое синее, что казалось, на нем вот-вот проступят звезды. Удивительное, прекрасное небо Испании!

Потом Петр Тарасович перевел взгляд на равнину, похожую на степь под Одессой, дальние курганы, тоже похожие на одесские. И быстро поднялся. На горизонте виднелось движение каких-то колонн.

— Наших окружают! — крикнул Петр Тарасович.

Бойцы вскочили. Заволновались.

— К черту! Надо помочь! — сжав кулаки, сказал Петр Тарасович. — Не станут же нас за это ругать!

— Идем! Идем! — закричали бойцы.

И батальон оставил берег у подтопленной переправы, которую предложил построить Хезус и которую так и не смогли обнаружить фашистские самолеты, и бросился, сжимая винтовки, на помощь горстке республиканских бойцов.

Петр Тарасович бежал рядом с Гансом. Когда франкисты открыли огонь, бойцы начали передвигаться короткими перебежками. Фашисты тоже залегли. На фланге пробовал застучать пулемет, но бойцы несколькими выстрелами заставили его умолкнуть. Они рвались в рукопашную.

Наконец республиканцы заметили, что происходит у них в тылу. Из-за холма вырвался танк. Он не стрелял. Видимо, не было патронов. Он просто мчался на фашистов. Те побежали, едва завидели танк. Теперь они сами оказывались зажатыми в тиски и стали бешено отстреливаться от наседавшей на них пехоты. Но, раз поднявшись в атаку, бойцы двинулись вперед, не останавливаясь.

Ганс был моложе Петра Тарасовича и обогнал его шагов на пять. И когда немец споткнулся, Петр Тарасович ускорил бег, чтобы поддержать его, но Ганс не споткнулся. Он выронил винтовку и, опустив на грудь голову, сделал еще несколько шагов вперед уже, наверное, мертвый.

Потом была короткая рукопашная схватка. Девятнадцать фашистов сдались в плен.

Из подоспевшего танка вылез Хезус.

— Я же говорил, что здесь должен быть Педро!

— Хорошо, что вы подоспели, — сказал Петр Тарасович.

У Хезуса рука была на перевязи, но он выглядел бодро.

— Остальные танки в бою. Это командирский.

Бой у высот затихал. Вечерело.

Бойцы перевязывали раненых и собирали убитых. Потом они собрались у братской могилы, вырытой на крутом берегу Эбро. И Хезус, став у ее края, говорил о том, что погибшие за свободу Испании не умерли, что они будут вечно жить в сердцах испанцев, потому что стали частью испанской земли, а земля вечна.

Подняв над головой руку, Хезус сказал:

— Уже зажглись первые звезды. И даже самая первая вечерняя звезда — это звезда будущего утра. Сколько бы ни продолжалась ночь, день настанет! С той поры как живет земля, не бывало вечной ночи!

Испанцы, русские, французы, немцы, американцы, чехословаки, венгры — все, кто был в тот час на берегу Эбро, подняли оружие, чтобы отдать последний долг тем, кто погиб за свободу, и поклясться в верности свободе.

Потом на правом берегу показались силуэты грузовиков.

Через подтопленный мост, будто по Эбро, пошли грузовые машины. Они шли тихо, шуршала и вспенивалась вода у их колес.

От реки потянуло влажным теплом.

Настала пора прощаться.

Петр Тарасович обнял Хезуса.

— Прощай, друг! Ты хорошо и правильно сказал. В моем сердце Испания будет жить до тех пор, пока оно бьется. — Педро прижался лицом к груди Хезуса.

— Спасибо, товарищ! Прощай, Педро!

Педро отстранился, вытер щеку, попытался улыбнуться.

— Я так и не стал настоящим испанцем...

— Ты — испанец, — торжественно, как клятву, проговорил Хезус. — Ты — испанец! Испанец — и русский. И еще француз, чех, немец, англичанин и настоящий американец. И они — все, кто был с нами в наш трудный и святой час, — тоже испанцы, и русские, и немцы, и французы, и все национальности, какие есть на свете.

— Ты говоришь, как Антонио...

— Я стал коммунистом, Педро Тарасович.

А над Испанией опускалась ночь.

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

„ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ“

Недавно двум египетским врачам М. Саведу и Э. Тага пришлось лечить внезапно заболевших работников археологической экспедиции, которые участвовали в раскрытии коптских мумий IV столетия до н. э.

Болезнь вначале была неизвестна. Оба врача знали и о других случаях таинственных заболеваний. Вот уже много

объяснять это все тем же «проклятием».

Врачи М. Савед и Э. Тага решили сами побывать на раскопках, провести тщательное исследование мумии и всех предметов, обнаруженных в гробнице.

Под набальзамированными бинтами мумии они обнаружили зародыши живых микроорганизмов. Эти микроорганиз-

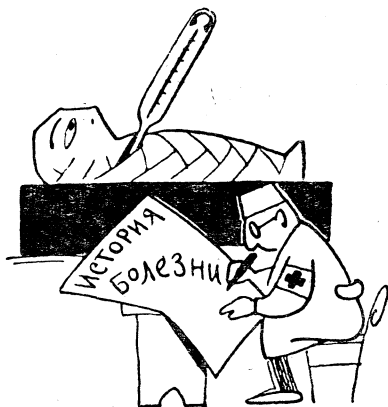

Рисунок Г. КОВАНОВА

лет существует легенда о проклятии фараонов, даже через тысячелетия мстящих всякому, кто осмеливается войти в их гробницы. Когда после открытия гробницы Тутенкама умерло несколько рабочих, верующие особенно рьяно стали

мы, по мнению египетских ученых, и теперь, спустя 15 столетий, могут вызывать инфекционные заболевания, причем такие, которых сегодня нет и в помине.

Так наука объяснила еще один религиозный вымысел.

ВОЛК АНД

Рисунок П. ПАВЛОВА

Ламы, тяжело нагруженные плетеными корзинами, снова забеспокоились и зажевали губами. Животных волновал запах серы, носившийся в воздухе, и глухой рокот низвергающихся каменных лавин.

Бронзоволицый погонщик лам, чистокровный индеец племени аймара, плотнее закутался в пончо и поглубже натянул шапку.

— Сеньор, это вулкан ворчит. Пойдем только до Источника Потерянной Воды и там заночуем, — проговорил он на удивительно чистом испанском языке. — Здесь, у источника, кончается дорога инков, а по бездорожью в тумане опасно двигаться.

— Как хочешь, друг Вербентэ! — Европейец стряхнул капли дождя с широкополого сомбреро и снова надел его на свою белокурую голову. — Удивительно, на какое большое расстоя-

ние испарения вулкана отравляют воздух — почти на пятьдесят километров!

— Не удивляйся: когда огонь вырывается из ледяных полей, горы дрожат на пятьдесят часов пути, а дьявольское дыхание достигает Салады и Потози. — Индеец посмотрел на тяжелые тучи, плывущие через горный хребет в долину Хоспи, и, обращаясь к животным, произнес: — Не волнуйтесь, скоро вы получите свежую воду и хороший корм...

Эти слова индеец произнес на местном наречии — кетшуа. Его спутник, помолчав, повторил слова проводника на испанском языке. Тот, довольный, кивнул головой:

— Сеньор Вагнер, я в третий раз сопровождаю вас по Безлюдным Андам, и вы почти постигли наш святой язык. Не забудьте о нем и о Квишиа Вербентэ, когда вернетесь на вашу далекую родину.

— Забыть? Невозможно! Продам собранные кактусы в Лондоне или в Гамбурге и тотчас вышлю твою долю. А о своем приезде я напишу падре в Трено-Тариа, и он сообщит тебе, когда и где меня встречать...

Путешественники молча двигались в тумане, пока, наконец, не достигли высокогорной долины, покрытой нежно-зеленой травой. В каменном ложе, обточенном водой и временем, протекал кристально чистый ручей. Около него стояла каменная хижина, позади которой сразу же начинался крутой спуск, тонувший во мгле.

Вербентэ снял с лам поклажу и пустил их пастись. Затем индеец достал из плетеной корзины пучок листьев, зажег его и бросил внутрь хижины.

— Мой белый брат, подожди! Пусть сначала исчезнут пауки и тысяченожки. В хижине есть все, что нам нужно для костра.

Подождав немного, индеец влез в узкую дверь и подал Вагнеру связку сухого кактуса и кустарника. Вскоре костер весело пылал, и в котелке кипела вода. Чашки, искусно вырезанные из тыквы, Вагнер наполнил матэ — парагвайским чаем. Над костром на железном вертеле медленно жарилось высушенное на солнце мясо.

— За целый день мы не встретили ни одной дикой ламы, ни одного горного барана, — сказал склонившийся к огню Вербентэ. — А нам необходимо свежее мясо. Я лично могу голодать хоть пять дней, лишь бы у меня были листья коки, а вот мой друг не употребляет дара лесных богов.

Вагнер встал и взял легкое охотничье ружье.

— Если я пойду вдоль ручья, то не заблужусь. Может быть, попадетсЯ дикая лама... Горных козлов я стрелять не буду — и так почти всех перебили...

Он еще не перешел ручья, когда резкий лай заставил его остановиться. Лай шел откуда-то из тумана, раздраженный, переходящий в скрипучий вой и оборвавшийся глухим ворчаньем.

— Волк так высоко в горах? — спросил Вагнер индейца.

Вербентэ покачал головой.

— Это не простой волк — это «волк проклятого инки».

Вагнер вопрошающе посмотрел на индейца, потом — в туман. На выступе скалы, метрах в пятидесяти над ними, по-

явилось большое темно-коричневое животное с узким черепом, напоминающим череп собаки, и маленькими, почти незаметными в густой шерсти ушами. Его лапы, массивные и сильные, твердо стояли на осыпающейся гальке, на животе висели длинные волосы. Вагнер ясно видел желтые оскаленные клыки. От кончика хвоста до кончика носа животного было не меньше двух метров. Оно издавало резкое, захлебывающееся тьяканье, потом протяжно завывало.

Густой туман снова прикрыл выступ скалы. Вагнер, зачарованный видением, забыл прицелиться и теперь, опомнившись, молил, чтобы туман еще раз рассеялся. Но было поздно: тьяканье и вой начали постепенно удаляться, а с выступа посыпалась галька.

— Теперь белый друг может никуда не ходить, — сказал Вербентз. — Там, где прошел «волк проклятого инки», не найти даже полевой мыши. Видишь, как волнуются ламы? Не тревожьтесь, милые, там, где люди, этот хищник не страшен.

Вагнер вернулся и стоял у костра, облокотившись на ствол ружья. Лай и вой замерли, слышалось только журчание ручейка.

— Как ты назвал волка? — спросил он. — «Волк проклятого инки»? Что это за волк?

— Разве у обычного степного волка могут быть такие уши и ноги? Это животное можно встретить только в горах, да и то очень редко, гораздо реже очкастого медведя. Сегодня я увидел «волка проклятого инки» третий раз в жизни.

Вагнер присел около костра. «Маленькие уши, темно-коричневый мех, громадная грива, длинная шерсть и величина...»

— Вербентз, это невозможно, в Андах не может быть волка. Это противоречит всем книжным истинам. Чтобы до сих пор никто не знал о громадном хищнике, схожем с волком, живущем в Андах? Непостижимо! Но мы же не одни его видели? Может быть, это выродившийся обычный степной волк?

— А маленькие уши? — спросил индеец.

— Или, наконец, помесь собаки с волком?

— Сlepки с такого горного волка были еще в хранилищах инков, — сказал проводник. — Они жили раньше, чем в Биру появилась первая собака. Пойми, в памяти нашего народа сохранились имена некоторых великих инков, но были и другие правители, думавшие только о себе и совершенно не беспокоившиеся о благе своего народа, — это безвестные, проклятые инки. Их души никогда не возвращаются в светлое царство солнца, они переходят в тела животных и мечутся без отдыха по великому царству Биру. У них нет пристанища, только мрачное логово в горном утесе. Гонимые голодом и холодом, блуждают эти души в Безлюдных Андах, боязливые, жаждущие крови и никогда не насыщающиеся. Это и есть «волки проклятых инков».

Вагнер, слушая, вспоминал все сенсации, связанные с открытием новых пород животных. Но до сих пор не заметить в Андах громадного волка?.. Чем больше он думал, тем невероятней казалось видение на выступе скалы.

Исследователь Эдвальд Вагнер изучал ботанику и зоологию

в Берлинском университете, но закончить курс не хватило средств. Его дядя, опытный селекционер кактусов, натолкнул его на мысль использовать приобретенные знания в Южно-Американских Андах. Все три экспедиции Вагнера увенчались успехом, а эта последняя сулила значительную прибыль. Вагнер с помощью Вербентэ нашел совершенно новый вид морозоустойчивого растения, способного произрастать в снегах Анд. Кроме того, он открыл кактус без шипов, быстро растущий на соленой почве горной Атакамы, растение, которое могло быть использовано для засева солончаковых, пустынных площадей Центральной Азии или Австралии. Этой проблемой, наверное, заинтересуются СССР и, возможно, Британия.

Несмотря на успехи в ботанике, Вагнер предпочитал зоологию. Он нашел несколько новых жуков, но наука знает 130 тысяч видов разных насекомых, и эти открытия казались ему пустяками. А вот открытие горного волка в Андах — это сулит мировую славу...

Они добрались до станции Трено-Тариа.

Кактусы были упакованы в ящики и отправлены. Простившись с Вербентэ, Вагнер размечтался о будущем. Через год он снова приедет и отправится в Анды.

* * *

Руководитель кафедры зоологии Кордовского университета профессор Мариано Альбертец, считавшийся крупнейшим зоологом Аргентины, говорил Вагнеру:

— Вы видели волка в стелющемся тумане на горном перевале? Снизу вверх и против темной отвесной скалы? Ах, сеньор Вагнер, после целого дня блуждания в туманных Андах чего только не покажется! Это мог быть и обычный степной волк, случайно забежавший в горы, увеличенный освещением и туманом. Цвет, как вы знаете, у животных к холодам меняется. Нет, такой шкуры у нас никогда в руках не было... Как? Уши маленькие и почти скрыты шерстью? Не показалось ли вам из-за большого расстояния? Нет, нет, дорогой друг, это невозможно, тут не помогут все легенды вашего проводника Вербентэ. В изучении животных мы не можем руководствоваться легендами и визуальными способами. Нужны объект, мех, череп, еще лучше скелет животного, тогда я поверю в вашу находку. Только подобную редкость вряд ли удастся запечатлеть...

— А вы сами, профессор, когда-нибудь слышали о «волке проклятого инки»? — спросил Вагнер.

Профессор снисходительно улыбнулся.

— Вы далеко не первый рассказываете мне о горном волке. Многие стали жертвой миража. Я вспоминаю, мне приносили даже терракотовую вазу с изображением характерной волчьей головы с маленькими ушами.

Но мы, ученые, знаем, что ваятели при всем реализме изображений обходят очень вольно с отдельными элементами модели, искажают их. Даже Бируанская ваза с головой волка не может поколебать мое мнение. Ни в Андах, ни вообще где-либо на земле не существует горного волка!

Вагнер распрощался с профессором и ушел.

По дороге в Буэнос-Айрес размышлял: «Значит, толки об

этом удивительном животном шли, кое-кто его даже видел. Вербентэ подчеркивал исключительную редкость этих зверей. Индейцы племени аймара и кетшуа слагали про них легенды, а гончары древнего царства Биру изображали голову волка на своих изделиях. Нет, то, что я видел на утесе, не мираж. Животное было настоящим горным волком!

На перегоне Кордова — Буэнос-Айрес в ресторане поезда Вагнер встретил своего соотечественника Лоренца Гагенбека, известного поставщика животных во все зоопарки мира. Вагнер подошел к нему, и Гагенбек сразу его вспомнил:

— А, молодой ботаник из Дрездена, собиратель кактусов! Как же, как же, узнал... Год назад я приобрел у вас свечкообразные кактусы. Они великолепно принялись, и если вы приедете в Штеллинген, то увидите их. Сейчас вы прямо с гор? Сразу видно. Найдите редкий кактус и вспомните обо мне.

— А сколько вы заплатите, Гагенбек, если я привезу вам из Анд живого горного волка, притом гигантских размеров? — спросил Вагнер, подсаживаясь к столу.

Тот расхохотался.

— Скажем, миллион, или два, или три марок, песет или долларов — в любой валюте! Столько же, сколько бы я заплатил за лапчатого червя Альп. Можете не торговаться, все равно этих редкостей нет.

— А сами вы слышали о волке? — спросил Вагнер.

— Столько же, сколько и о таинственном африканском водянном льве... Нет, простите, поменьше: следы водяного льва нашлись, а вот у горного волка и следов-то нет!..

— Я видел его собственными глазами, метрах в пятидесяти от себя.

Вагнер рассказал Гагенбеку о своей встрече в Андах. Тот слушал внимательно, не перебивая.

— Да, история странная, — задумчиво произнес он. — Недурно заработаете, если опишете ваше приключение и продадите газетам... Шутки в сторону: профессор Альбертец отрицает. Чем же я могу помочь? Я только скромный поставщик животных. Нельзя найти мех ламы величиной с оленя. Итак, уважаемый друг, волк в Андах... это неправдоподобно. А вот мысль вместе с поисками кактусов заняться доставкой для меня диких животных недурна. У вас прекрасные отношения с местными кетшуа и аймара, Вербентэ ваш побратим. Это же замечательно! За диких лам или козлов я хорошо заплачу. Не тратьте зря усилий на волка Анд — чего нет на земле, то достать невозможно.

— А разве в зоологии за последние пятьдесят лет не было удивительных открытий? — возразил Вагнер.

— Были, и немало. Тибетского бамбукового медведя после первого упоминания удалось привезти в Европу только через тридцать лет. Дикие лошади, обнаруженные известным путешественником Пржевальским в пустыне Гоби, попали в Европу только в двадцатом веке. На Филиппинах найден редкий вид орла — обезьяний. В непроходимых лесах Конго швед Карл Эрикссон открыл лесного жирафа окапи. Известный берлинский ученый-зоолог Матшье, лучший знаток млекопитающих, доказал, что в Африке имеются различные породы слонов.

Из Центральной Африки нам удалось привезти гигантского лесного кабана, открытого Мейнертцахеном, и водворить его в европейские зоологические сады. На маленьком острове Комодо около Явы обнаружен настоящий дракон — четырехметровый варан...

— Почему же в Андах не может оказаться настоящий полярный волк? — спросил Вагнер.

— Невозможно по географическим причинам. В Аляску волки переселились из Сибири. В Южной Америке вплоть до Огненной Земли порода волков мелкая, степная, обычная, хотя у них может быть густая длинная грива. Вы хотите меня убедить в том, что в высокогорном районе Анд существует родич аляскинского волка. Ерунда, волк — равнинное животное. Если вам действительно удастся привезти, живым или мертвым, экземпляр горного волка, то вы, может быть, перевернете многое в науке о расселении животных по земному шару. Ученым придется пересмотреть некоторые устаревшие истины...

Прежде чем расстаться в Буэнос-Айресе, Гагенбек предложил:

— Завтра в четыре часа я буду у продавца мехов Робилеца на Пасе де Юлиа... Непривлекательная местность, но пойти стоит. Этот сеньор бережет для меня уникальные меха и даже черепа. Хотите, поищем у него мех горного волка? Решено: в четыре часа у Робилеца.

За час до условленного времени Вагнер был в магазине продавца мехов. Хозяин, сеньор Робилец, увидев незнакомого человека, тотчас замкнулся. Тем более что посетитель настаивал на приобретении мехов только из высокогорных Анд.

— Есть несколько старых шкурок шеншилей, оставшихся еще от прежних покупок, до запрещения на них охоты, — сказал хозяин, как бы раздумывая. — Вы же знаете, сеньор, скоро в Анды с ружьем нельзя будет показаться. На диких лам и козлов тоже запрет. Кабальеро сам был в Безлюдных Андах? Очень интересно! Из-за опасностей и риска мои поставщики мехов запрашивают очень высокие цены. Шеншилей там множество, не может ли кабальеро порекомендовать местных охотников, занимающихся ловлей этих зверьков? Я возьму любое количество шкурок по очень высокой цене. Американцы помешались на этом мехе...

Робилец явно увивал от просьб Вагнера — до тех пор, пока в магазине не появился Гагенбек.

— Как, вы друг этого кабальеро? — закричал он, обращаясь к Гагенбеку. — А я-то думал, что он из таможни! Сеньор Вагнер, почему же вы раньше об этом не сказали?

Хозяин помчался в глубь лавки и вытащил оттуда кипу мехов.

— Все оставлено для всемирно известного сеньора Гагенбека. За эти меха предлагали заплатить золотом, но я не отдал. Их должен получить специалист! Пусть станет известно и мое скромное участие в исследованиях мира животных.

Гагенбек засмеялся и вынул из кармана блестящую табличку.

— Свое обещание я сдержал. Вот дощечка с витрины, где висят меха большой ламы. С вашей помощью, сеньор Робилец, зоология продвинулась еще на один шаг, Надеюсь, этих живот-

ных признают новым видом, и не исключена возможность, что этот вид назовут так: «Лама вигоньевая, открытая Игнасио Робилецем».

— Лама вигоньевая Игнасио Робилеца... — почти молитвенно повторил старый продавец мехов. — Итак, я натолкнул вас на правильный след! Поневоле станешь внимательным, когда увидишь разницу в размере шкуры на тридцать сантиметров. Открытие уже зарегистрировано?

— К сожалению, нет, — признался Гагенбек. — Его не признает профессор Кордовского университета Альбертец. Жаль, что Матшие — великий знаток млекопитающих — умер. Передовой был человек. Для вас, Вагнер, это тоже большая потеря. Кстати, Игнасио, этот молодой человек собственными глазами видел волка Анд!..

Продавец мехов удивленно смотрел на обоих.

— Сеньоры, вы знаете о волке Анд? Что вы скажете про эту шкуру? — и бросил на стол большую шкуру темно-коричневого цвета с густой, спутанной гривой и длинным волосом на брюхе, отвратительно пахнущую прогорклым салом. Размер шкуры больше двух метров. — Гарантирую, — сказал Робилец, — шкура доставлена из Анд. Только какого зверя? Недурная была bestия... А это шкура детеныша.

Взволнованный Гагенбек наклонился над обеими шкурами, а Вагнер, критически взглядываясь в цвет меха, сказал:

— Тот волк был темнее...

Робилец перебросил мех на левую руку и сильно его встряхнул.

— Смотрите теперь внимательней, раньше был особенно заметен подшерсток. Ну, что скажете?

Вагнер, пораженный, воскликнул:

— Да, это тот же цвет, что и у волка в Андах! Если еще сделать скидку на туман... Сеньор Робилец, откуда у вас этот мех?

— Из района вулкана Ллуллаиллако, севернее Тукумана. Убит в недоступных Андах.

— А я своего волка видел в пятидесяти километрах севернее вулкана Ликанкаура. Почти та же местность!

* * *

Перед тем как вновь отправиться в Южную Америку, Эдвальд Вагнер посетил в Штеллингене знаменитого поставщика зверей. — Где вы торчали до сих пор? Я-то думал, что привезли волка из Анд! Как, только сейчас уезжаете?

Вагнер рассказал Гагенбеку, что целый год был в Советском Союзе, где в одном исследовательском институте велась практическая работа по акклиматизации кактусов без шипов. От института он получил задание найти между высокогорными долинами Анд и пустыней Атакама максимум этого посадочного материала.

— Люди в Советском Союзе твердо идут к цели, — говорил он. — У меня в кармане грандиозный контракт, и я надеюсь не обмануть их доверия. До сих пор я работал для отдельных коллекционеров, сейчас речь идет о селекции нового куль-

турного растения и озеленении высокогорного плато Центральной Азии. Кстати, в Советском Союзе интересуются разведением длинношерстных коз...

Гагенбек заулыбался.

— Дорогой друг, кому вы рассказываете? Я выполняю некоторые заказы на лам и коз для животноводческих ферм Таджикистана и Киргизии! Все это чудесно... Но где же наш волк? Его пребывание в Андах, по мнению многих ученых-зоологов, явление неправдоподобное. Одной шкуры мало, чтобы убедить ученых в находке до сих пор неизвестного горного волка. Робилец больше ничего не прислал. Дальнейший успех открытия зависит только от вас и ваших поисков.

* * *

В Ююу, аргентинском городке севернее Тукумана, у железнодорожного пути, ведущего в Боливию, давно заметили серьезного, сдержанного индейца. Он появлялся точно в полдень, в час прибытия экспресса с юга. Обычно индеец сидел у перрона на корточках и наблюдал за прибывающими пассажирами. Не встретив нужного ему человека, он, кутаясь в пончо, отправлялся к горному ручью, где паслись его ламы. Иногда индеец заходил в харчевню, где покупал кукурузные лепешки или порядочный кусок зажаренного на углях мяса. Никто никогда не видел его в многочисленных барах, расплывшихся в городе.

Мировой экономический кризис захватил и северные провинции Аргентины: небольшие рудники в Андах закрывались, рабочих выбрасывали на улицу. Это были большей частью индейцы или метисы из Боливии. Они спускались в город и, пока хватало песет, топили свое горе в тростниковой водке. Пойманных за попрошайничество грузили, как скот, в товарные вагоны и высылали в дебри Боливийских гор.

Никто не интересовался, как они проживут в Безлюдных Андах.

Индеец, о котором идет речь, за все платил наличными. Однажды он подошел к билетной кассе разменять сто песет и был тотчас окружен безработными шахтерами. С лицом, не выражавшим ни сочувствия, ни сожаления, Вербентэ (это был он) подал старому седому индейцу племени аймара 50 песет. Просители молча, до земли поклонились и, опустив головы, быстро отошли, оглядываясь, как бы запоминая...

Когда Вербентэ вошел на перрон, его остановил толстый человек с красным бульдожьим лицом.

— Эй, парень, продай пончо! Вот тебе сто песет — мне нравится работа и рисунок...

И толстяк потянул за полу пончо.

Индеец, улыбаясь, отстранил назойливого покупателя.

— Господин, не продам даже за тысячу песет!

Толстяк задохнулся от бешенства.

— Что? Сукин сын, ты чего ломаешься? Хочешь, чтобы я продырявил твою коричневую шкуру? — Янки потянулся к кобуре.

В ту же секунду индеец, отбросив пончо на плечи, выхватил

висевший на прекрасно сплетенном поясе длинный обоюдоострый нож. К тому же поясу был прикреплен великолепный револьвер.

Между ними бросился носильщик.

— Спокойно, Вербентэ! Мистер гринго, не хватайтесь за оружие! Прежде чем вы сделаете хоть один выстрел, Вербентэ вас изрешетит. На вашем месте я бы извинился... сын... Вы знаете, что сказали? Аймара этого не прощает, он уважает свою мать!

Попутчики оттащили подальше напуганного янки, а носильщик, заведя его за киоск, объяснял:

— Вербентэ прав. Пончо, сотканное из шерсти длинных волосков, растущих на груди ламы, с подлинным рисунком аймаров, теплое и легкое, нельзя приобрести даже за тысячу песет. Оно не продается, его бесплатно может получить только друг...

Носильщик вернулся к Вербентэ.

— Не годишься ты для города. Я не протестовал бы, если бы эта жирная морда познакомилась с твоим мечете. Только, к сожалению, это важная птица — друг комиссара Ююу. Лучше поскорей покинь город.

— Почему, Сигунья? — возразил индеец. — Я жду в городе своего друга, дождусь его приезда и уйду.

Вскоре прибыл южный экспресс.

Вербентэ моментально узнал Вагнера, хотя они не виделись три года. Он молча ждал, пока его заметит друг, потом, улыбаясь, пошел навстречу, протянул обе руки.

— Мой белый брат долго заставил себя ждать. Вот уже две недели хожу к каждому поезду из Тукумана...

— Вербентэ, друг! — Вагнер крепко обнял его. — Не помолодел, но выглядишь прекрасно! Почему так долго ждал? Ведь я точно написал падре, когда меня надо встречать в Ююу!

Вербентэ подозвал носильщика и, пока Вагнер вручал тому багажные квитанции, рассказал:

— Падре Тома стал стар и забывчив. Твое письмо он потерял, и, когда я пришел к нему в Трено-Тариа, он вспомнил только месяц и город. Вот я пришел сюда и ждал. Издалека ты присылал мне столько песет, что я мог бы прожить здесь целый год. В городе воздух зачумлен, и я заранее радуюсь свежему дыханию гор.

— Я тоже! Завтра мы сможем отправиться!

— Да хоть через час! Нас ждут лучшие мулы, а для багажа приготовлены ламы.

Они уже подошли к выходу с перрона, когда кто-то крикнул сзади:

— Ни с места, руки вверх!

Вагнер, изумленный, обернулся. В десяти шагах от них стояли два полицейских с автоматами. Позади них — комиссар, а еще дальше — какой-то американец.

— Что за шутки, кабальеро? — спросил Вагнер. — За кого вы меня принимаете?

Комиссар из-за спины полицейских крикнул:

— Отойдите от проклятого индейца, нам нужен только он!

— С кем я иду, полиции не касается! — Жилы на лбу Вагнера вздулись. — Существует здесь неприкосновенность граждан, или полиция делает все, что хочет?

— В последний раз предупреждаю, отойдите от проклятого индейца, или я не отвечаю за последствия! — орал американец, размахивая браунингом. — Эта краснокожая собака угрожала мне!

Носильщик что-то шепнул Вербентэ и побежал через площадь к домам напротив. Вагнер, ничего не заметив, продолжал спорить:

— Господину из Штатов надо поучиться вести себя. Иначе ему здесь быстро перережут глотку. Люди не любят сравнений с собаками, и прежде всего мой побратим Вербентэ!

Полицейские чувствовали себя неловко. Босые, переминаясь с ноги на ногу, они поглядывали на площадь. Комиссар тоже заметно волновался. Только толстяк орал:

— Белый — побратим местного туземца! Ну и безобразие! Отойдите, или я стреляю! Мой браунинг...

Он вдруг умолк. Оба полицейских с быстротой молнии прыгнули на подножку вагона и помогли своему комиссару сделать то же.

На привокзальной площади появилась толпа, на солнце сверкали мечете. Немногочисленные путешественники и железнодорожные служащие спрятались в бараки. Машинист сразу дал полный ход, стараясь уйти из опасной зоны.

И тут раздалась... нет, не выстрелы — оплеухи. Жилистые горняцкие руки — белые, желтые, красные — лупили по жирным щекам прекрасно выбритого джентльмена...

На следующий день, когда в местечко прибыл эскадрон драгун, там царили тишина и покой. И только жители втихомолку радовались, вспоминая, как был наказан наглый толстяк.

* * *

— У тебя прекрасные друзья среди горняков, — заметил Вагнер, расстилая на первом привале спальный мешок. — Какие пощечины!

Вербентэ пожал плечами.

— Я называл их непутевыми пьяницами, и они молчали. Я им помогал как мог. Мой белый друг, надо приобретать друзей, пока тебе еще не грозит беда. Вот они и выручили...

Часто они беседовали о волке Анд. Вагнер рассказал, что ученые не признают существования этого животного. Индеец загадочно улыбался.

— Волк не привидение, и мы его найдем. После привала у Источника Потерянной Воды я его тоже больше не видел. Но на высокогорной Атакаме след его отыщется.

Индеец объяснял Вагнеру, как трудно жить большому хищнику в высокогорных районах, бедных дичью.

— Человек охотится за дикими ламами и козлами. За домашними овцами и ламами мы смотрим в оба глаза, чтобы не умереть в горах от голода и холода. Шеншиля для волка Анд — ничтожная пища, да и тех охотники за шкурками почти

выбили. Исчезает пища в Андах — меньше и волков, выживают только сильные. Самый страшный враг волка — человек, и они его избегают. Мне приходилось бывать у хипасов и аймаров, живущих высоко в горах, там даже не растет кустарник. Люди этих племен знают «волка проклятого инки», но не охотятся на него, а только прогоняют, если он приближается к их стадам.

* * *

Лето в Андах. Горячее горное солнце пробудило к жизни тысячи разнообразных цветов. Только блестящий снег на вершинах гор не поддавался солнцу. По утрам на спальных мешках путешественников собирался толстый слой инея, но проходил час-другой, вестник зимы исчезал, и к полудню в горах температура равнялась летнему дню в Германии.

На этих пастбищах Вагнер и начал поиски нужных пород кактусов. Скучная почва между скалами не содержала ни процента селитры, а между тем повсюду росли удивительные по форме растения. Здесь возвышались монументальные колоннообразные кактусы, там прятались от ветра круглые головки мамилляриев; опутывая оползни, росли разнообразные опунции; свечкообразные кактусы качались на утесах. Но только очень немногие растения заинтересовали Вагнера и были уложены вместе с пробами почвы в плетеные корзины.

Прошли уже день равноденствия и Новый год, когда друзья достигли селения чипаев. Удивительные хижинки, напоминающие круглые печки, заканчивались искусно сплетенными из остролистника крышами в виде шляп и были аккуратно покрыты сетками. Все входы в хижинки были обращены к восходу солнца, и потому подходившим с восточной стороны Вербентэ и Вагнеру сразу открылась внутренность домов.

В селении царило уныние. Празднуя самый большой свой праздник — равноденствие, чипаи так увлеклись, что позабыли о пасущихся стадах у озера. Голодные волки устроили в отарах форменную резню.

— Горе нам, «волк проклятого инки» повадился в нашу долину, по ночам он воеет около хижин и не дает спать! Помогите нам...

Вагнер тотчас хотел отправиться на розыски, но индеец держался другого мнения.

— Сначала узнаем, откуда приходят волки. Судя по всему, это пара, и у них есть потомство.

Оказалось, что больше всего страдают отары, пасущиеся на горном лугу, вблизи впадения речки в озеро. «Отсюда и начнем искать разбойников», — решил индеец.

На следующий день оба друга отправились в первую разведку по горной реке. Тропинок здесь не было. У подножия утеса карликовые буки и уродливые ивы создали непроходимую чашу, а склоны покрывали колючие ползучие кактусы. У самой реки следопытам удалось обнаружить полосу заболоченной земли. По ней решили пробираться дальше. Справа и слева в мутную воду речушки сбегали быстрые ручейки.

После трехчасового марша Вагнер остановился.

— Вербентэ, ну как найти в этом хаосе волка? Скорей найдешь в океане жемчужину. Тут и следов-то не заметишь.

Вместо ответа индеец отделил от колючки клочок темно-коричневой шерсти, долго его нюхал, потом передал спутнику.

— Вот и первый след. Жаль, на твердом гравии не осталось отпечатков. Пойдем дальше.

Вскоре дорогу им преградил каменный оползень, запрудивший поток.

Вербентэ шел, пригибаясь к земле, тщательно рассматривая каждую песчинку. Вдруг он крикнул:

— Осторожней, камни ползут под ногами! Волк прыгал сверху...

На песке был ясно виден след широкой волчьей лапы. Остаться здесь друзья больше не могли: осыпь подозрительно зашуршала, и они едва успели прыгнуть на камни утеса, как мимо с грохотом пронеслась лавина обломков.

Пыль, поднятая обвалом, мешала осмотру. Вербентэ заторопился в обратный путь.

— Днем волки, особенно когда у них детеныши, не показываются. Завтра после обеда осмотрим другую сторону реки.

Жители селения просили не убивать «волка проклятого инки», а только прогнать его выстрелами в другую долину. Снова индейцы рассказывали удивительные истории о хитрости горных волков и об их умении скрываться. Очень немногие видели горного волка, но все описания совпадали с воспоминаниями самого Вагнера.

Прошло несколько дней.

Кражи овец в отарах не прекратились, но сколько охотники ни старались, они ничего не нашли.

И вот однажды волки неожиданно появились на расстоянии ста метров от места, где укрывались друзья. Сильный бинокль Вагнера позволил рассмотреть черно-коричневый удлиненный корпус, спутанную шерсть на брюхе, своеобразно сформированную узкую голову, густую гриву, треугольные уши, почти скрытые шерстью. Рядом с первым стоял второй волк, поменьше, с менее густой шерстью и более тонкими ногами. Волчиха. Постав на скале, волки исчезли за ее выступом.

Охотники отправились в селение. Там два опытных проводника и молодой пастух согласились провести их на расположенную высоко в горах зеленую поляну. Для приготовлений потребовался целый день: лозовые ветви свивали в веревки, разбирали и смазывали ружья и револьверы, натачивали мачете.

Мучительный подъем на поляну, откуда шел крутой спуск к предполагаемому волчьему логову, продолжался шесть часов. Первым вниз, к логову, полез Вербентэ. Уже спускаясь, он понял несовершенство их плана.

Вербентэ достиг площадки, и проводники чипаи вытащили веревку наверх. Вторым заскользил вниз Вагнер. Вскоре он стоял рядом с индейцем. Новости были невеселыми: волки исчезли.

— Два больших и два маленьких. — Вербентэ показал на песок, где были отчетливо видны следы зверей, ведущие на север.

Волчиха устроила логово под нависшей скалой: мягкая сухая

горная трава перемешалась с сильно пахнущей волчьей шерстью. По всей площадке валялись черепа и кости съеденных животных.

— Как ты думаешь, когда они улизнули? — спросил он Вербентэ.

Индеец улыбнулся.

— В тот день, когда мы их видели, они прощались с долиной, прежде чем уйти. Волчата подросли. — Индеец смерил след волчонка. — Пожалуй, будет с полволчихи. Крепкие малыши. Старые научат их охотиться, а потом семья распадется. Мы опоздали...

* * *

Профессор Альбертец выслушал рассказ и, разглядывая находки из волчьего логова, сочувственно улыбался.

— Слабое подтверждение, — сказал он уклончиво, бегло просмотрев представленный материал. — Один из моих ассистентов все тщательно исследует. Через шесть-восемь месяцев, если будете здесь, получите точные сведения. Еще раз советую отказаться от дальнейших розысков горного волка. Я просмотрел всю историю освоения Анд и не нашел нигде ни одного подтверждения возможности акклиматизации волка в горах.

— Простите, но решать такой важный вопрос, сидя за письменным столом, невозможно! — заметил Вагнер.

— Во всяком случае, за этим письменным столом не будет признана ваша гипотеза о горном волке!

На этом беседа кончилась.

Расчеты с комиссаром в Салте прошли успешно, и теперь Вагнер мог позвратить себе длительный зимний отдых. Вместе с Вербентэ они снова отправятся в Анды, чтобы обследовать северный район, расположенный между гигантскими вулканами Ллуллаиллако и Ликанкаура. Туда ушли волки, и, кроме того, Вагнер думал поискать там новые сорта кактусов, определить их месторождение, а потом наладить их транспортировку.

* * *

Вербентэ разрешили поселиться на территории покинутой шахты. Они отправились туда.

Жить в разрушенных постройках прииска «Темная вода» было не очень-то приятно. Они оказались перенаселенными. Сюда устремились непокорные индейские племена Боливии, спасаясь от солдатчины.

И почти все кочевники слышали о волке Анд, хотя очень немногие его видели. Старый охотник племени чипаев порылся однажды в своем меховом мешке и вытащил оттуда череп удивительной формы:

— Мой отец убил... «Волк проклятого инки». Стоит не меньше мула...

— А если ты за него получишь цену двух мулов? — спросил Вагнер, с первого взгляда убедившись в ценности находки.

Индеец молча пододвинул выбеленные временем кости. Полностью сохранились черепная коробка, верхняя челюсть с выпяченным прикусом хищного животного и щечные кости. Не хва-

тало нижней челюсти. Вагнер тщательно упаковал череп в шерстяное одеяло и спрятал в седельную сумку. Теперь на привалах он долго и внимательно изучал кости. Не было сомнения, они принадлежали крупному и опасному экземпляру волчьей породы.

Но за всю зиму, сколько друзья ни прислушивались, они ни разу не слышали характерного воя и лая.

Весной Вагнер начал обычную работу — поиски кактусов.

* * *

Следующий год принес ему много горя. Жена Вагнера, дочь комиссара в Салте, умерла после родов, подарив ему сына. Мальчик остался у родителей жены, а сам Вагнер снова отправился в горы. Выполнив обязательства по сбору кактусов, ботаник вынужден был вернуться в Европу, чтобы продлить контракты с заказчиками и устроить свои дела, хотя в Германию после прихода к власти фашистов Вагнера не тянуло. Закончив дела, он, к своему ужасу, узнал, что в визе на выезд в Южную Америку ему отказано. Ботаник, работавший для Советского Союза и сам побывавший там, был фашистам подозрителен. Пришлось остаться в Гамбурге. Вагнер вызвал в Германию сына. Началась вторая мировая война, развязанная германским фашизмом. Уехать из Европы оказалось невозможным.

Когда война кончилась, ботаник создал в полуразрушенных, без стекол оранжереях крошечное садоводство. Теперь в работе ему помогал сын Георг.

Затем оба Вагнера покинули Германию. Только в Салте они узнали, что учеными признана новая порода волков в Андах, хотя никто из зоологов не видел это редкое животное ни убитым, ни пойманным.

И Вагнеры отправились на поиски «невозможного волка». В Кордовском университете место умершего Альбертеца занял молодой честолюбивый зоолог профессор Россас.

— Вы тот человек, который нам необходим, — заявил он Вагнеру. — Не говорите о своем возрасте: вы и в сто лет будете таким же. Уж коли вы перенесли жизнь в Гамбурге... Посмотрите на вашего сына, как горят его глаза! Ваш тесть снова будет экспортировать кактусы? Неплохая материальная база... Когда найдете своего друга Вербентэ...

— Это он настаивает на поисках волка! Я был у него на Ауллага-озере. По-прежнему крепок и вынослив... Но мне-то пятьдесят лет!..

Профессор перебил его:

— Вашему знаменитому соотечественнику Александру Гумбольдту было шестьдесят, когда он обошел весь Алтай!

* * *

Были назначены премии: за убитого волка — 100 тысяч песет, за пойманного живым — 200 тысяч. Это правительственное сообщение, помещенное во всех аргентинских газетах, не дошло до Вагнеров и Вербентэ. Они давно уже были в Без-

людных Андах. А безграмотные чипаи и аймара газет не читали.

У Эдвальда Вагнера в Салте дела шли неважно. Диктатор Перон прибрал к рукам всю внешнюю торговлю. Лицензия на право поставок за границу кактусов съела последние деньги. Собираясь на поиски в горы, Вагнер рассказал Вербентэ о своих затруднениях.

— Нам не нужны ни песеты, ни боливаносы, достаточно моего слова, — ответил старый индеец. — Каждый аймара будет счастлив отвезти на выючных ламах умные растения в Трено, Ююу или Салту. За долгие годы я нашел много мест, где мой друг наполнит свои корзины. Диких лам и коз в горах достаточно, а охотиться мы пока не разучились. Мешки полны матэ и табака, что тебе еще нужно?

Вагнер упомянул о ружье с оптическим прицелом, Вербентэ только головой покачал.

— Для охоты на волка нужно не ружье, а хитрость, ум и, главное, выдержка.

— А где были волки в прошлом году? — осведомился Георг Вагнер.

— Велика страна Биру, — ответил индеец, широким жестом показав на запад. — Пройдут годы, прежде чем нога человека ступит туда, где горные козы и дикие ламы находят свой летний приют. Кто может знать, кроме золотого солнца, где охотится «волк проклятого инки»? Учись читать следы, и тогда тебе песок, болото, трава и кусты раскроют свои тайны.

Георгу многому пришлось научиться, прежде чем Вербентэ похвалил его:

— Глаза твои видят сокрытое, а разум правильно оценивает. Верно, здесь через ручеек прыгал шеншиль, он спасался бегством, иначе не делал бы таких громадных прыжков. Поищи, может быть, найдешь, кто его преследовал?

Следы на песке походили на собачьи. Георг наклонился над ними.

— Отец! Вербентэ! А может, это волк Анд?

— Одичавшая собака тоже может быть. Гадать нельзя, надо знать. — И Вербентэ указал юноше на другую сторону ручейка, где виднелись более ясные следы. Глубокие отпечатки задних лап очень далеко отстояли от отпечатков передних.

Вербентэ учил Георга:

— Собаки после длинного прыжка падают сразу на все лапы, а это животное отталкивается задними лапами...

— Это «невозможный волк»! — радостно воскликнул Георг.

Вербентэ перепрыгнул ручей и подозвал к себе молодого человека.

— Какой давности след?

Георг немедленно ответил:

— Минимум двадцатичетырехчасовой. Придавленные колоски снова поднялись... А здесь уже завяли и пожелтели... Нет, этому следу три-четыре дня.

— Правильно, мой друг. — Индеец пошел дальше по лужайке, к возвышению, где росли кактусы, и показал на выступ скалы. Молодой Вагнер нагнулся, снял пушистую шерстинку и, подумав, сказал:

— Тут шеншиль ускользнул в трещину скалы. А где же остался охотник? Вот... — и показал на сломанную опунцию. — Волк на полном ходу врезался в чашу... и повернул.

Далеко на лужайке валялся второй кусок обломанной опунции. Георг тщательно исследовал оба куска и снял несколько волосков, застрявших среди колючек растения.

— Это шерсть волка Анд!

Вербентэ согласился не сразу.

— Глаз может обмануть!

Молодой человек кончиками пальцев потер волоски и понюхал:

— Жирный! Запах прогорклый! Ну скажи, что я прав!

Вербентэ кивнул.

— Да, здесь охотился «волк проклятого инки» и вернулся назад по ручью. Посмотрим, куда он повернул.

Они нашли место, где волк выбрался на берег, уходя к горному краю. Здесь след терялся. Индеец заметил голую каменную тропинку, ведущую к отвесному склону.

— Чтобы попасть на верхние отроги, волк должен здесь подняться. Поглядиим, часто ли он пользуется тропой...

Охотники вскарабкались. В котлообразной выемке скалы, засыпанной мелким песком, нашлось множество следов, ведущих вверх и вниз. Вербентэ заволновался.

— Здесь! Это проторенный путь в долину, только как он преодолевает недоступные склоны?

Долго они ломали голову над этой загадкой, пока Вербентэ не воскликнул:

— Не считай волка умней, чем он есть! Вот как он поднимается. — И индеец показал на каменную осыпь.

С утеса посыпались камни.

— Надо уходить, днем он не покажется. Завтра до восхода солнца поищем дальнейший след. Тобой, Георг, отец будет гордиться!

Почти на закате они вернулись в лагерь, где Вагнер-старший занимался пробами почв. Услышав новость, он отложил в сторону все работы.

— Прекрасно, я как раз закончил основные поиски. Теперь можно остаться на недельку и поохотиться на волка.

— Недельку?! — Лицо индейца окаменело. — Друг, когда ты научишься терпению в наших горах? Выслушай мой совет: надо здесь остаться, пока снег не покроет самые отдаленные лужайки на горных кручах и сквозь наст даже горные козлы не смогут откопать себе пищи. В поисках корма они спустятся в долины, а с ними и волку придется расстаться с недоступными горами. Голод сделает его слепым, а ледяной туман притупит обоняние. Вблизи источника Рио-Саладо у индейцев аймара я займу небольшое стадо коз. Они-то и привлекут хищника...

Вагнер покачал головой.

— Вербентэ, ты предложил план на три месяца, а я давно должен быть в Салте...

— Зачем? Твой сын здесь, ты хорошо заработал. Растения отправлены на станцию в долину. Погонщики привезут нам зимнее снаряжение, а здоровым и свободным ты будешь только под сенью Ллуллаиллако!

Вагнер улыбнулся.

— Пусть будет по-твоему, старина! Кстати, исследуя почву, я здесь кое-что нашел, и это открытие также заставляет меня задержаться в горах. Он вытащил кожаный кошелек, достал из него бумажный пакетик и вынул из пакетика крошечные зеленые кристаллы удивительного блеска.

Вербентэ, поднеся кристаллы к свету, удивленно воскликнул:

— Зеленый луч инки здесь, около вулкана!

Быстро сняв с пояса мешочек, он вынул из него два больших зеленых кристалла и сравнил их с находкой Вагнера.

— Это изумруды, хотя и очень маленькие. Где ты их нашел?

Вагнер молчал. Как замороженный, он смотрел на камни Вербентэ.

— Эти изумруды — целое состояние! Таких еще не находили ни в одной шахте.

Вербентэ засмеялся.

— Где найти зеленый луч инки, мы знаем с древних времен, но никогда не расскажем о нем белым. И ты, друг, молчи, зеленый луч будит в людях зло и проливает кровь. Об этой находке никто не должен знать ни в Салте, ни в Ююу, иначе важные господа и несчастные бродяги бросятся сюда выкапывать камни и убивать друг друга.

* * *

...Уже появился первый холодный туман, не исчезающий даже в полдень. Георг Вагнер отмечал новые следы и вычерчивал по ним карту. Постепенно выявлялся район охоты. Четыре раза молодой Вагнер слышал вдалеке лай и завывание.

Старший Вагнер сомневался в успехе задуманной охоты.

— Здесь ли волк? Почему нет следов волчихи и волчат? Это какой-то отшельник в Андах...

— Не волнуйся, скоро он начнет искать пару, — заявил Георг. — Будущей весной обязательно должно быть потомство.

— Мой юный друг умен, как старая лама, — подтрунивал над ним Вербентэ. — Но мальчик прав: погнавшись за волчихой, волк забудет осторожность...

Холодный ветер с юга погнал первого июня густые снежные хлопья. В Андах началась метель. Все высокогорные долины стали белыми. Когда снова выглянуло солнце, снег уже стал плотным и смог выдержать человека. Вербентэ радовался. Готовясь к длительной осаде, он натирал руки, ноги и даже лицо жиром ламы, приговаривая:

— Конечно, жир ламы не очень приятен, зато предохраняет от сырости и холода и знаком душе «проклятого инки». Волк будет наш. Теперь или никогда. Не курите, чтобы он не чуял запах табака.

Охотники взяли с собой из лагеря только необходимый провиант, спальные мешки, оружие. Вербентэ гнал четырех козлят. Над нависшим утесом друзья остановились. Как ни кричали козлята, старый индеец не пустил их в укрытие.

— Своим криком вы должны вызвать хищника...

Утром после ночевки Вербентэ обыскал местность: следов волка не было.

— Не хочет идти к нам — сами пойдем к нему, — заявил индеец, взваливая поклажу на плечи. Козлята по-прежнему бежали впереди охотников. Утомительный путь продолжался.

Чтобы выпить чашку горячего чаю, Вагнер решил развести костер. Вербентэ запротестовал:

— Тогда лучше прекратим охоту. Каждый дымок в ясном горном воздухе прогонит волка.

В этот день охотники прошли немного. Вербентэ подкармливал козлят тощими кустами толы. К вечеру он начал сооружать из камней загон для козлят. Георг, наблюдая за его работой, заметил:

— Здесь же сквозит и ночью будет чертовски холодно.

Индеец засмеялся.

— Зато козлятки жалобно заплачут и вызовут волка.

— Ночью мы ничего не увидим.

— Не волнуйся, — ответил Вербентэ, — волк нападает на рассвете, он ночью сам плохо видит. За два часа до рассвета мы должны быть в засаде.

В приготовленном укрытии охотники построили небольшой вал, чтобы легче было стрелять. После скудного ужина все трое залезли в спальные мешки.

Георг ночью несколько раз вскакивал, ему казалось, козлята кричат особенно жалобно, и каждый раз он слышал, как Вербентэ бормотал: «Милые, как они кличут его! Если завтра волк будет лежать на циновке, я отдам козлятам все свои лепешки». В четыре часа индеец разбудил друзей, и, закутавшись в пончо, все спрятались в засаду. Два часа на адском холоде не малый срок, и Георг обрадовался, заметив приближение рассвета. Над равниной разлился слабый серый свет. Георг рассмотрел недалеко от каменного завала, где жалобно кричали козлята, темную мелькающую тень.

Георгу очень хотелось поделиться своими наблюдениями, но даже шепот мог выдать их присутствие...

Позади левого угла каменного завала опять мелькнула тень, потом появилась с правой стороны. Быстро светлело. Георг увидел, как, подняв высоко морду, принохиваясь, из-за укрытия вышел волк, раздумывая, как лучше добраться до своих жертв. В эту секунду Георг нажал курок, животное покачнулась, и тут же грохнул второй выстрел. Волк подпрыгнул, перевернулся и упал. Его предсмертный хрип заглушил крик Георга, выпрыгнувшего из засады. Наклонившись над убитым волком, юноша увидел вздрагивающие губы над громадными клыками; глаза уже остекленели.

Старый Вербентэ не намного отстал от Георга.

Подошел и старший Вагнер. Глядя на волка Анд, сказал:

— Таким я его и тогда видел: густая спутанная грива, жесткая шерсть, темная полоса на спине... маленькие скрытые гривой уши, острая морда... Посмотрите на лапы. И профессор Альбертец хотел меня убедить, что это выродок равнинного волка или одичавшая собака!

Вагнер наклонился и схватил животное за спутанную гриву.

— Волк старый. Как прожирена щетина! И откормлен хорошо, видно, не голодал, разбойник. Как же мы дотащим его до железной дороги?

Кровь запятнала снег. Вербентэ связал передние и задние лапы волка.

— Пока еще не застыл! — сказал он. — Как потащим? До нашего лагеря придется на собственном горбе. В лагере упакуем, набьем поклажу снегом и доведем на мулах. За шесть дней доберемся до Трено-Тариа.

— Прекрасно! — Вагнер улыбнулся. — Профессор Россас получит «волка проклятого инки» в замороженном состоянии.

Охотники основательно позавтракали, поудобней уложили ношу и потащили ее к лагерю. Только к ночи они добрались до места у склона. Спать пришлось всего несколько часов. На рассвете запаковали застывшего волка в плетеные циновки, забив каждую трещину снегом, и, как только солнце осветило вулкан Ллуллаиллако, тронулись в путь. Впереди бежало стадо коз, боязливо косившихся на вьючного мула. Они чуяли волка.

...Железнодорожная станция Трено-Тариа невелика: водяной кран, стрелки и два металлических барака. В одном живут служащие дороги, в другом сеньор Муньец торгует виски и пивом собственного приготовления.

В харчевне задержались двадцать шахтеров, не знающих, куда идти — на север, в Боливию, или на юг, в Аргентину. Шансы на работу везде были одинаково скверные. Среди них суетился вербовщик, уговаривая всю группу подрядиться на Перуанские медные рудники. Шахтеры колебались, надеясь получить работу полегче.

Вербовщик грозил:

— Сегодня с первым поездом я уеду. А вы не найдете работы нигде — от Усайа до Огненной Земли. Тогда и пожалете, что не заключили контракт.

Один из индейцев ответил:

— При кризисе контракты ненадежны. Шахту закроют — и мы на улице. Да и какие там деньги... Пойдем лучше ловить «волка проклятого инки». Сто тысяч песо за небылицу! Правительство всегда щедро, когда не нужно платить.

Старый индеец с лицом узким, морщинистым покачал головой:

— По следу волка пошел Вербентэ, он смелый охотник и всегда находит то, что ищет. Правительству придется платить.

— Вербентэ в горах в такую погоду? — спросил хозяин и поглядел на маленькие окна, еле пропускавшие дневной свет. — Трено-Тариа и то совсем занесло, туман такой, что собственного носа не увидишь! Наверху у Ллуллаиллако снегу выпало на метр. Уже шесть дней, как оттуда никто не приходит, вы были последними. Нет, пройти Безлюдные Анды можно будет только через два месяца...

В эту же секунду в дверь харчевни громко застучали. Резкий голос крикнул:

— Открывай, старый жулик! От снега мы ослепли, как куропатки, да еще этот проклятый туман! Уйми своих собак, не то они нашу добычу порвут...

Старый индеец поспешил к двери.

— Это Вербентэ, наш смелый брат! И не один, слышишь, как хрипят мулы?

Старик рванул дверь. В харчевню ввалились трое мужчин, закутанные в пончо. Одежда их, покрытая кристаллами снега, сверкала. Трое, они с трудом тащили длинный сверток, упакованный в плетеные циновки. Осторожно уложили ношу в дальний угол. И тогда только развязали платки, закрывавшие рты, сняли шапки и потребовали:

— Чаю, горячего, как источники в Успаллата! Чуть не замерзли: вместо шести дней плелись четырнадцать. Ну и погода...

Хозяин принес наполненные чаем тыквенные чашки, и трое с наслаждением принялись пить.

Старик индеец смотрел на шахтеров.

— Ну, что я вам говорил? Только Вербентэ мог в такое время пройти по Безлюдным Андам и найти дорогу сюда. Он моего племени!..

Вербентэ услышал, обернулся, обрадованный.

— Кохапалко, рад тебя видеть! Что нового на земле?

Старик поклонился.

— Брат Вербентэ, неужели ты ничего не знаешь? Печатные листки обещают за убитого «волка проклятого инки» сто тысяч песет.

— Что? — Старый проводник поставил чашку. — Кохапалко, это правда?

— Чистая правда. Сеньор Муньец, дайте нам газету! Вот здесь!

Вагнер взял зачитанный листок и прочел там сообщение.

— Вербентэ, верно, правительственное сообщение! Когда идет ближайший поезд на Салту?

Вербентэ, задумавшись, устало сказал:

— Эдвальдо, нам надо расставаться...

— Что? О какой разлуке ты говоришь, дружище? Мы всю жизнь гонялись за «невозможным волком», а теперь, когда он нам принес славу и деньги, расставаться? До сих пор я еще не знаю, кто убил волка...

— Ерунда... все трое следили, двое убили. Решай сам, как делить: на две или на три части...

— Согласен, но о разлуке, Вербентэ, забудь! Руку!

И старые друзья закрепили союз крепким рукопожатием.

Трое охотников пригласили всех гостей сеньора Муньеца пировать с ними до отхода поезда. Хозяин не остался в накладе, получив в уплату изумрудные кристаллы.

Старый аймара оказался прав: правительству пришлось незамедлительно выплатить высокую премию.

Сокращенный перевод с немецкого В. МАТВЕЕВОЙ

На этот раз мы перелистали старые страницы французской фантастической литературы.

Некоторые книги А. Рони-старшего, одного из родоначальников французской научно-фантастической литературы, известны советскому читателю. Это «Борьба за огонь», «Вампирэх» и «Пещерный лев».

«Сокровище снегов» публикуется на русском языке впервые. Сокращенный перевод повести сделан для «Искателя» Е. Толкачевым.

Ж. РОНИ-СТАРШИЙ

Сокровище СНЕГОВ

1

— Ошибаетесь! — возразил мой хозяин. — Последний мамонт вовсе не современник тех, чьи обмерзшие туши или окаменевшие кости обнаруживают порою в ледниках Севера... Мамонты жили десять тысяч лет назад?.. Может быть. Но последний мамонт погиб 19 мая 1899 года. Говорю это с полной уверенностью. Я свидетель его смерти... И многим обязан я этому последнему мамонту.

Он говорил совершенно серьезно; трудно было сомневаться в словах столь положительного человека.

— Кроме того, это не единственный экземпляр, доживший до нашей эпохи, — продолжал мой хозяин. — В своих скитаниях я встречал породы зверей, которых считают давно вымершими, и первобытных людей... Почему я молчал об этом? Я пишу книгу. В ней я и использую этот материал. Сегодня я расскажу об этом не только в порыве инстинктивной симпатии к вам, но и потому, что близок час...

Это были дни мучительных скитаний в полярных областях. Мои спутники погибли. Я остался один. Холод, голод, хищные звери угрожали мне. У меня оставались легкие нарты, две упряжные собаки и небольшой запас сушеного мяса. Я страдал и надеялся протянуть самое большее двое суток. И все же я стремился вперед: в глубине души теплилась надежда на спасение.

Но вот одна из моих собак упала на снег, жалобно завывала и испустила дух. Теперь лишь одна собака тянула мои нарты по бескрайней ледяной пустыне.

Я находился в каком-то странном состоянии, почти в забытьи, когда заметил вдали очертания желтоватых фигур. Собака зарычала, я схватился за винтовку. Белые медведи! Они кажутся белыми на фоне листвы или темной почвы, но в Арктике, где все бело, они выглядят грязно-желтыми.

Их было трое: очень крупный самец и две медведицы. Мы бросились бежать. Медведи преследовали нас с некоторой опаской. Страх удвоил силы моей несчастной собаки, но все же расстояние между нами и преследователями заметно сокращалось. Когда медведи оказались в сотне метров от нас, я вскинул винтовку и дважды выстрелил. Мимо! Я был слишком измучен, моя рука дрожала... Все, чего я добился, — минутное замедление погони. Я отбежал, снова выстрелил, но также безуспешно. Собака выбивалась из сил. Она все больше отставала от меня, начала спотыкаться. Потом упала и уже не смогла подняться.

А я бежал, слыша ее предсмертный вой... Долго ли я бежал? Не знаю... Но вот настал момент, когда, оглянувшись, я увидел, что медведи, покончив с несчастной собакой, преследуют меня. В другое время я закричал бы от ужаса, но теперь неизменная усталость и голод привели меня в состояние апатии. Я двигался, как автомат: мне просто полагалось бежать при данных обстоятельствах, бежать без особой надежды на спасение. Зоркий глаз путешественника непроизвольно отмечал некоторые странности окружающего пейзажа. В этой местности ясно чувствовались следы действия вулканических сил. Порою из-под льда выступали оголенные скалы, потом стали встречаться какие-то кустики и клочки земли, поросшие травой.

«Галлюцинации, — думал я. — Какие могут быть растения в полярной пустыне? Нет никакой растительности в этих широтах!»

Передо мною поднялась огромная ледяная стена.

«Вот и конец! — как-то спокойно подумал я. — Деваться некуда...»

Изнемогая от усталости, я готов был прекратить бесполезное бегство, но заметил в скале выступ, за которым оказалась глубокая расщелина. Вход в нее обледенел. Я буквально скатился туда. В полутьме чернели отверстия каких-то щелей. В одну из них я и бросился. Но ненадолго я укрылся от преследователей. Скоро их дыхание послышалось у меня за спиной. Я полз все дальше по глубокому полутемному ходу, а они за мной по пятам. В глубине коридора забрезжил свет. Он становился все ярче и внушал мне неясные надежды на спасение. Потом ход расширился. Я бросился вперед. Дыхание медведей слышалось совсем близко. Когда я был в двух шагах от выхода, медвежья лапа сорвала с меня шапку. Мелькнула мысль, что настала моя последняя минута. Тогда послышался какой-то шум, и в пещере появилось нечто с длинным хоботом и мощными загнутыми клыками...

Медведи остановились, попятились, зарычали. А фантастическое животное надвигалось, как гранитная скала, подняло извивающийся хобот и испустило невыносимо грозный рев, похожий на скрежет тысячи пил, режущих камни.

Оробевшие медведи попятились и исчезли.

Я остался на месте, обессиленный, дрожащий. Что делать? Бежать обратно, на верную гибель? Медведи, как терпеливые охотники, наверное, ждут меня у выхода. А то, другое животное?.. Кто оно? Что оно собирается делать?.. Я не мог осмыслить его поведения. Одним взмахом хобота оно могло бы убить меня, одним ударом ноги раздавить...

Несколько мгновений мучительных колебаний. Потом я решил: в моем положении больше ничего не оставалось. Я медленно побрел к широкому выходу, откуда в пещеру врывались потоки света. Огромное животное посторонилось и пропустило меня. Я понял это как знак пощады.

Мы стояли, что называется, лицом к лицу, оба, видимо, удивленные. Он был таким, в точности таким, каким описывают вымершую породу гигантских мамонтов: колоссального роста, покрытый сероватой длинной шерстью, хобот — огромная змея, мощные клыки, ноги толщиной со старый древесный ствол, большие уши, голова — осколок скалы. Он производил впечатление неотразимой мощи и величия.

Чем больше я присматривался к нему, тем тверже убеждался: мне не грозит опасность. Его взгляд был спокоен и даже, я бы сказал, благожелателен. И когда он двинулся дальше, я последовал за ним.

При выходе из пещеры меня ждал другой сюрприз. Перед нами открылась долина — фантастическая, цветущая зеленая долина до самого горизонта, типичная саванна, перемежавшаяся рошицами. Вместо ледящего бурана здесь веял легкий теплый ветерок, чудесный майский ветерок моей благословенной родины...

Мое напряжение мгновенно растаяло, точно чья-то добрая рука сняла его. Я съел несколько пригоршней сушеного мяса из своего дорожного мешочка и почувствовал, что силы начинают возвращаться ко мне.

Мамонт тоже остановился. Он жевал сочные травы и нежные высокие цветы.

2

Так я просидел больше часа, погруженный в раздумье, отогреваясь в тепле чудесной долины после стужи ледяной пустыни. Усталость многих тяжелых дней снова навалилась на меня. Мысли текли лениво.

Тесна для человечества становится наша планета, и мы стремимся в новые, неведомые края. Но в эту долину, я уверен, не проникал еще ни один человек, не только исследователь европеец, но и кочевник эскимос. Я очутился в этом сказочном месте в совершенном одиночестве. Все мое имущество состояло из револьвера и винтовки с зарядами, кинжала, хронометра и морского бинокля.

Я старался не упускать из виду своего покровителя — мамонта. Он продолжал пастись в траве и обрывать сочные листья кустарника. Постепенно он удалялся. Он спас мне жизнь. Я считал его своим другом и защитником. Но я для него был, ве-

роятно, малоинтересен, как любое мелкое животное, которое не собирается пастись в его владениях и есть его траву. Когда он отошел на триста-четыре метра, прежние страхи вновь нахлынули на меня. Я поспешно поднялся и поплелся к нему. А он даже внимания на меня не обратил.

Из густой травы вылетали птички, весело щебетали в кустах, а вдаль я увидел стадо оленей. Я был крайне удивлен... Что это за местность, куда меня загнал случай? Как мог существовать этот райский оазис среди ледяных пустынь? Как мог он уцелеть здесь в течение тысячелетий? Что убергло этот чудесный уголок от периодов похолодания, обледенения и смерти? Правда, мамонт снабжен длинной шерстью и может переносить холод не хуже белого медведя, но чем бы он питался, если бы под ледяными ветрами погибла обильная растительность? И потом это стадо оленей...

Однако мамонт был единственным реальным доказательством древности этого уголка, который еще в доисторические времена оказался в особых климатических условиях. Олени-то оказались самыми обыкновенными, такими же, какие жили бок о бок с неандертальцами и живут в наши дни... Вот вышел на пригорок красавец самец с ветвистыми рогами, и я поразился, что он ничем не отличается от нашего европейского лесного оленя. Вдруг стадо чего-то испугалось и умчалось прочь, а мамонт, оторвавшись от мирной жвачки, насторожил уши. Я почувствовал приближение и поспешил под защиту мамонта. Но все было тихо. Я снова лег в траву. Раз два-три я замечал прыгающих зайцев, не белых, арктических, а серых, точно таких же, как на моей далекой родине. Сон обволакивал меня своими мягкими тенетами. Мне грезилось, что наступает тихий вечер... хотя какой мог быть вечер, когда я отлично знал: полярный день будет длиться еще добрых три месяца.

Вдруг сердце мое замерло, а затем дико забилося. Я вскочил. Среди кустов медленно прошел человек...

Появление человека могло сулить новые опасности!

Но кругом все было по-прежнему тихо. Мамонт невозмутимо жевал траву. Может быть, это усталость сыграла со мной злую шутку, доведя до галлюцинаций?

Время текло. Мамонт опять начал удаляться, и я неотступно следовал за ним. Мы поднялись на пригорок, затем на каменистое плато, откуда я смог осмотреть окрестности в бинокль. Долина, насколько я мог судить, занимала площадь тысяч в пятнадцать гектаров, и видимость ограничивалась высокими вершинами со всех сторон, кроме той, откуда я пришел.

Я настороженно осматривался. Ничего. Кругом царил такая тишина и покой, что было бы просто нелепо думать о какой-то опасности. Я уснул.

Когда я проснулся, солнце стояло еще выше: я спал, видимо, не менее четырех часов. Мамонта нигде не было видно. Я решил идти искать его, двинулся вперед, но услышал шорох в кустах, оглянулся и ясно различил темный силуэт. На этот раз не могло быть ошибки — человек! Большая голова, обрамленная седыми кудрями. Старик, мужчина. Он не прятался и пристально разглядывал меня.

Я поднял бинокль и тоже принялся рассматривать его. Он совершенно не походил на эскимоса. Он не походил ни на одного из представителей знакомых мне рас, которых я достаточно повидал во время своих скитаний по белу свету. Ближе всего он подходил к типу чистокровного баска, только челюсть у него имела более квадратную форму да щеки полнее. Цвет кожи был совершенно оригинальный, бледно-лиловый. В полуприкрытых ресницами глазах сверкал живой блеск.

Затем в бинокль я заметил другого человека, скрывавшегося за камнем, а потом и третьего, подалше, притаившегося в высокой траве. Последние двое были еле видны, даже в бинокль я не мог рассмотреть их как следует.

Итак, меня окружили. Очевидно, еще много людей притаилось в кустах, в траве, за камнями, со всех сторон...

Что делать? При необходимости с этими тремя я бы как-нибудь справился, все-таки я недурно стреляю. Ну, а дальше? Придут другие, захотят отомстить за погибших и победят меня силой или хитростью... А если попытаться завязать мирные переговоры?

Я обратился к старику с дружественной жестикуляцией. Он безмолвно продолжал рассматривать меня своими круглыми глазами, видимо не понимая моих знаков. Я перепробовал ряд дружественных жестов, понятных в бразильских лесах, в австралийских пустынях, в джунглях Борнео. На последние старик откликнулся, в точности повторив мои движения. Решившись рискнуть, я направился к нему.

Старик спокойно ждал, пока я прошел половину расстояния, разделявшего нас, потом двинулся навстречу. Больше я ни в чем не сомневался: на лице его было написано некоторое удивление и добродушная приветливость.

Когда мы находились в нескольких шагах друг от друга, он что-то пробормотал и негромко окликнул кого-то. Оглянувшись, я увидел, что ко мне подходят еще два человека. С некоторым замешательством я заметил, что это женщины. Одна — старуха с сухим и строгим морщинистым лицом. Вторая была совсем молода и грациозна. Ее лиловая кожа имела более нежный оттенок, чем у стариков. Вся она была как бы воплощением молодости и жизнерадостности. Пышные черные волосы плащом окутывали ее плечи.

Прошло некоторое время, пока мы осматривали друг друга. Это старинное правило: неподвижность выражает дружественные намерения. Даже дикие звери не бросаются на тех, кто неподвижен. Стало ясно — никто из нас не питает враждебных чувств.

Старик широко улыбнулся, я ответил ему тем же. Он начал произносить отрывистые слова, сопровождая их оживленной мимикой. Я с трудом улавливал эти гортанные звуки с характерным придыханием и никак не мог повторить. В них чувствовался какой-то примитивный ритм, который я не мог сразу понять. Зато жесты были весьма понятны: они выражали благожелательность и иногда вопросы.

Я отвечал, стараясь быть не менее выразительным. Как все

белые люди, я плохо владею языком жестов, и никогда мне не приходилось его широко применять.

Мои собеседники были одеты в короткие туники из оленьих шкур. Ноги были обнажены от икр, рукава очень короткие; видимо, это была их летняя одежда. Пышные вьющиеся волосы были тщательно расчесаны. На шее у каждого было ожерелье из звериных зубов и цветных камешков, на ногах и руках — такие же браслеты.

Их характерное оружие сразу же привлекло мое внимание. Это были плоские гарпуны-копья с наконечниками из оленьего рога, те самые, что безошибочно характеризуют эру раннего неолита. У старика, кроме того, был дротик для метания и нечто вроде костяного жезла, на котором было вырезано изображение мамонта.

Значит, мои новые знакомые, как и мамонт, жители доисторической эры? Возможно. Это могли быть потомки первобытной расы, уцелевшие в полной неприкосновенности языка и быта в силу особых условий на небольшой территории. Их тип, нравы, одежда, оружие — все как будто подтверждало мое предположение.

Из их оживленной жестикуляции я скоро понял, что меня приглашают идти в западную часть долины. Я согласился и двинулся вслед за стариком. Во время перехода мы продолжали наше знакомление друг с другом. Женщины с наивным любопытством ощупывали мою одежду, трогали мою отросшую всклокоченную бороду. Молодая иногда испуганно взвизгивала или заливалась смехом, совсем как ребенок. Ружье и бинокль они трогали, должен признаться, с куда большим почтением, чем мою особу. Они явно считали меня слабым, неопасным существом, но побаивались неизвестных им предметов.

Наконец мы добрались до пещеры в гранитной скале. Старик что-то забормотал и стал горячо жестикулировать. Я понял это так — он предлагал подождать мне здесь и уселся на камень, а мои хозяева исчезли в глубине пещеры. Вскоре они вернулись, нагруженные хворостом и кусками мяса. Старик и девушка сложили костер, а старуха стала высекать огонь, ударяя кремнем по камню.

Вскоре вспыхнул веселый огонек, ввысь поднялся легкий столб дыма, запахло жареным мясом. Три дня я питался всухомятку и теперь с наслаждением вдыхал аппетитный запах. Когда мясо поджарилось, его положили на плоский камень и пригласили меня принять участие в трапезе. Это был один из лучших ужинов в моей жизни, а я, должен сознаться, высоко ставлю тонкое искусство кулинарии. Мы запивали мясо чистой водой, которую девушка принесла в каменной чаше. Потом мы замерли в чудесном настроении сытых людей и дружелюбно переглядывались. Женщины заметно утомились после еды и скоро ушли, а старик долго молчал, потом закрыл глаза и уснул.

Что касается меня, то я испытывал прилив радости. Хорошая еда придала мне сил. Присутствие людей отгоняло щемящее чувство одиночества. Фантастическая обстановка, в которой

я очутился, теперь меня нисколько не смущала. За время своих скитаний я не раз попадал в общество дикарей. Одна только мысль беспокоила меня: здесь, вероятно, есть и другие люди. Отнесутся ли они ко мне так же доброжелательно, как старик и его спутницы?

Вернулись женщины. Старшая присела и принялась что-то объяснять мне, живо жестикулируя.

Вдруг девушка тихоенько вскрикнула. Обе настороженно прислушивались. Проснулся старик. Послышалась тяжелая поступь. Шаги приближались. На скалу упала широкая тень, показалась огромная голова. Это был мамонт, но не тот, за которым я следовал. Он выглядел много старше, громадный, с облезлой шерстью, маленькими тусклыми глазками и обвисшими ушами: верных двести-триста лет.

При виде его старик и женщины упали ниц, простирая к мамонту руки, как на молитве. Их жесты не выражали ни радости, ни страха; привычные ритуальные жесты. Этот древний мамонт представлял для них верховное существо, тотем.

Мне следовало делать то же, что и моим хозяевам. Я повторял их жесты.

Снова послышались грузные шаги, и появился второй мамонт, очень похожий на моего спасителя; впоследствии я узнал, что это он и был. Снова мы повторили молитвенные жесты. Потом женщины поднялись, и младшая грациозно и легко побежала в ту сторону, откуда пришли мамонты.

Появилась новая группа людей: мужчина, женщина и ребенок. Мужчина и женщина осматривали меня с любопытством и недоверчивостью; мужчина даже схватился за копые и сделал угрожающий жест. Старик сдержал его несколькими словами, и тот стал поглядывать на меня более мирно.

Мужчину отличали крупные черты лица, точно вытесанные топором, небольшие глазки под сильно выдающимися надбровными дугами, малоразвитый подбородок. Держался он прямо и уверенно. Женщина была много красивее его: крупное, сильное тело, гибкие, проворные руки и черные сияющие глаза, как у девушки. Как и мои первые знакомые, новопришедшие принадлежали к довольно развитой расе: на мой взгляд, в них было много своеобразной культуры.

Их ребенку, девочке, исполнилось лет пять. Ее кожа издала казалась совершенно белой.

Я не знал, как с ними держаться.

Между тем новые пришельцы осматривали меня каждый по-своему: мужчина старался не показать своего любопытства, женщина была заметно заинтересована моим видом, но робела. Ребенок вел себя совершенно откровенно: девочку соблазнили блестящие стекла бинокля и медные пряжки. Старик и старуха наперебой рассказывали им о нашей встрече, все время указывая на меня.

Солнце опустилось совсем низко. Наступали часы сна. Старик пошел в пещеру и поманил меня за собой. Я вошел и замер от удивления: вся пещера была озарена каким-то призрачным светом, напоминающим лунный. Стены пещеры испускали голубоватое сияние, неяркое, похожее на свет молодого месяца в тропиках. Как и почему светились стены, не знаю до сих пор.

В глубине пещеры лежали охапки сена. Мы расположились, где кто хотел, а мамонты, как великаны-часовые, замерли один у восточного входа, другой у западного.

Не сразу удалось мне заснуть: сильно разгулялись нервы. Эти фосфоресцирующие стены, эти необычные люди, вся эта сказочная обстановка и загадки, возникавшие одна за другой, мучили мое воображение. Жизнь моя зависела от случайности. Удар хобота или удар копья — и я даже не знал бы, откуда пришла смерть...

Сколько я ни ломал голову над этими вопросами, ничего решить не мог. Тогда я сдался и погрузился в сон.

3

Понадобилась по меньшей мере неделя, чтобы я немного освоился с хозяевами долины. Я узнал, что, кроме них шестерых, здесь больше нет людей. Благодаря женщинам, которые не умели так сдерживать свое любопытство, как мужчины, я начал понимать и немного даже объясняться на незнакомом языке. Жизненный уклад здесь был прост. Люди занимались охотой, собирали сладкие корни растений, дикие фрукты, грибы, ягоды, злаки.

Мужчина вел себя спокойно, деловито: охотился, спал, иногда вырезал по дереву или кости или высекал на стенах рисунки, наивные, но талантливые образцы примитивного искусства.

Я все больше привыкал к этим людям, переставал находить в их внешности и нравах чуждое, непонятное. Очень скоро я стал считать себя полноправным членом этой маленькой общины.

Их языком я овладел без труда, нелегко давались только необычные гортанные звуки, остальное пришло само собою. Язык оказался несложным и словарь весьма ограниченным.

Главной моей учительницей стала молодая женщина; у нее было очень ясное произношение, и она усердно занималась моим обучением. Девушка по-прежнему дичилась и сторонилась меня.

Я часто оставался наедине с женщиной. Мы разговаривали, поскольку можно было разговаривать на их малоразвитом языке, и держались как хорошие друзья. Но однажды, когда мы беседовали, какая-то тень закрыла солнце. Из высокой травы поднялся человек. Это был Авах, ее муж. Опираясь на тяжелую дубину, он стоял перед нами, огромный, молчаливый, загадочный...

Наконец я прервал тяжелую паузу:

— Авах недоволен? — спросил я¹.

Он не ответил.

— Авах не хочет, чтобы я бывал наедине с Туанхо? — продолжал я. Этот вопрос, видимо, удивил его: он нахмурил лоб, точно решая трудную задачу.

¹ Все разговоры я передаю весьма приблизительно. В их языке нет ни глаголов, ни прилагательных. Глаголы заменяются жестами, прилагательные — удвоением существительных и оттеняются особыми интонациями.

— Почему другу не быть наедине с Туанхо? — медленно сказал он. — Друг не должен входить в Пещеры Мертвых, пока не даст своей крови. Тогда друг станет сыном Мамонта.

Сперва я не понял его, потом припомнил древний обычай и твердо заявил:

— Друг даст свою кровь.

Ничего не отвечая, Авах вынул из складок одежды кремневый нож и подошел ко мне. Его непроницаемое лицо казалось таким же каменным, как нож. Я на мгновение заподозрил, не затеял ли он хитрую игру, чтобы удобнее прикончить меня. Но я поспешил отогнать эту мысль и позволил ему сделать довольно глубокий надрез на руке. Удар был точный, брызнула струйка крови. Авах приник губами к ране и принялся сосать кровь. Затем он повелительным жестом приказал женщине сделать то же.

— Теперь друг стал сыном Мамонта, как Авах и Туанхо, — торжественно объявил он, заклеивая мою рану листьями. — Теперь он может жить во всех пещерах.

Он спрятал нож и удалился легкой походкой леопарда.

Я потерял немало крови. Туанхо поняла мое состояние и помогла мне добраться до пещеры, где я свалился от слабости и заснул тяжелым сном.

Я проболел три дня. За мной ухаживали, как за своим соплеменником, потому что теперь я тоже стал сыном Мамонта.

Среди этих людей я чувствовал себя перенесенным веком на полтораста в прошлое, и, право, в этом было своеобразное очарование.

На четвертый день, несколько окрепнув, я сказал Туанхо:

— Силы вернулись ко мне. Покажи мне пещеры предков.

Она пошла в глубь нашей жилой пещеры и указала на скалу:

— Надо отодвинуть этот камень.

Путь во внутренние пещеры преграждал огромный осколок скалы. Он был невысок, но широк и казался неподъемным. Однако когда мы налегли на один край камня, он медленно повернулся на своей оси и открыл узкий проход.

Мы вошли. Стены прохода светились так же, как стены жилой пещеры. Скоро мы очутились в просторном гроте неправильной формы, где я увидел посуду, оружие и множество предметов непонятного назначения, украшенных резьбой. Стены грота были местами гладко отполированы; наивные, но опытные руки высекли на них фигуры людей и животных. Особенно меня заинтересовал один рисунок, расположенный много ниже роста человека. Судя по всему, это было самое древнее из всех изображений; здесь фигурировали давно вымершие породы животных: большеголовые лошади, пещерные медведи, саблезубые тигры...

— Туанхо! — в волнении воскликнул я. — Ведь этих животных не видел ни один человек!

— Да, — спокойно ответила она. — Ванаванум (так звали старика) говорит, что и матери наших матерей никогда не видели их. Они водились в те времена, когда дети Мамонта населяли большие земли...

— А остальные рисунки? Это работа Аваха?

— Нет, но многие сделали предки Ванаванума.

Я застыл в немом восторге: древнее искусство было поразительно. Туанхо помолчала и небрежно добавила:

— Есть еще и другие пещеры...

Мы отправились смотреть их. В одной из них было значительно темнее, чем в остальных. Здесь тысячелетиями лежали и сохли кости. Попадались целые скелеты людей и давно вымерших животных: сайги, пещерного медведя, дикой лошади... Здесь фрески на стенах встречались реже и были высечены грубее. Видимо, в этой пещере не жили постоянно, а лишь иногда заходили сюда, как приходят в фамильный склеп предков.

В следующей пещере меня опять ждало удивительное открытие. Как выяснилось позже, она сообщалась непосредственно с выходом в долину, но происшедший когда-то обвал закрыл прямой ход. В этой пещере нашлось еще больше художественной резьбы и высеченных на камне рисунков. На стене было монументальное изображение битвы между стаями пещерных и серых медведей. По четкости и экспрессии это изображение сделало бы честь современному художнику-анималисту.

Я наслаждался этим произведением искусства неведомого художника. Была еще одна пещера, низкая и мрачная, где не видно было следов жизни человека. Здесь мое внимание привлекло нечто блестящее. Я подошел ближе и увидел, что блестят грани отбитого края камня. Я сумел отбить этот кусочек, с любопытством осмотрел его, и кровь бросилась мне в лицо: у меня на ладони лежал кусок алмаза. Без сомнения, в пещере были и другие.

Я долго созерцал сказочной красоты осколок, потом горько усмехнулся: в этой долине на краю мира он стоил меньше, чем гарпун или топор.

4

Моей женой стала Намха, та девушка, которую я встретил вместе со стариком Ванаванумом и старухой.

А потом пришла полярная ночь, на полгода скрывшая от нас солнечный свет. На страшной высоте загорались и расплывались в нежнейших переливах северные сияния. Похолодало не сильно, еще можно было охотиться и собирать зерна обильного урожая диких злаков, орехи, грибы. Мамонты, занявшие нашу детнюю пещеру, выходили пастись значительно реже. Они меньше ели и больше спали.

В этот период я познакомился с ними поближе. Старший оказался туповат. По-видимому, он был древнее, чем я предполагал. Ко мне он относился безразлично, как ко всему на свете, кроме сочной травы. Зато другой, помоложе, проявлял признаки сообразительности, свойственные слону. Я старался завоевать его расположение. Пища составила первый и необходимый элемент для сближения: я таскал ему в пещеру огромные охапки травы и листьев, которые он мгновенно проглатывал. Постепенно мне удалось завоевать его доверие. Ни одно даже самое глупое животное не устоит перед настойчивым желанием человека приручить его. Сперва мамонт привык ко мне, потом это чувство перешло в прочную привязанность. Я все больше и больше приручал его. Собственно говоря, никакой определен-

ной цели у меня не было. Это огромное добродушное с людьми животное могло оказаться полезным в будущем.

Мне приходилось действовать потихоньку. Авах, Ванаванум и даже Туанхо не одобряли ничего, что нарушало их обычаи и жизненный уклад. А мамонт был для них тотемом — нечто вроде божества.

Прошло немного времени, и мамонт стал слушаться меня.

Однажды, блуждая с Намха в пещерах, куда другие обычно не заходили, я обнаружил одну интересную резьбу на кости, относящуюся, несомненно, к глубокой древности. Она изображала человека, сидящего на спине мамонта.

Находка имела для меня огромное значение. Она доказывала, что когда-то мамонты были приручены. Возможно, это было местное, частное явление, но доказательство казалось неопровержимым. Авах и Ванаванум рассматривали резьбу с большим интересом, чем обычно относились к самым выдающимся событиям. Я убеждал их, что у предков существовал, видимо, обычай не только обожествлять, но и использовать мамонтов, и предлагал им следовать примеру предков. Они не возражали и не соглашались и постепенно потеряли интерес к этому вопросу, чему я был втайне рад. Так случай помог мне теперь открыто заниматься приручением мамонта.

Для моих дикарей, как, впрочем, почти для всех людей, оказалось вполне достаточно разрушить некоторые предрассудки, чтобы остальное пошло само собою. Сперва они удивлялись, что мамонт охотно слушается меня, потом привыкли и стали считать это вполне естественным.

Дрессируя мамонта, я задумал соорудить сани. Долго подыскивал подходящий материал, наконец в декабре приступил к работе.

Авах сперва отнесся к моей затее с открытой неприязнью. Потом он, как всегда, привык и перестал обращать внимание на мои занятия.

В январе ударили морозы, хотя далеко не такие суровые, как в окружающих ледяных пустынях. Но мы жили в пещерах, где было достаточно тепло, и не страдали от холода.

Тогда произошло важное событие.

5

В тот день северное сияние было особенно ярким. Блестящие полосы, арки и дуги охватывали весь небосклон. Они поднимались из-за горизонта, как яркие рубиновые сполохи, и, постепенно меняя тона, достигали зенита аквамариновыми змейками, затмевавшими мелкие звезды. Земля и воздух были неподвижны; казалось, они замерли в созерцании великолепного, торжественного зрелища, которое вызывало во мне неосознанное тревожное ожидание.

Мы с Намха брели по долине, когда почувствовали подземный толчок такой силы, что потеряли равновесие. Я был потрясен до глубины души.

— Так погибли наши предки! — в ужасе вскричала женщина. — Так упали горы!

Меня охватил ужас, подобный тому, который я испытывал, когда спасался от медведей.

Но толчок не повторился.

Мы побежали к пещерам. Мамонты вышли из своих убежищ. Старый, как всегда, тупо переминался с ноги на ногу, младший явно нервничал: его огромные уши чутко ловили звуки. Он был напуган, но готов к бою. Мое появление хорошо подействовало на него: он нежно обвил меня хоботом за талию — это было у него выражением ласки — и постепенно стал успокаиваться.

В пещеры мы входили осторожно, однако они не пострадали от толчка.

Пока мы с Намха осматривали стены, вошла Туанхо в сопровождении своей дочери и старухи. Они были очень испуганы, старуха клялась, что таких сильных толчков она не помнит.

Авах и старик долго не приходили, и мы отправились искать их: Туанхо — в северном направлении, старуха двинулась к востоку, а мы с Намха — к западу.

Намха опять стала весела и беззаботна: дитя природы, она жила настоящим и легко забывала все неприятное и тревожное. Но мое воображение цивилизованного человека рисовало наше ближайшее будущее в мрачных тонах. Очевидно, подобные подземные толчки послужили в свое время причиной образования этого оазиса первобытной жизни среди мертвых ледяных просторов. Они случайно создали условия, сохранившие климат и природу далеких веков на этом чудесном клочке земли, но им также ничего не стоило и уничтожить эти исключительные условия.

Мы шли около часа, когда вдаль послышался топот, и огромный олень-самец появился перед нами в призрачном свете северного сияния. Это было великолепное животное в полном расцвете сил и красоты. Он был в сильном возбуждении: его стройные передние ноги рыли землю, дрожь пробегала по могучей спине. Он не боялся нас, казалось, он ждал нас...

Я инстинктивно схватился за гарпун, но тут же опустил его. В пещерах у нас было запасено достаточно мяса.

Несколько мгновений олень смотрел на нас, потом в два прыжка исчез из виду.

— Он бешеный! — воскликнула Намха. — Он нападет на нас!

Я снова схватился за гарпун. Не успел я размахнуться, как вынырнувший из мрака олень кинулся на Намха. Она увернулась от его удара и бросилась бежать. Олень помчался за ней. Я с силой метнул гарпун, но промахнулся. И в тот момент, когда грозные рога животного готовы были свалить бегущую женщину, я выхватил револьвер и дважды выстрелил. Олень внезапно споткнулся, остановился, потом упал на передние ноги и растянулся во весь свой громадный рост.

Потрясенная и радостная Намха закричала:

— Алгла убил большого оленя!

Но потом тревога омрачила ее радость. Она поняла, что я использовал какой-то новый вид оружия, неизвестный детям Мамонта. Она пугливо простерла руки к револьверу, который я продолжал сжимать в руке.

— Олень хотел убить Намха, — сказал я. — Намха не должна рассказывать детям Мамонта про огненный топор, поразивший оленя. Если Намха скажет, огненный топор не сможет больше никого спасти.

— Намха не скажет! — быстро ответила она.

Я знал, что она сдержит слово. Мне было необходимо хранить пока секрет своей винтовки и револьвера.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда огненный топор станет другом Намха.

6

Мы шли еще добрый час, когда Намха, обладавшая изумительно острым слухом, приникла к земле.

— Слышу шаги Ванаванума, — объявила она.

Прошло несколько минут, когда и я их услышал. Потом казался силуэт старика. Он подозвал нас и указал на запад.

— Гора упала в пещеры, которые под землей! — дрожащим голосом проговорил он. Лицо его стало грустным.

Он провел нас к самому краю оазиса. Целая гряда гор исчезла. В образовавшийся просвет, как в окно, был виден унылый полярный пейзаж. Ледяной ветер врывался оттуда и пронизывал нас до костей.

— Так погибнут дети Мамонта, — прибавил старик.

Грустным было наше возвращение к пещерам. Я старался овладеть собой. В конце концов, рассуждал я, может пройти немало лет, прежде чем погибнет наше убежище. Но как бы то ни было, надо готовиться к худшему. Работа над санями, которые еще вчера я мастерил с целью разумно эксплуатировать силу мамонта, приобрела новый смысл: она становилась средством к возможному спасению.

Если мне удастся настолько приручить мамонта, что он станет ходить в упряжке, можно пытаться преодолеть мертвые пространства, отделяющие нас от территории кочевий эскимосов. А может быть, нам повезет, и мы встретим одну из полярных экспедиций, которых, вероятно, становится больше с каждым годом... Кто знает?

Остаток зимы я провел, заканчивая постройку саней и обдумывая, как лучше снабдить всем необходимым предстоящую вылазку в большой мир. Запаси и взять с собою провизию для людей было самым легким делом. Но как быть с питанием мамонта, поедавшего пищи во много раз больше, чем все мы, вместе взятые? Ведь мамонт потребляет только растительный корм, и запас его должен иметь гигантский объем. Я прикидывал и изобретал одну за другой различные комбинации: сено, силос... Наконец я решил сделать для мамонта нечто вроде прессованного бисквита из питательных зерен дикой пшеницы. Мои хозяева не умели разводить это растение, но собирали его зерна и по-своему помогали ему расти, выпалывая вокруг сорняки, отнимавшие питание у полновесных колосьев.

Во время этих горячих приготовлений наступил день, бледный, робкий, который медленно разгорался и за две недели еле заметно поднял температуру воздуха. Я работал яростно. Помимо всего, надо было толковать моим сожителям, что есть

средство спастись на случай, если новые события создадут прямую угрозу нашему существованию.

Женщин, в том числе и старуху, мне удалось убедить довольно легко, но мужчины и слышать не хотели, чтобы покинуть землю предков. Особенно сердился Авах, доходивший в спорах до неистовства.

Солнце поднималось все выше над горизонтом. Наступала полярная весна. За пределами нашей долины по-прежнему растилась безотрадная мерзлая пустыня. Со времени землетрясения она стала видна через большую брешь, образовавшуюся на месте упавших скал. Через эту брешь порой врывалась струя ледяного ветра и сильно понижала температуру нашего райского убежища. Только тогда я установил, что наш оазис согревался дыханием земли, теплота исходила из почвы, а не из воздуха.

С помощью женщин я, как умел, растил дикую пшеницу. Мы сеяли семена в рыхлую почву и удаляли все сорняки. Словом, скорее это был огород, чем пашня.

Никаких колебаний земли больше не наблюдалось, и я стал успокаиваться.

Наступило лето. Наш посев был удачен. К концу мая бесчисленные колосья пшеницы радовали взор. Немало труда стоило уберечь наш урожай от лакомок мамонтов и диких травоядных. Несмотря на охрану, они потравили изрядную часть урожая. К счастью, оказалось, что другие травы, которые они охотно ели, в этом году выросли далеко от пшеничных участков, и набеги прекратились.

Успешно продвигалось и обучение мамонта. Гигант уже позволял надевать на себя упряжь, и мы с ним сделали несколько пробных выездов на санях в ледяную пустыню. Мамонт без труда тащил мое грубое, громоздкое сооружение и казался неутомимым.

Сперва Авах и Ванаванум неприязненно взирали на новый вид моей деятельности, она казалась им нарушением древних обычаев предков и не сулила ничего хорошего. Приходилось изобретать все новые доводы в пользу моей работы и без конца ссылаться на изображение человека верхом на мамонте. У них была весьма примитивная логика и никакого воображения. Поэтому я легко разбивал все их возражения, тем более что непривычка думать и быстро соображать приводила обоих к молчанию. Они ощущали вокруг присутствие враждебных сил и в минуты просветления соглашались, что следует подумать о способах спасения перед грядущей катастрофой. А женщины, еще раньше усвоившие эту истину, беспрестанно твердили им о том же, проявляя исключительное терпение, а порою лукавство.

Однажды, когда я вернулся из особо длительного выезда, Авах встретил меня весьма враждебно.

— Алгла хочет уморить мамонта? — прорычал он. По его тону я понял, что он вызывает меня на ссору. В руке у него был каменный топор. Он мрачно, исподлобья наблюдал за мною, готовый сорваться из-за любого пустяка.

— Не Алгла собирается умертвить мамонта, — ответил я са-

мым ласковым тоном. — Земля разверзнется и погребет и его и всех нас.

Он упрямо потряс головой.

— Дети Мамонта умрут, если Алгла убьет мамонта. Белая равнина — наш враг... Никогда наши предки не бывали там!

Ах, вот он, новый сильный довод! Я спросил у Ванаванума:

— Разве дети Мамонта не владели раньше пространствами куда большими, чем эта долина?

И Ванаванум торжественно подтвердил:

— Они владели пространством в десять раз большим.

— Значит, — подхватил я, — они охотились там. Они грелись в лучах солнца. За этими белыми равнинами есть другие земли, там зеленеет трава и растут деревья. И там, именно там жили раньше дети Мамонта. Их потомки должны вновь получить эти земли и стать многочисленным и сильным племенем.

Ванаванум задумался, Авах смутился.

— Алгла прав, — твердо заявила Туанхо. — Есть земли, где живут другие звери, подобные тем, чьи изображения высечены на стенах пещер.

Она хорошо придумала; я немедленно подхватил ее мысль:

— Я видел своими глазами бесчисленные стада этих животных. Разве Авах и Ванаванум не хотят охотиться так, как охотились их предки?

Ванаванум одобрительно закивал, он начал сдаваться. Гнев Аваха прошел. Я заронил в его сознание интересную мысль, но понадобилось немало времени, чтобы он смог ее оценить. Пока же он был обезоружен.

В июне Туанхо произвела на свет мальчика чистой доисторической расы, а Намха — девочку, в жилах которой смешалась кровь первобытных и современных людей.

В конце июля мы сняли обильный урожай пшеницы, часть отложили в запас, другую оставили для потребления и новых посевов.

Наша жизнь была исполнена радости больше чем когда-либо: мамонты были снабжены в изобилии. Используя опыт первых выездов, я усовершенствовал сани. Молчаливый Авах больше не чинил мне препятствий, он просто не хотел замечать моих начинаний. Однако о путешествии незачем было думать, если новые землетрясения не вынудят нас к этому. Я мог бы пуститься в путь и в одиночку, но это было бы попросту предательством: я обожал свою дочку, любил Намха и очень привязался к остальным.

С приближением полярной ночи отъезд становился все более затруднительным, но к концу августа нам стала грозить новая беда: в наше убежище стали проникать полярные звери.

Однажды мы с Авахом и Ванаванумом бродили около обвала, где в этом году выросло особенно много грибов и съедобных корней. Пока мы их собирали, послышалось громкое рычание и показались два белых медведя. Увидя людей, они остановились, может быть не менее нас удивленные этой встречей.

Во всяком случае, Авах и Ванаванум были очень удивлены. Белые медведи появлялись вблизи оазиса крайне редко и никогда еще не проникали в долину, где жили люди. Те, что год

назад преследовали меня и убежали от мамонта, больше не возвращались.

— Вао! Вао! — воскликнул Ванаванум, припомнив древние легенды. — Это медведи снегов!

Авах крепко сжимал в руках гарпун и топор, Ванаванум схватился за дротик. Прошла минута общего замешательства. Потом звери попятились, и более крупный самец повернул вправо и зарысил по направлению к роще. Самка последовала за ним. Они быстро исчезли. Теперь опасность стала явной.

— Там женщины! — закричал я.

7

Мы бросились за медведями. Найти их следы было нетрудно, но мы немного замешкались в лесу, так как мои спутники напали на свежие следы оленей и, забыв о хищниках, направились было в другую сторону.

Выбежав на опушку, я испустил крик ужаса, а Ванаванум глухо застонал. Медведи гнались за Туанхо! А мы были слишком далеко, чтобы помочь ей своими примитивными метательными копьями.

Авах летел, как быстроногий олень, я старался не отставать. Но было поздно. Медведь схватил Туанхо и повалил на землю. Свирепо рыча, он принялся терзать молодую женщину.

В этот миг на поляне показался знакомый силуэт: мамонт. Спасение! К несчастью, это был старый мамонт. При виде медведей и поверженной Туанхо он остановился. Выживший из ума зверь, видимо, все же осознал положение. Он поднял хобот и издал скрежещущий рев. Медведь, терзавший Туанхо, оставил свою жертву. Медведица, подбиравшаяся к ребенку Туанхо, пятилась. Мы завопили во все горло. Старый мамонт грузно двинулся вперед, и медведи немедленно бросились бежать. Только один Авах бросился за ними в погоню. Мы со стариком поспешили к распростертой Туанхо.

Кровь обильно струилась из двух ран. Женщина была близка к обмороку. Быстрый осмотр показал, что ее жизни не грозит опасность: затронуты лишь верхние покровы и порвано несколько кровеносных сосудов. Ванаванум поспешил приложить к ранам бальзамические травы, которые сделали свое целебное дело лучше, чем я ожидал. Кровь остановилась, молодая женщина постепенно пришла в себя.

Вернулся Авах. Он прекратил погоню не из трусости, а из благоразумия, которое в этих вопросах присуще всем дикарям, предпочитающим отступить там, где нет твердой уверенности в победе.

Туанхо поднялась.

— А где Намха? — спросил я.

— Туанхо не видела Намха с тех пор, как вышла из пещеры.

Авах и старик переглянулись.

— Надо догнать медведей! — воскликнул я.

Мои спутники не возражали. Но Туанхо не могла идти, а для

охоты на хищников нужны были силы всех мужчин. Женщина это поняла.

— Туанхо останется с мамонтом, — решила она.

— А если мамонт уйдет? — забеспокоился я.

— Он медленно ходит. Туанхо поспеет за ним...

Ее сообразительность еще раз удивила меня: для первобытного человека она была очень умна.

Мы втроем снова пустились в погоню. Хотя хищники значительно опередили нас, мои спутники находили их следы, и мы подвигались довольно быстро. Пересекли лес и вышли на опушку, откуда были видны гранитные скалы, в которых располагались наши пещеры. За поворотом открывался вид на долину.

Внезапно за нами послышались крики. Оглянувшись, мы увидели бегущую к нам старую женщину. Она видела медведей и вместе с дочерью Туанхо спряталась от них в кустарнике...

— Намха побежала за Красный холм, — сообщила она.

— Ее преследуют медведи?

Она утвердительно кивнула и добавила, что Намха скрылась по ту сторону прежде, чем хищники взобрались на холм.

Нам понадобилось немного времени, чтобы добежать до Красного холма. Взобравшись на него, мы, наконец, увидели медведей. Они делали что-то непонятное: уткнувшись мордами в щель между огромными базальтовыми глыбами, они поочередно совали туда лапы и грозно рычали.

Ванаванум первый понял, что происходит, и издал призывный крик. Ему ответил дрожащий голос Намха. Тогда и мы с Авахом поняли, что произошло. Намха сумела пролезть сквозь узкую щель между камнями вместе с ребенком, а медведи не могли пробраться за ней и, рыча от злобы, пытались достать ее лапами. Подбежав ближе, мы увидели, что Намха стоит в глубине щели, прижав к себе ребенка, и еле увертывается от грозных когтей.

— Пусть Намха не боится! — закричал я. — Мы идем на помощь!

Медведи обернулись к нам.

«Они могут снова сбежать, — подумал я, — но теперь их упустить нельзя. Пока они живы, мы не можем чувствовать себя спокойно. Ах, если бы я мог вызвать мамонта!»

Я тщетно осматривался вокруг. Ванаванум понял меня.

— Вао! — воскликнул он, указывая вдаль.

— Пусть Авах и Ванаванум не выпускают медведей, — сказал я. — Мамонт нам поможет.

— Авах будет ждать.

Я бросился туда, где вдалеке серел силуэт мамонта. Услышав мой зов, мамонт перестал жевать, насторожил уши, потом помчался ко мне со всех ног.

— Теперь вперед! — крикнул я мужчинам.

Я зарядил револьвер на все шесть патронов и двинулся к медведю. Авах устремился к медведице.

После минутного колебания Ванаванум последовал за мною, считая, что сильный и опытный охотник Авах сам справится с медведицей, и сомневаясь во мне, который выбрал более крупного противника.

А я, не предвидя всех последствий такого поступка, бросился на медведя с револьвером. Две пули угодили в него. Он бросился в бегство. В несколько мгновений нас разделило значительное пространство. Ванаванум, сперва ошеломленный звуками выстрелов, метнул гарпун, задевший бок зверя. Медведь замедлил бег и дал мне возможность лучше прицелиться. Грянул выстрел, и он свалился. Потом поднялся и грозно пошел в атаку. Моя четвертая пуля поразила его в плечо.

В этот миг подоспел мамонт. Расправа была короткая. Подхваченный гигантским хоботом и с силой брошенный о землю, медведь мгновенно превратился в кровавую кашу под ногами гиганта.

Авах вел наступление по-своему. Сперва он отступил, делая вид, что боится медведицы. Когда он вновь осторожно приблизился, она кинулась на него, но звуки выстрелов прервали ее бросок. Она поняла, что ее супругу приходится плохо и следует спешить к нему на помощь. В тот момент когда Ванаванум метнул свой гарпун в медведя, я увидел, что медведица, увернувшись от Аваха, направляется к нам. При новом выстреле она приостановилась, заметила мчащегося к нам мамонта и бросилась прочь. К этому времени Авах был от нее на расстоянии полета копья. Его гарпун ударил в бок медведицы в то время, как мамонт уничтожал медведя. Она взвыла, но продолжала бежать.

Тогда я снова издал призывный клич, который был хорошо понятен мамонту. Мы вчетвером бросились в погоню за убегающей хищницей. Мамонт шел легкой рысью, не напрягая сил. Он отлично рассчитал, что догонит медведицу раньше, чем она достигнет леса. Она это тоже поняла, изменила направление и свернула к группе камней. Этот маневр ее погубил. Мое копье вонзилось в нее.

Теперь она была окружена. Я хотел было разделаться с ней одним выстрелом, но Авах опередил меня: его копье поразило медведицу, и зверь свалился у самых камней. Но тут Авах допустил ошибку, простительную для человека, никогда не охотившегося на крупного зверя. Подбежав к медведице, он дважды ударил ее топором. В это мгновение медведица вскочила, бросилась на него, и оба покатались на землю..

Когда Авах поднялся, медведица была мертва, но у победителя была сломана рука и широкая рана зияла на груди.

8

Больше никаких происшествий не случилось до наступления полярной ночи. Рука Аваха заживала плохо, она утратила былую силу и верность.

Это обстоятельство выдвинуло теперь на первый план меня, как самого сильного. Мои выстрелы озадачили дикарей: они смутно догадывались, что я владею грозным оружием. Я пытался объяснить им действие револьвера и винтовки. Я убеждал их, что дети Мамонта в те далекие годы, когда они еще жили на Большой земле, были знакомы с огнестрельным оружием,

и это знание вернется к ним, если им когда-нибудь удастся вернуться на земли предков.

Но мои доводы воспринимались ими весьма туго. Я чувствовал с их стороны боязнь и сдержанное недовольство. Я стрелял специально для них. Первыми опять-таки привыкли женщины, затем Ванаванум, но неподатливому Аваху понадобился целый месяц, чтобы освоиться и смириться с новым оружием.

Великая ночь тянулась спокойно примерно до половины января. Было холоднее, чем в прошлые годы, но мы ушли в дальние пещеры. Там держалась более высокая температура.

В январе, возвращаясь со стариком, Авахом и мамонтом после обычного обхода нашей территории, мы вновь ощутили колебание почвы. Толчок был слабый и короткий. Мы не обратили на него внимания. В тот день он не повторился; и никаких изменений в нашем убежище мы не обнаружили. Но через неделю колебания возобновились, на этот раз с большей силой. В пещерах появились многочисленные трещины. Еще часть скал, окружавших долину, обрушилась.

Ванаванум впал в уныние.

— Земля разверзнется и поглотит детей Мамонта, — предрекал он.

Уже был близок полярный день, когда новое землетрясение, на этот раз сильное, сокрушило ряд пещер и снесло горы — границы нашего убежища.

Это случилось, когда мы спали. Мы вскочили в ужасе: рухнули стены соседней пещеры. Мы выбежали и видели, как падали огромные скалы...

Прошло несколько томительных недель. Первые же лучи солнца ободрили нас, но новый толчок напомнил, что опасность еще не миновала.

— Надо готовиться к отъезду, — объявил я.

Это произошло в те дни, когда солнце поднялось над горизонтом.

Женщины слушали меня со страхом и надеждой.

— Что об этом думает Авах? — тихо спросил я.

И он ответил печально:

— Авах потерял свою силу... Авах больше не вождь...

Следующие недели прошли в напряженной работе. Мы надевали из пшеницы огромные грубые лепешки, прибавляя туда сушеное и растертое в порошок мясо, сухие грибы, коренья. Остатки зерна были предназначены для мамонтов.

И все-таки надежды на удачу были слабы. Уезжать следовало в самом начале лета. Я рассчитывал лишь на то, что приблизительно знаю дорогу и умею ориентироваться по звездам...

К концу апреля сборы были окончены. У нас был запас провизии на двадцать дней и надежда подстрелить дичь в пути. А если удастся быстро пересечь мертвую зону ледяных пустынь, то и для мамонта там найдется какая-нибудь растительная пища.

Следовало торопиться. Толчков больше не наблюдалось, но ухудшение наступало с каждым днем. Вяли и никли травы, кусты, деревья. Трещины в почве превращались в зияющие провалы. Становилось все холоднее и холоднее.

Я все приготовил к отъезду, нагрузил сани продовольствием,

мехами и прихватил несколько алмазов, которых оказалось достаточно в дальней пещере.

А пещеры постепенно оседали и рушились. Порой лишь случай спасал нас от гибели. Животные метались по долине. Птицы собралась в стаи и улетели.

Отправились и мы.

Когда мы выехали на лед, я обернулся, чтобы последний раз посмотреть на наше чудесное убежище. Горные хребты, защищавшие его, обрушились, и ледяная пустыня торжествующе наступала на благословенный оазис.

На одной из уцелевших скал стоял старый мамонт. Он не двигался. Он не понимал, что происходит.

Мои спутники тоже видели его.

— Старый предок не хочет идти с нами! — скорбно шептали женщины.

В этот момент старый мамонт поднял хобот, издал свой скрежещущий рев, повернулся и медленно пошел в глубь своей долины. Наш мамонт протрубил ему в ответ и сильно дернул сани. Отъезд прошел благополучно.

Несмотря на довольно сносную температуру, путешествие было трудным. За первые десять дней буран начинался всегда дважды. Мы были тепло укутаны в шкуры. Мамонт показывал замечательную выдержку: он вез нас быстрее, чем собачья упряжка, и не менял аллюра.

По дороге несколько раз встречались отметки, сделанные мною два года назад, и я был уверен, что мы следуем в нужном направлении. Я даже стал узнавать некоторые пейзажи. Еще восемь дней, и мы попадем на территорию кочевых племен эскимосов, с которыми я был знаком. Правда, неизвестно, где они сейчас кочуют, но, может быть, на наше счастье, их кочевье окажется поблизости.

На двенадцатый день умерла старуха. Последние дни она глухо кашляла, лежала неподвижно, и у меня не было никаких средств ей помочь. Мы зарыли ее тело в снегу. Не знаю, как это подействовало на моих спутников, — они были молчаливы, как всегда.

На четырнадцатый день сильный озноб стал трясти Ванаванума. Он весь горел, бредил, потом забылся и умер, не придя в сознание.

Наши страдания увеличивались, хотя стало заметно теплее. Истошались силы. Даже мамонт стал проявлять признаки усталости. Женщины угрюмо молчали. Только один Авах был бодр и твердил, что хочет во что бы то ни стало добраться до земель, где жили и охотились великие предки.

Понадобилось еще три ужасных дня, чтобы пройти мертвую зону льдов. Начали встречаться слабые признаки растительности. Заболела Намха. Скорость мамонта уменьшалась с часа на час. Это было великолепное, умное, выносливое животное. Инстинкт гнал его к югу, там он чуял спасение. Напрягая последние силы, он мчал нас вперед.

Еще два дня он боролся за жизнь... Но 19 мая утром он испустил жалобный вопль, повернул ко мне огромную голову, посмотрел живыми страдающими глазами и свалился замертво.

Мы высочили из саней и подбежали к нему. Он дважды вздохнул и замер. Все молчали.

— Теперь дети Мамонта погибнут, — пробормотал Авах.

— Есть другие мамонты в краю солнца, — возразил я.

Мне не хотелось его обманывать, но ведь существуют же слоны. Сказать, что погиб последний мамонт, значило рисковать: все они могли остаться здесь и погибнуть у его труп.

Мы тронулись в путь пешком. За два дня мы одолели не больше пятнадцати километров, помогая идти больной Намха и волоча груз.

Наконец вдали замаячили эскимосские чумы. Мы были спасены.

Некоторое время мы прогостили у эскимосов. Потом сюда забрела американская экспедиция, и мы отправились с ней.

ЭПИЛОГ

— На этом, собственно, закончились наши приключения, — сказал, помолчав, Альглав.

Мы приехали в Америку, потом в Европу. Я продал свои алмазы за шесть миллионов франков и перекочевал со своими спутниками сюда, в Северную Африку. Здесь я купил обширное поместье, где есть леса, луга, где люди могут прожить охотой и рыбной ловлей. Авах устроил себе жилище в пещере, остальные предпочли более комфортабельную жизнь в доме. Мы очень дружны.

В комнату вошла молодая женщина с гордой осанкой и большими сияющими глазами.

— Познакомьтесь, это Туанхо, — сказал Альглав.

Она произнесла несколько непонятных слов и удалилась так же величественно, как вошла.

— А вон Авах! — сказал хозяин.

За окном я увидел высокого, стройного мужчину. Он шел упругой походкой охотника. За ним следовал слон.

Альглав усмехнулся.

— Да, да, я приобрел слона, чтобы усладить жизнь моего первобытного друга. Авах твердо верит, что это мамонт... Видите, я не обманул его: потомок мамонта гуляет рядом с потомками детей Мамонта. Авах обожает своего слона и поклоняется ему, как поклонялся последнему мамонту там, далеко-далеко... А теперь я покажу вам наше маленькое чудо, — сказал хозяин. Он крикнул, и на его зов явился мальчик лет двенадцати.

— Это Раухам, старший сын Аваха. — Альглав нежно провел рукой по черным кудрям мальчика, который спокойно и радостно улыбался. — Он художник. Он много талантливее отца, который неплохо вырезал изображения животных. Я стараюсь развивать его дарование... я помогаю ему... учу его... И он создал такие произведения, которые доказывают, что искусство доисторических людей не ниже искусства греков. Только у них

не было условий, чтобы развернуть свои способности во всю ширь. Хотите посмотреть?

Альгав привел меня в просторную мастерскую, где я увидел чудесные скульптуры и резьбу. Здесь были высокохудожественные изображения оленей, шакалов, гиен, быков и бизонов, собак, пантер, все исключительно выразительные, полные жизни и движения.

Я с восторгом рассматривал их. Чем больше я смотрел, тем больше мне казалось, что я где-то их видел. Я напрягал память и вдруг вспомнил одну из комнат весенней выставки в Париже, где весь город мог видеть великих скульпторов, в восторге созерцавших серию экспонатов неизвестного мастера.

— Это будет великий художник! — восклицал Роден.

Теперь я видел здесь тех же собак, шакалов, пантер. И на постаменте каждой фигуры стояла скромная и загадочная подпись: Рам.

На 3-й стр. обложки:
«Космический ландшафт». Рис. Н. Соколова.

На 4-й стр. обложки:
«Романтика будней». Фото В. Барановского с выставки «Семилетка в действии»

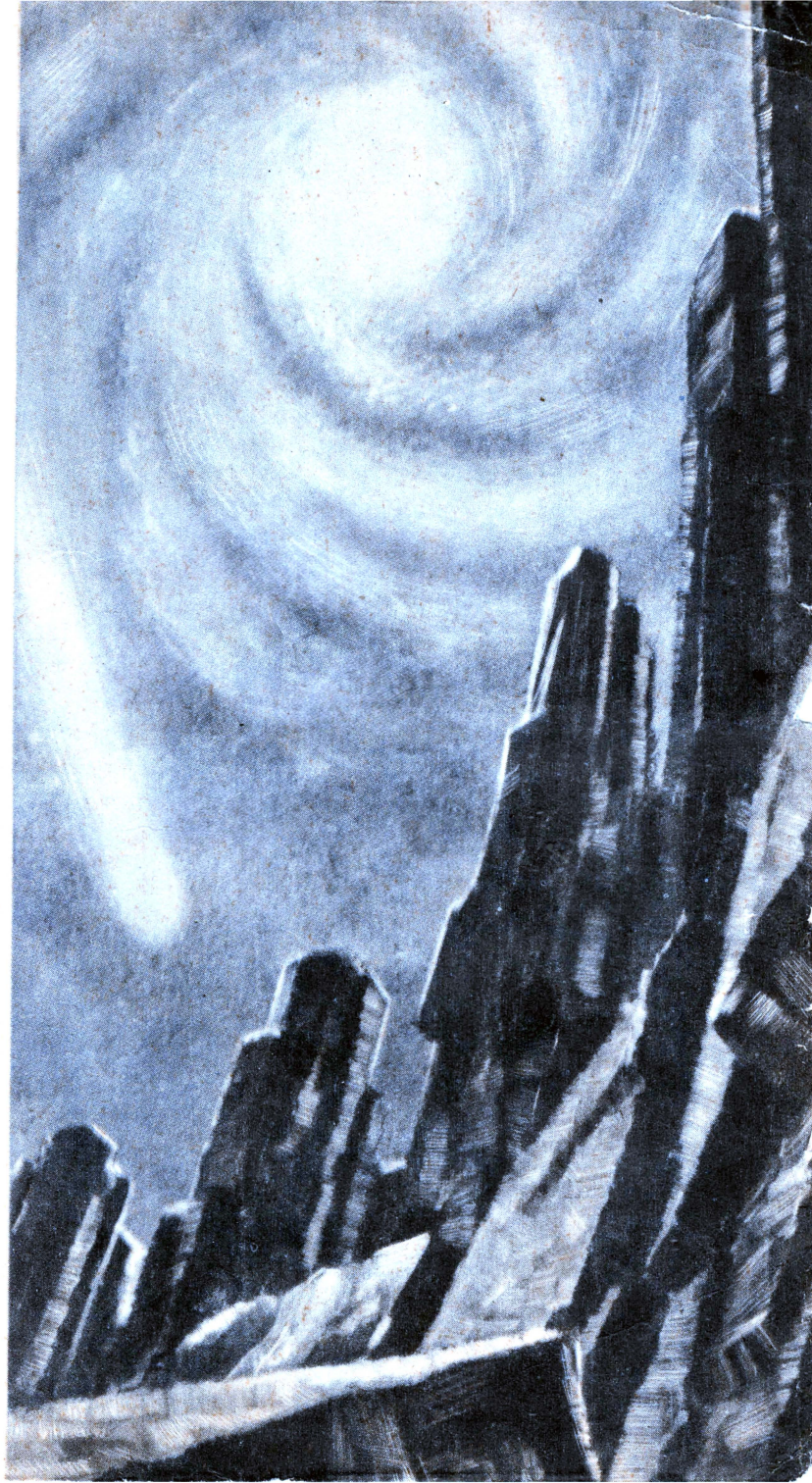
Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор Н. Михайловская
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. Д1-15-00,
доб. 3-93.

А07268. Подп. к печ. 12/ХІІ 1963 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5(8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1999.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцеская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.